ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

МОСКВА • 1949

БИБЛИОТЕКА ВОСПИТАТЕЛЯ ДЕТСКОГО САДА

ЧЕТЫРЕ
ВРЕМЕНИ ГОДА

КНИГА ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЯ
ДЕТСКОГО САДА

Составители:
В. В. Бианки, С. А. Веретенникова,
А. А. Клыков

Второе дополненное издание

МОСКВА 1949

Книга «Четыре времени года» является пособием для воспитателя детского сада.

В художественно-литературной форме в книге раскрывается родная природа — жизнь растений и животных, деятельность человека в природе.

Книга рассчитана на воспитателя, и только некоторые рассказы, сказки и стихи можно читать детям.

Заветной мечтой моей жизни всегда было видеть, чтобы люди останавливались у растений с таким же интересом, с таким же затаённым дыханием, с каким останавливаются они перед новым паровозом, более усовершенствованным трактором, невиданным ещё комбайном, незнакомым самолётом, или перед неизвестной конструкции какой-либо новой, ещё небывалой машиной.

И. В. Мичурин.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

С ранних лет необходимо воспитывать у детей любовь к родной природе, к лесу, молодым зелёным насаждениям, приучить их беречь растения, птиц и других полезных животных.

Поэтому как можно раньше надо ввести детей в мир природы, дать им возможность почувствовать многообразие форм, красок, звуков в ней. Привлекая внимание детей к птичьим голосам, к шелесту листьев, к журчанию ручья, к следам животных, — научить их наблюдать природу, понимать некоторые происходящие в ней явления.

Показывая детям труд человека в природе, создавая возможность для самостоятельного выращивания ими растений, — воспитывать у детей любовь и уважение к этому труду, стремление воздействовать на природу.

Под умелым руководством воспитателя дети обогащаются конкретными представлениями, замечают и устанавливают некоторые связи между явлениями природы, что ляжет в основу формирования у них в будущем материалистического миропонимания.

Выполнить это может только тот воспитатель, который любит природу и знает законы её развития, понимает сущность мичуринского учения.

И. В. Мичурин и его последователи, глубоко изучавшие природу растений, на практике показали, что, зная потребности растений во влаге, в воздухе, пище, определённой температуре и свете, можно управлять их развитием.

Изменяя условия жизни в ранних стадиях их развития, изменять природные качества и свойства их согласно нуждам человека.

Вооружённый знаниями законов развития природы, человек переделывает и поверхность земного шара, изменяет течения рек, соединяет моря и океаны.

Воплощение в жизнь величественного, научно обоснованного плана полезащитных и других насаждений преобразует лицо земли нашей родины, превратит её в цветущий сад. В степях её,

по берегам рек, по оврагам, балкам, вокруг всех полей и водоёмов вырастут леса. Они преградят дорогу сухим ветрам пустыни, уменьшат испарения водоёмов и сделают землю более плодородной.

Чтобы преобразовать природу, нужно хорошо знать её, уметь видеть особенности растений и животных в разных условиях их жизни. «Нужно быть глубоко наблюдательным, как могут быть наблюдательны только люди, жизнь которых составляет одно целое с природой», — говорит И. В. Мичурин в своих записках.

В разное время года по-разному протекает жизнь растений и животных. С определённой последовательностью из года в год повторяются сезонные явления, наблюдая и изучая которые можно накопить большой фактический материал для выяснения связей жизни растений, животных с внешней средой.

Солнце — источник света и тепла для всего живущего. Под его живительными лучами весной начинается движение соков деревьев, из набухших почек появляются бутоны, раскрываются цветы. Все ранние цветы развиваются за счёт тех питательных веществ, которыми растения запаслись с прошлого года и которые они отложили в корневищах, луковицах и клубнях. Поэтому развитие цветов у них опережает развитие листьев.

Наступает осень. Всё меньше света и тепла получает земля, прекращается движение соков из стебля в лист; он желтеет и после первого заморозка отделяется от ветки и отпадает.

И осенью на лугу можно встретить одуванчик, в поле василёк, но цветы эти меньше летних, они сидят на коротких стеблях, низко прижимаясь к земле.

Смена времён года даёт яркие моменты, доступные наблюдениям самых маленьких детей.

На принципе сезонности и построена данная книга.

Составлена она для воспитателя детского сада по замыслу Центрального дошкольного научно-методического кабинета Министерства просвещения РСФСР.

Книга эта не претендует на освещение всех сторон сезонных явлений природы. Её задача — вызвать у воспитателя интерес к природе и желание стать ближе к природе, направить его на самостоятельное изучение явлений природы с тем, чтобы он мог правильно руководить наблюдениями детей, воспитывать у них любознательность, любовь к родной природе и труду в ней.

Содержание данной книги рассчитано на воспитателя, но в каждом разделе книги есть рассказы, сказки и стихи (отмечены звёздочкой), которые могут быть прочитаны вслух или рассказаны детям старших и средних групп.

Воспитателю надо умело сочетать в работе художественное слово этой книги с непосредственными наблюдениями детей в природе.

Художественный образ, данный в стихотворении, сказке, рассказе, загадке, делает восприятие детей ярче, вызывает интерес

к наблюдению, поэтому некоторые очерки и рассказы этой книги можно прочитать до наблюдения в природе.

Например, воспитатель рассказывает детям сказку Н. Павловой «Как облачко» или «Подножная травка», потом на прогулке предлагает детям отыскать подмаренник или травку-пупавку, рассмотреть их и найти в них те признаки, которые описаны в сказке. Или, прочитав детям очерк М. Пришвина «Золотой луг», на прогулке обратить внимание детей на вид луга в разное время дня, в разную погоду, рассмотреть одуванчик и другие цветы, заметить изменения в форме их цветков, когда открываются и закрываются лепестки, поникают и выправляются цветки.

Некоторые же очерки и сказки, например, сказка «Зимняя пирушка» Н. Павловой, могут быть прочитаны детям только после того, как они видели в лесу, парке разные деревья зимой, играя, различали их по внешнему виду.

После сбора ягод, грибов хорошо выучить с детьми стихотворения Е. Трутневой: «Земляника», «Черника», «Грибы».

В данное издание книги дополнительно включены очерки и рассказы о неживой природе, о борьбе человека за высокий урожай и переделку природы.

Даны отрывки из повести «Обновитель природы» В. Лебедева, описывающие эпизоды из жизни и деятельности великого преобразователя природы И. В. Мичурина.

С. Веретенникова.

А воля, простор, а природа, прекрасные окрестности города, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень — разве не были нашими воспитателями?

К. Д. Ушинский.

В Е С Н А

* *
*

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

А. С. Пушкин

* *
*

Уж по холмам на голых скатах
Темнеет бурая трава,
И ярче запад на закатах,
И глубже неба синева,

И зори ясны и багряны,
И на востоке поутру
Сквозные бледные туманы
Ведут волшебную игру.

Дни тихи. Капают капели,
К полудню сыро и тепло.
Узор смолы на тёмной ели
Блестит, как жёлтое стекло.
Пушатся вербы: им не страшен
Мороз в безветренной ночи,
По мягким комьям чёрных пашен
Гуляют чёрные грачи.

Покинув зимние жилища,
Снуют голодные хорьки.
Звончей и радостней и чаще
Поют-горланят петухи.

А. Черемных

СВЕТЛАЯ КАПЕЛЬ

Солнце и ветер. Весенний свет...

Солнечный луч на железной крыше создаёт нечто вроде горного ледника, из-под которого, как в настоящем леднике, струится вода рекой, и от этого ледник отступает. Всё шире и шире темнеет между ледником и краем крыши полоса нагретого железа. Тоненькая струйка с тёплой крыши попадает на холодную сосульку, висящую в тени на морозе. От этого вода, коснувшись сосульки, замерзает, и так сосулька утром сверху растёт в толщину. Когда солнце, обогнув крышу, заглянуло на сосульку,

мороз исчез, и поток из ледника сбежал по сосульке, стал падать золотыми каплями вниз, и это везде на крышах, и до вечера всюду в городе падали вниз золотые интересные капли.

Далеко ещё до вечера стало морозить в тени, и хотя ещё на крыше ледник всё отступал и ручей струился по сосульке, всё-таки некоторые капельки на самом конце её в тени стали примерзать, и чем дальше, тем больше. Сосулька к вечеру стала расти в длину. А на другой день опять солнце, и опять ледник отступает, и сосулька растёт утром в толщину, а вечером в длину: каждый день всё толще, всё длиннее.

М. Пришвин.

ЛЯГУШОНОК

В полднях от горячих лучей солнца стал плавиться снег. Пройдёт два дня, много три, и весна загудит. В полднях солнце так распаривает, что весь снег вокруг нашего домика на колёсах покрывается какой-то чёрной пылью. Мы думали, где-то угли жгут. Приблизил я ладонь к этому грязному снегу, и вдруг — вот те угли! — на сером снегу белое пятно: это мельчайшие жучки-прыгунки разлетелись в разные стороны.

В полдневных лучах на какой-нибудь час или два оживают на снегу разные жучки, паучки, блошки, даже комарики перелетают. Случилось, талая вода проникла в глубь снега и разбудила спящего на земле под снежным одеялом маленького розового лягушонка. Он выполз из-под снега наверх, решил по глупости, что началась настоящая весна, и отправился путешествовать. Известно, куда путешествуют лягушки: к ручейку, к болотцу.

Случилось, в эту ночь как раз хорошо припорошило, и след путешественника легко можно было разобрать. След вначале был прямой, лапка за лапкой, к ближайшему болотцу. Вдруг почему-то след сбивается, дальше больше и больше. Потом лягушонок мечется туда и сюда, вперёд и назад, след становится похожим на запутанный клубок ниток.

Что случилось, почему лягушонок вдруг бросил свой прямой путь к болоту и пытался вернуться назад?

Чтобы разгадать, распутать этот клубок, мы идём дальше и вот видим: сам лягушонок, маленький, розовый, лежит, растопырив безжизненные лапки.

Теперь всё понятно. Ночью мороз взялся за вожжи и так стал подхлёстывать, что лягушонок остановился, сунулся туда, сюда и круто повернул к тёплой дырочке, из которой почуял весну.

В этот день мороз ещё крепче натянул свои вожжи, но ведь в нас самих было тепло, и мы стали помогать весне. Мы долго грели лягушонка своим горячим дыханием, — он всё не оживал. Но мы догадались: налили тёплой воды в кастрюльку и опустили туда розовое тельце с растопыренными лапками.

Крепче, крепче натягивай, мороз, свои вожжи, с нашей весной ты теперь больше не справишься. Не больше часа прошло, как наш лягушонок снова почуял своим тельцем весну и шевельнул лапками. Вскоре и весь он ожил.

Когда грянул гром и всюду зашевелились лягушки, мы выпустили нашего путешественника в то самое болотце, куда он хотел попасть раньше времени, и сказали ему в напутствие:

— Живи, лягушонок, только, не зная броду, не суйся в воду.

М. Пришвин

ТРИ ВЕСНЫ

Зима лютая, она всё бы хотела заморозить насмерть — людей, зверей, птиц, деревья. И всех с голоду уморить. Но солнце — отец жизни — уже объявило ей войну и 21 марта перешло в решительное весеннее наступление.

В этот день оно ровно полсуток побыло на небе, разя врага своими лучами-стрелами. Другие полсуток — ночью — зима морозила землю, чинила свои разрушенные укрепления. Потом солнце всё дольше и дольше стало задерживаться на небе, день стал быстро расти, ночь уменьшаться, тепло прибывать. С каждым днём теперь солнце выше поднимается в небо, лучи его прямей падают на землю и сильней разят снег.

Первая победа — весна полевая.

Она началась, когда в полях показались первые проталины, освободилась первая земля. Обрадовались ей грачи, мигом примчались к нам. Потом — скворцы и полевые жаворонки.

Грачи рады, что могут ковырять носами поле, вытаскивать из потеплевшей земли проснувшихся червей, жучьих личинок. Скворцы ловят оживших насекомых, жаворонки собирают в поле зёрнышки.

Вслед за жаворонками прибыли с зимовок самцы-зяблики — и тоже пока кормятся на земле. А из куликов первыми прилетели красивые хохлатые чибисы — заняли ещё мокрые пашни, с которых поднимается уже тёплый пар.

Вторая победа — весна речная.

Ещё не кончилась весна полевая, не все ещё поля освободились от снега, а солнце повело уже новое наступление — на самые крепкие, ледяные укрепления зимы.

В полях отступает, бежит с них ручьями снег, спасается от солнца в овраги, под крепкий лёд реки. Не дремлют реки, копят силы в неволе. Вот понатужились и поднялись.

Будто пушка ухнула над рекой — треснул толстый лёд. Река вырвалась на волю, с громом и звоном понесла к морю льдины, кроша и разламывая их. Но не доплыть им до далёкого моря: по дороге солнце расстреляет их золотыми горячими своими стрелами.

Ждут-не дождутся освобождения рек, озёр, прудов водяные птицы — утки, гуси, лебеди, чайки, гагары, речные и болотные кулики.

Ведь в освобождённой воде будет им чем поживиться: проснулись в ней рыбы, разные насекомые, рачки, улитки, личинки и другая водная мелюзга.

А реки, освободившись от льда, поднимаются выше и выше. И будет скоро: выйдут из берегов своих, хлынут в луга, затопят долины, кустарники. Люди скажут: «Вот и паводок — весенний разлив. Напоит вода землю».

Это вторая великая победа солнца, вторая весна — весна речная.

В полях уже ни следа не останется от снега, реки начнут возвращаться в свои берега, а зима ещё всё не захочет сдаваться, всё ещё будет бросаться в контратаки — насылать свои морозы-утренники. Последние разбитые отряды её снега ещё долго будут прятаться от солнца в лесу, по тенистым склонам оврагов.

Закукует кукушка, лес закутается зеленоватым туманцем, прилетят ласточки, с последним крепким морозцем белыми звёздочками зацветёт черёмуха. Все певчие птицы вернутся на родину, и бегом прибежит, прячась в зелёной, уже подросшей осоке, болотная курочка-погоныш.

Лес оденется. И соловей запоёт в цветущей, благоуханной сирени.

Это будет третьей решительной победой солнца над зимой. Это третья весна — весна лесная. Последняя: за ней наступит лето.

В. Бианки

РАННЕЙ ВЕСНОЙ

Пахнет талым снегом. И для всех, кто любит весну, кто её ждал, она уже наступила.

На окраинах города, у зданий с южной стороны снег уже растаял. У самых стен из сухих дерновинок уже пробились светло-зелёные иглы — свежие листья какого-то злака. В тёплом, защищённом уголке уже вылезли на свет, растолкав холмик влажной земли, толстенькие пушистые бледные стебельки с низко наклонёнными головками.

Простенькие, но милые цветы мать-и-мачехи раньше всех других украсят обнажённую землю. Но в них — распахнувшихся навстречу солнцу лучистых цветах — уже не будет той

прелести, как в этих склонённых головках, в этих бледных стебельках.

Бледные стебельки мать-и-мачехи пищи для себя приготовить не могут. Но они и не отнимают её у других растений, а берут из запасов.

Это растение с весны заботится только о том, чтобы расцвести. Закроются отцветшие цветы — появятся листочки. А когда они станут листьями и широко раскинутся над землёю, ловя солнечные лучи, ветер уже рассеет пушистые семена. У мать-и-мачехи опять одна забота: готовить пищу для себя и будущих бледных стебельков.

* * * *

За городом местами ещё лежит снег. Канавы до краёв полны коричневой водою. Как тихо!

Вот и опушка. Островки снега, лужицы талой воды и журчание бесчисленных невидимых ручейков. На болоте из-под шоколадной воды выглядывают зелёные кочки, а над ними на тонких стебельках — будто хлопья снега.

Что бы это такое? Гладкие гибкие стебельки с белыми шёлковыми кисточками на верхушках. Что это? Пушистые плодики, не успевшие разлететься с осени? Не может быть! Они такие свежие, чистые, и пушок так прочно держится. А раздвинешь его... Да, конечно, там видны тычинки. Так это цветы! Какие странные цветы!

И, наверно, пушок хорошо защищает эти своеобразные цветы от морозов, которые ещё так часто бывают по утрам. Пушок. А ведь это растение и зовут пушица.

* * * *

Там, вдоль берега, растут орешник и ольха.

Серёжки на орешнике были и зимою, но тогда они были сжатыми, неподвижными, окоченевшими. А сейчас они рыхлые и при малейшем дуновении качаются. Чешуйки раздвинулись, и там, в глубине, между ними желто.

Но не эти серёжки, гораздо любопытнее маленькие пучки ярких розовых ниточек, которые

высовываются из верхушек толстых коричневых точек. Кажется, это усики сидящих в почке насекомых. Вот-вот эти усики зашевелятся, чешуи раздвинутся...

Но нет, ведь эти почки — просто женские цветы, эти розовые усики — рыльца.

Вырвалась из руки наклонённая ветка. Хлестнула по другой. И в воздухе повисло жёлтое облачко. Серёжки раскачались, пылят. А какой их запас у куста, если от одной веточки поднялось целое облачко!

После орешника ольха кажется простенькой, и серёжки у неё грубее, и нет этих розовых ниточек; женские цветы — узкие шишечки.

Только у неё и красивого — это прошлогодние маленькие чёрные шишки, они походят на сосновые в миниатюре.

Как и орешник, ольха без листьев. И ветер свободно гуляет между голыми ветвями. Ничто не мешает ему качать серёжки. Ничто не мешает ему подхватывать пыльцу. И пыльца летит, не встречая препятствий.

* * * *

Как только в лесу станет немного посуше, можно пойти поискать волчье лыко — это редкое растение. Некоторые счастливцы знают места, где его очень много, хотя стоит пойти в лес даже ради одного кустика. И вот будешь его искать, а всё-таки удивишься, когда найдёшь. Уж слишком необыкновенно в этом голом лесу увидеть на светлой подстилке из сухих листьев весь усыпанный розовыми цветами кустик.

Листьев нет, на серых прутиках одни цветы. Чтобы их рассмотреть, придётся присесть: ведь кустик такой миниатюрный. Эти цветы очень похожи на сирень, только на трубочках густой пушок. Они сидят прямо на коре, будто вылезли сквозь трещинки из ветки.

Пахнут нежно, приятно, но слабо. Впрочем, для пчёл, наверно, достаточно сильно. Вон сколько их налетело!

* * * *

Вскоре на опушках лесов и у нас, в городе, в парках и среди кустов по канавам расцветут хохлатки и гусиный лук. У хохлатки

сизые, разделённые на дольки листики и лиловые кисти цветов. Это изящное растеньице как-то непохоже на дикое.

И хохлатка, и гусиный лук покажутся ненадолго. Уже в июне они пожелтеют и отомрут. И след от них останется только под землёю: бурый клубенёк хохлатки да луковица гусиного лука.

Гусиный лук — родственник лилии. И забавно видеть сходство между его крошечными цветочками и цветами лилии; те же шесть листочков по три в два ряда. Но, как многие весенние цветы, цветочки гусиного лука жёлтые. Любопытно, что в дурную погоду они не видны. И если ненастье затянулось, они могут отцвести, ни разу не раскрывшись.

Они опылятся собственной пыльцой.

* * * *

Бывает весна затяжная, и тогда успеешь увидеть все весенние цветы, точно навестишь всех своих знакомых одного за другими. Но иногда весна наступает сразу, и каждый день распускается столько новых цветов, что просто теряешься. Как будто приходится встречать всех своих приятелей на вокзале, куда они внезапно прибыли с одним и тем же поездом.

Но есть цветы, пропустить которые обидно даже во время такой сумбурной весны.

Когда стоишь у цветущей ивы, кажется, что присутствуешь при каком-то важном событии.

Сзади стоит хмурый, по-весеннему неряшливый лес: на земле хворост, прелая листва, выше — голые ветви деревьев. А на опушке солнце освещает яркие, жёлтые, пушистые цветы. Пахнет мёдом. Гудят пчёлы и шмели. Пролетают первые бабочки. Как всё нарядно и торжественно!

У ивы, так же как и у ольхи и орешника, есть мужские и женские цветы. Но мужские цветы у неё на одних кустах, женские — на других. Любоваться можно только первыми: они так нарядны благодаря жёлтым пыльникам. Женские — незаметные серовато-зелёные, они только тем и хороши, что в них тоже есть мёд.

* * * *

Неподалёку белеет берёзовая роща. Вот куда стоит сейчас пойти! На берёзки пока ещё любоваться рано. Но под ними можно найти одно из самых милых весенних растений.

Вот они, синие звёздочки! Их называют голубой перелеской, но разве они голубые? Пожалуй, среди зелени они бы терялись. Но как хороши они сейчас под сухими листьями берёзы — свежие, чистые, ярко-синие с белым колечком тычинок посередине.

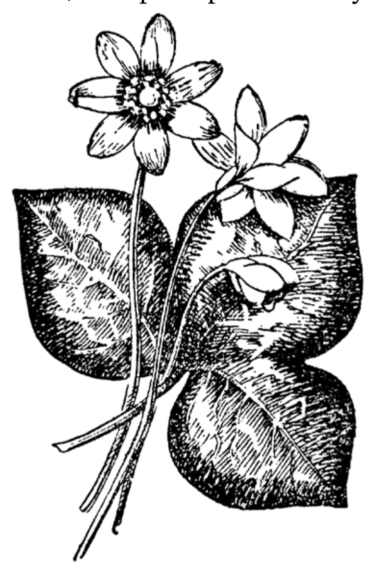
Хочется остаться здесь подольше. Хочется разузнать у этих синих цветов, как они живут.

Какие у них оригинальные трёхлопастные листья. Но почему они такие тёмные и плотные? Не может быть, чтобы они выросли недавно.

Да, вот на некоторых бурые пятна. Ну, ясно, что они прошлогодние, перезимовали под снегом и под этими сухими листьями, которые раскидал весенний ветер.

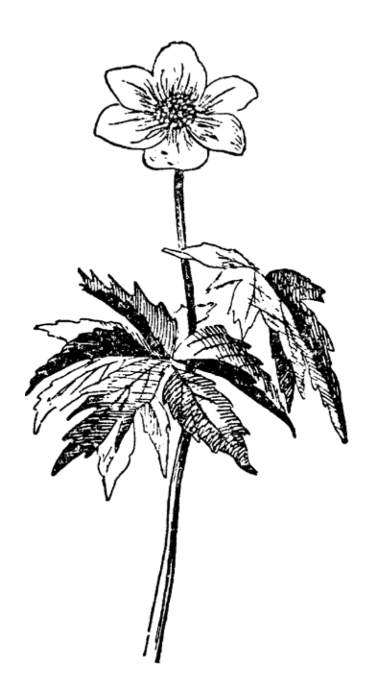
На одном и том же кустике перелески есть мелкие цветы, а есть вдвое крупнее. Мелкие — только что раскрывшиеся. Значит, эти цветы растут?

У самого молодого цветка рыльца блестят, но ни одна тычинка не пылит. Этот цветок ждёт насекомого, которое принесёт ему пыльцу с другого цветка. Вероятно, это будет жук или муха. Вот как они копошатся, едят пыльцу и посыпают ею синие лепестки.

А вот этот цветок не ждёт насекомых! У него пылит уже последний круг тычинок, окружающих пестики. И, любопытно, тычинки нагнулись и прижались пыльниками к рыльцам. Он, очевидно, цвёл в дурную погоду, и ему пришлось опылить себя собственной пыльцой.

Но какие длинные эти тычинки! Соседний круг покороче, потом ещё короче. А крайние тычинки, те, которые пылили первыми, короче всех. В то время и цветок был маленьким. Так вот почему растут лепестки! Ведь они

смыкаются на ночь, чтобы защитить собою тычинки. И каждую ночь им приходится укрывать всё более длинные тычинки. Ясно, что и самим им приходится удлиняться.

Через несколько дней расцветёт и белая перелеска, ветреница, как её чаще называют. Местами, на светлых полянках, она разрастается ковром: светлые разрезные листья и над ними белые цветочки с тонкими нежными лепестками.

Интересно, что каждое из этих растений ежегодно вырастает на новом месте, его корневище, отмирая с одного конца и нарастая с другого, медленно ползёт под землёю.

* * * *

Расцвела ветреница, значит, можно смело пойти поискать медуницу. И — где-нибудь тут же поблизости: в лесу или на опушке. Нельзя сказать, что это растение привлекательно, но оно оригинально: на одном и том же стебле цветы разного цвета: розовые, голубые, синие и фиолетовые. Начинает цветок свою жизнь розовым, а голубеет он уже после опыления, и тогда же прекращается выделение мёда. И любопытно: насекомые не посещают никаких других цветов медуницы, кроме розовых. Розовый цвет для них вывеска: «мёд имеется».

Есть у цветов медуницы и ещё одна очень интересная особенность. У одних растений цветы устроены так: столбик доходит до половины трубки цветка, а пыльники находятся в самом верху. Если насекомое будет перелетать с одного такого цветка на другой, оно их не опылит, потому что будет каждый раз пачкать пыльцой конец своего брюшка, а рыльца будет касаться хоботком или грудью.

Но у растений медуницы есть цветы, которые устроены как раз наоборот: на той высоте, где у одних находится рыльце, у других сидят пыльники, а рыльце располагается вверху. Если на такой цветок сядет насекомое с испачканным пыльцою брюшком, то оно непременно оставит часть пыльцы на рыльце.

Так удивительно приспособлены цветы медуницы для того, чтобы скрещивание могло происходить только между разными растениями.

Одни весенние растения цветут, а другие ещё только что показываются из-под земли.

Сколько кругом ростков! Одни пробивают землю как острым колышком туго свёрнутыми листьями, другие согнутым стебельком. И много же силы в этих ростках! Вон один пробил целую пачку слежавшихся листьев и надел её на себя, как воротничок. А другой проколол толстую гнилушку.

На кустарниках почки уже совсем большие.

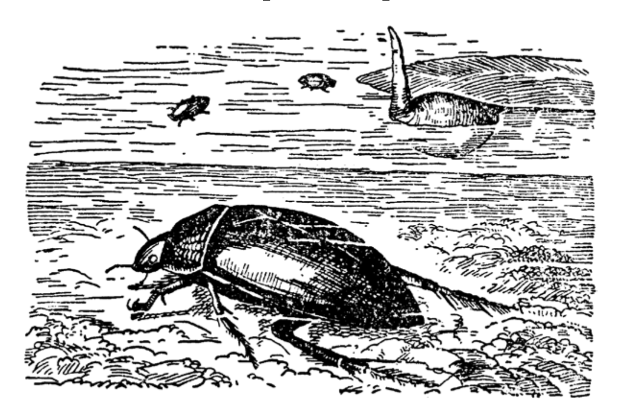
Каждый день расцветают новые цветы. Канавы стали необыкновенно праздничны, украшенные кустиками золото-жёлтых цветов калужницы. По берегам канав — бледно-жёлто-зелёный селезёночник и яркие жёлтые цветочки чистяка.

Цветут деревья: осина, тополь, лиственница. Черёмуха уже в крупных бутонах. Кончается ранняя весна.

Н. Павлова

ПОД ВОДОЙ

Дни стали длиннее. Свет прибавился. Днём мороз слабее. Конец марта — апрель. Дорога к воде начала темнеть. Кое-где на бугорках, на солнечной стороне зачернелась земля.

А если на чёрной кочке увидели грача, знайте, что под водой началось пробуждение.

По всем рыбацким приметам, первой просыпается щука.

В мае рыбе уже не холодно. Водолюб торопится отложить яйца — вывести потомство. Плавунцы, те, что зимуют на суше, если тёплый апрель, переселяются в воду. Прыгают лягушки, лезут в воду тритоны, зимовавшие под слоем мха и земли. На дне лопнули почки бодяги.

Теперь, если хотите видеть без перерыва чудесную картину весеннего пробуждения, нельзя и дня пропустить. Каждый день что-нибудь новое приносит.

Смотрите там, где тёплая, как парное молоко, вода. Вглядывайтесь в эту зелень лугов, залитых полою водою, где блистают

пузырьки воздуха. Старайтесь увидать среди этих изумрудных подводных лесов мириады мельчайших животных и растений. Здесь кладут или прикрепляют к траве свои икринки плотички, окуни, щуки, лещи, словом, громадное большинство наших озёрных и речных рыб.

Не пропустите срока, наблюдайте за ними, пока ещё не согрелась вода, следите за рыбками, пока они малы, пока ещё они не выросли, не уплыли.

Л. Клыков

ТЫ ВСТУПАЕШЬ В ВЕЛИКУЮ БИТВУ

Помни: с той минуты, как в землю упали брошенные тобой семена, ты вступил в великую битву. Семена проснутся, дадут ростки. И чтоб отстоять эту пробуждённую тобой жизнь, тебе придётся биться и с зелёными полчищами сорняков, и с ордою прожорливых гусениц, и с невидимыми врагами — северным ветром и злой убийцей посевов — засухой.

Биться за каждую каплю воды. За тучную, рыхлую землю. За тёплый солнечный луч.

С давних пор ведёт человек на своих полях эту битву, и победа здесь называется урожаем.

Будут у тебя трудные, а порой такие досадные дни! Не опускай рук, не ленись, не хныкай. И ты научишься управлять зелёным миром растений, удлинять лето, по твоему велению раньше обычного будут созревать плоды. А когда придёт осень, время уборки урожая...

Но... до осени ещё далеко. Ещё только первое кучевое облако, как парус, белеет в синеве неба.

Чу! Слышишь, как барабанит весенняя капель? Так-так-так. Часто и звонко, точно зорю бьёт барабан. Так-так-так-так...

Выходи на битву с морозом!

Н. Надеждина

КАК ЧЕЛОВЕК УДЛИНИЛ ЛЕТО

Не ты первый начал эту битву. Спор огородников с морозом — расти или не расти на нашей земле южным овощам — это старый спор.

Если рано весной посеять на грядку семена помидоров — мороз убьет всходы.

Посеять позже, выждав, когда минует угроза заморозков, — плоды не успеют вызреть.

Боится заморозков и росток огурца, уроженец тёплой Ост-Индии, и для других южных овощей — тыквы, кабачков — наше лето слишком коротко.

Человек не мог приказать морозу: «Отступись!» Не мог упросить солнце: «Начни ты мне, солнышко, весну на месяц раньше!»

Где не возьмёшь противника силой — надо брать хитростью. Хочешь увидеть весну среди зимы? Посмотри, как устроен парник.

Это — деревянный сруб. Он поставлен над ямой, набитой навозом. Он покрыт рамой — крышей из стекла. В парнике уже в марте зеленеют всходы. Им тепло: снизу землю греет заложенный в яму навоз. Им светло: стеклянная крыша парника — ловушка для солнечных лучей. Она нарочно устроена с наклоном на юг, чтоб ни один луч не проскользнул мимо.

Солнечные лучи проходят сквозь стекло, а тепло, идущее от нагретой земли, стекло обратно не пропускает.

Знаю, ты можешь сказать: «Мне самому не под силу устроить парник. Как же мне воевать с морозом?»

А на это я тебе отвечу: есть у тебя в комнате окно, освещённое днём солнцем? Фанерный ящик? Лист газеты? Или яичная скорлупка?

Кто умён и хитёр, тот может победить мороз и с листом газетной бумаги.

Н. Надеждина

ПРИЛЁТ ЗЯБЛИКОВ

От прилёта зябликов до кукушки проходит вся краса нашей весны, тончайшая и сложная, как причудливое сплетение ветвей неодетой берёзы. За это время растает снег, умчатся воды, зазеленеет и покроется первыми, самыми нам дорогими цветами земля, потрескаются смолистые почки на тополях, раскроются ароматные клейкие зелёные листики, и тут прилетает кукушка. Тогда только, после всего прекрасного, все скажут: «Началась весна, какая прелесть!..»

М. Пришвин

ЦВЕТУТ БЕРЁЗКИ

Когда старые берёзы цветут и золотистые серёжки скрывают от нас наверху уже раскрытые маленькие листья, внизу на молодых везде видишь ярко-зелёные листики величиной с дождевую каплю, но всё-таки весь лес ещё серый или шоколадный — вот тогда встречается черёмуха и поражает: до чего же листья её на сером

кажутся большими и яркими. Бутоны черёмухи уже готовы. Кукушка поёт самым сочным голосом. Соловей учится, настраивается. Чёртова тёща, и та в это время очаровательна, потому что не поднялась ещё со своими колючками, а лежит на земле большой, красивой звездой. Из-под чёрной лесной воды выбиваются и тут же над водой раскрываются ядовито-жёлтые цветы.

М. Пришвин

ПЕРВЫЙ РАК

Гремел гром, и шёл дождь, и сквозь дождь лучило солнце, и раскидывалась широкая радуга от края до края. В это время распускалась черёмуха, и кусты дикой смородины над самой водой позеленели. Тогда из какой-то рачьей печуры высунул голову и шевельнул усом своим первый рак.

М. Пришвин

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не смолкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ф. И. Тютчев

ОТЦВЕТАЕТ ЧЕРЁМУХА

По лопухам, по крапиве, по всякой зелёной траве рассыпались белые лепестки: отцветает черёмуха. Зато расцвела бузина и под нею внизу земляника. Некоторые бутоны ландышей тоже раскрылись, бурые листья осин стали нежно-зелёными, взошедший овёс зелёными солдатиками расставился по чёрному полю. В болотах поднялась высоко осока, дала в тёмную бездну зелёную тень, по чёрной воде завертелись жучки-вертунки, полетели от одного зелёного острова осоки к другому голубые стрекозы.

Иду белой тропой по крапивной заросли, так сильно пахнет крапивой, что всё тело начинает чесаться. С тревожным криком семейные дрозды гонят дальше и дальше от своих гнёзд хищную ворону...

М. Пришвин

ВЕСНОЙ

Наступила очередь майских цветов. Некоторые из них носят имя или отчество мая, например, майник и ландыш майский. Впрочем, они часто расцветают только в июне.

Ландыш все знают, и миниатюрный майник с колоском белых душистых цветов известен многим, но редко кто видел кувшинчики. Искать их нужно там же, где растёт ландыш: в лесу, по берегам ручьёв. Сначала увидишь только листья, но когда приподнимешь согнутый стебелёк, вдруг неожиданно покажутся зеленовато-белые висящие кувшинчики. Они не пахнут. Но они, да и всё растение, так красивы, что можно искренне пожалеть тех, кто их не замечает, собирая рядом букеты ландышей.

Но самое замечательное, что сейчас можно найти в лесу, — это орхидеи. Одну из них зовут любкой. Она немножко напоминает гиацинт — тоже толстый стебелёк, а на нём сидит множество цветов. Но у любки цветы мелкие с узкими, загнутыми назад лепестками.

Интересно, кто опыляет эти странные цветы? Они душистые. И по вечерам пахнут очень сильно. Запах манит насекомых. Но как сядут насекомые на такой цветочек? Почему лепестки его расположены не перед зёвом, а откинуты назад?

Чтобы раскрыть эту маленькую тайну, придётся прийти сюда после захода солнца. В это время найти любку можно даже с закрытыми глазами: так сильно она благоухает. Но и белые цветочки её в сумерках видны издали. А вот не проглядеть бы насекомое!

Шумно пролетела над цветами большая, тяжёлая бабочка-бражник. Вот и ещё одна! Эта подлетела прямо к любке

и, трепеща, повисла в воздухе. То ниже, то выше, но всё у того же самого стебелька. Подойти поближе. Вот бабочка у верхнего цветка. На лету сунула в него хоботок и замерла, трепеща крыльями.

У другой орхидеи — венериного башмачка — с опылением получается ещё удивительнее.

К сожалению, этот чудный цветок встречается редко. Зато и радуешься ему, как никакому другому! Идёшь по лесу, где под деревьями так мало что растёт, и всё кругом и просто, и однообразно.

И вдруг это изящное растение, эти жёлтые башмачки, окружённые красно-коричневыми узкими лепестками.

Но неспроста у цветка такой «башмачок». Всякие ковшички, урны, башмачки — это не просто милая шутка природы, это ловушка. Правда, «башмачок» — довольно невинная ловушка. Насекомое влезает в него так же, как влезает в башмак нога. На дне башмачка оно находит сочные волоски и принимается их сосать. А наевшись, пытается выйти той же дорогой, как вошло. Но не тут-то было: края башмачка так подвёрнуты, что не вылезешь. И приходится протискиваться через узкое отверстие в другом месте. А там липкий комочек пыльцы — маленькая посылка, которую насекомое принуждено взять и передать другому цветку венериного башмачка.

Опыляются все орхидеи очень оригинально. Наблюдать это нужно, конечно, у какой-нибудь дневной орхидеи. Легче всего у ятрышника, который, наверно, сейчас уже тоже расцвёл.

* * * *

На прогалинках расцвели нежные бело-розовые цветы кислички. Не только цветы у ней нежные, вся она нежная и чувствительная. Стоит только легонько пощёлкать её по ножке цветка и по листу, и произойдёт удивительная вещь: кисличка понемногу начнёт «засыпать»! Цветок сомкнётся и поникнет, все три листочка тройчатого листа опустятся. Так «засыпает» она во время дождя, раздражённая щелчками дождевых капель. Но перестанешь её тревожить, и она опять расправится.

И ещё интересная особенность: кроме раскрытых цветов и бутонов, у кислички есть ещё что-то среднее — не цветы, не бутоны. Они помельче обыкновенных цветов и никогда не раскрываются. Но рыльце у этих цветов липкое, и пыльники пылят. И развиваются из этих странных цветов вполне нормальные плоды.

Кстати, когда плоды кислички поспеют, стоит прийти сюда ещё раз. Маленькие полупрозрачные коробочки замечательны тем, что как только дотронешься, они растрескиваются по швам и стреляют семенами.

* * * *

Что это такое яркое, синее расцвело пышными букетами под кустами на опушке?

Какое замечательное растение! Это не цветы у него такие яркие, синие и фиолетовые, а листья, верхние листья. И как выделяются на фоне этих изумительных листьев жёлтые с красным цветы трубочками.

Какое имя подошло бы к этому красивому, оригинальному растению? А ведь зовут-то его Иван-да-Марья, или марьянник!

Вероятно, многим, кто видел марьянник, хотелось выкопать несколько кустиков с корнями и посадить их где-нибудь у себя. Но не успеешь донести их до дому, как, глядишь, уже завяли. А между тем выкопать› марьянник, не повредив корней, очень легко: ведь корни у него совсем маленькие. Странно даже, как он удерживается ими в земле. Но если начнёшь осторожно раскапывать, увидишь удивительную вещь: марьянник держится своими корешками за корни других растений! Присосался к ним.

Он берёт от других растений воду. Сам добыть себе воды из почвы марьянник не может. И удержать её не может: потому так скоро и вянет.

* * * *

А на пруду расцвела красавица водяная лилия. С этим прекрасным растением, вероятно, у каждого связаны воспоминания детства.

Лодка тихо продвигается среди шуршащих листьев. Опустишь руку в тёплую воду и с наслаждением чувствуешь сопротивление воды. Стебли водяных лилий, как резиновые трубки, тянутся, а сломать невозможно. И дома, вместо букета, будут плавать в глубокой тарелке оторванные цветы.

Как в почках бузины и чёрной смородины можно было проследить постепенный переход от листа к чешуе, так в цветах водяной лилии видно превращение лепестка в тычинку. И это, конечно, еще более занимательно.

И листья водяной лилии интересны. Брызнешь на них водою, а они остаются сухими. Середина листа немного приподнята,

а края волнисты, и капли воды скатываются с листа по маленьким желобкам обратно в пруд.

Не будь такого устройства, вода заливала бы устьица, ведь все устьица у листьев водяной лилии находятся на верхней стороне: нижняя лежит на воде.

Неподалёку на сырой лужайке, над яркой зеленью, светло-жёлтые пятна — круглые пухлые цветы купальницы.

Лепестки у купальницы, как круглые ложечки, и все стоят и друг друга прикрывают. Вот и выходит такой кругленький закрытый цветок. Дождик идёт, по лепесткам скатывается. А в середину цветка ему не попасть.

И там от дождя прячутся жучки и мушки.

Н. Павлова

ВРЕДНАЯ ТРАВА

Копаешь весной землю. Вдруг лопата упрётся во что-то и не идёт. Нажмёшь, а её обратно из земли выпирает. А это вот что — пырей! Целый пучок белых шнурков. И длинные же они! Тянешь, тянешь, а всё вытягиваются! Здесь тянешь, а земля уж вон где колышется! Всю землю пырей прошил. Ну, как тут что-нибудь посадить? Ничего не вырастет.

А нарежешь его лопатой, из каждого кусочка вырастет трава.

Нет уж, надо граблями вычесать, да руками вытянуть.

Самая вредная трава — пырей!

Н. Павлова

ВЕСЁЛЫЙ МЕСЯЦ МАЙ

В лесу начался весёлый месяц май — месяц песен и плясок.

Лес покрывается листвой, земля — травой.

Пляшут весёлые лесные жители на земле и в воздухе.

Каждому хочется удаль свою, силу и ловкость показать. Мало песен и плясок: зубы и клювы чешутся, охота подраться. Пух, шерсть и перья летят в воздух.

Спешат лесные жители: это последний месяц весны.

Скоро придёт лето, и с ним заботы о гнёздах и птенцах.

В деревнях говорят:

«И рада бы весна на Руси вековать вековушею, а придёт день — прокукует кукушкой, соловьём зальётся, — к лету за пазуху уберётся».

В. Бианки

ЛЕСНОЙ ХОР

На утренних и вечерних зорях все лесные жители поют и играют, кто на чём и как умеет. Тут услышишь и звонкие голоса, и скрипку, и барабаны, и флейту, и лай, и кашель, и вой, и писк, и уханье, и жужжанье, и урчанье, и кваканье.

Звонкими, чистыми голосами поют зяблики, соловьи, певчие дрозды. Барабанят дятлы. Свистят флейтой иволги и маленькие дрозды-белобровики. Лают лисица и белая куропатка, кашляет козуля. Воет волк. Хохочет сова-неясыть. Ухает филин. Жужжат шмели и пчёлы. Урчат и квакают лягушки.

Никто не смущается, если у него нет голоса. Каждый выбирает себе музыкальный инструмент по своему вкусу.

Дятлы отыскивают звонкие сухие сучья. Это у них — барабан. А вместо палочек у них отличный крепкий нос.

Рыжая цапля-выпь ткнёт свой длинный клюв в воду да как дунет — бултыхнёт вода, по всему озеру гул, словно бык проревел.

А бекас, тот даже хвостом умудряется петь: взовьётся ввысь да вниз головой оттуда с распущенным хвостом. В хвосте у него ветер гудит — ни дать, ни взять, барашек блеет над лесом!

Вот какой хор в лесу.

В. Бианки

ИГРЫ И ПЛЯСКИ

Каждый празднует весну по-своему, но веселее всего смотреть на птиц.

Журавли устраивают танцы на болоте. Соберутся в кружок, и вот один или двое выходят на серёдку и начинают приплясывать.

Сперва ничего — только подпрыгивают долгими ногами. Дальше — больше: пускаются в широкий пляс и такие коленца выкидывают — помрёшь со смеху! И кружатся, и прыгают, и вприсядку — ну, точь-в-точь трепака откалывают на ходулях!

А у хищных птиц игры и пляски в воздухе.

Особенно отличаются соколы. Они подымаются под самые облака и там показывают чудеса ловкости. То, разом сложив крылья, с головокружительной высоты камнем летят вниз. Над самой

землёй раскинут крылья, широкий круг дадут и снова взмоют ввысь. То застынут высоко-высоко над землёй и висят с распростёртыми крыльями, как на ниточке подвешенные к облакам. То вдруг примутся кувыркаться в воздухе через голову, как настоящие небесные клоуны, турманом-турманом падают к земле, выкидывают «мёртвые петли», кружатся, крыльями плещут.

В. Бианки

СЕКРЕТ НЕСТАРЕЮЩЕЙ РЕДИСКИ

Весна несёт в наши края не только тепло, но и свет. Прибывает день, уменьшаются часы темноты. Май и июнь — это месяцы света, месяцы самых длинных дней и самых коротких ночей. В эти месяцы света и цветёт или заготовляет цветы большинство северных растений.

Если растение не получит столько света, сколько ему нужно, оно не пройдёт световой стадии — второй ступени в своём развитии, а значит, и не достигнет зрелости, не зацветёт, не даст плодов. Это закон жизни растений. И открытие этого закона дало человеку власть задерживать или ускорять зацветание.

Огородники знают, как невыгодно в июне сеять редиску. От обилия света она так быстро развивается, что не успеешь оглянуться — уже состарилась, пошла в стрелку. А старую редиску есть — всё равно, что мочалку жевать.

Но если сократить для редиски длину дня, она не сможет повзрослеть. Будет расти, образовывать корнеплод, но стрелку не выгонит, не зацветёт. А это огороднику как раз и нужно.

Чтобы сделать день короче, нужен всего лишь фанерный ящик без щелей. Вечером, ещё до наступления сумерек (примерно часов в семь), всходы закрываются ящиком. В семь-девять часов утра ящик убирают. Так надо делать ежедневно в течение трёх недель.

Разные растения ответят на сокращение длины дня по-своему. У северянки-редиски зацветание задержится. А фасоль, уроженка Южной Америки, раньше зацветёт, скорее даст урожай. Она точно попала к себе на родину, в тропики, где день равен ночи, где у растений сложились свои, отличные от северных, требования света.

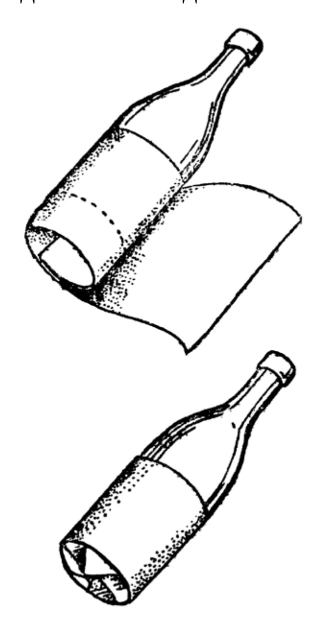
Н. Надеждина

ГОРШОК, КОТОРЫЙ ИСЧЕЗАЕТ САМ СОБОЙ

Ты решил дать растениям длинное лето, прибавить им лишний месяц тепла. Весной, в ту пору, когда северный ветер ещё поёт за окном свои песни, ты высеваешь семена южных овощей у себя в тёплой комнате.

Но пришло лето: не страшен больше мороз, и незачем молодым растениям — рассаде — томиться в комнате. Надо их переселить под открытое небо, на вольный простор.

Если ты выращивал рассаду в ящике, очень трудно при пересадке не повредить корешки. У тебя, поспорившего с морозом, каждый теплый день на счету. И какая досада потерять целую неделю!

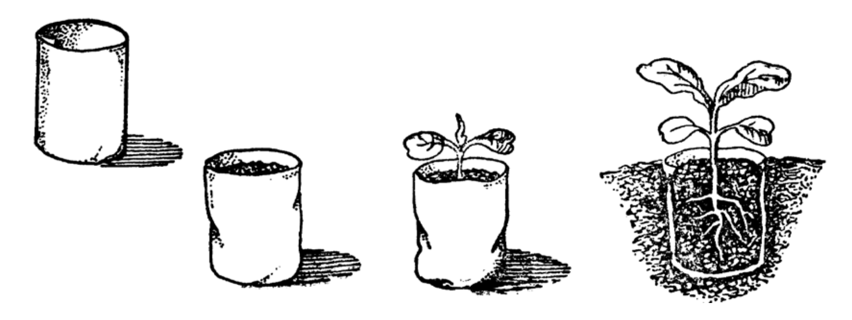
Да из-за чего — из-за поломанного корешка! Вместо того чтобы расти, повреждённая рассада долго хворает, приживаясь на новом месте.

Но посей семена в горшки, которые «исчезают сами собой», — рассада и не почувствует своего переселения. Ты высаживаешь растение на грядку вместе с горшком. Ни один из корешков не будет повреждён. А их будущему росту горшок не помешает: он сам исчезнет, истлев в земле, потому что он... бумажный.

Есть и другие горшки, которые «исчезают сами собой», — это дернинки, нарезанные на квадраты кусочки дёрна, перевёрнутые травой вниз. Дернинка, истлевая в земле, ещё послужит удобрением.

В бумажные стаканчики и в дернинки высевают семена тыквы, кабачков, огурцов. Время их посева — конец апреля, начало мая.

Н. Надеждина

ГРИБНОЙ КАЛЕНДАРЬ

Зачем нужен такой календарь? Чтоб не плутать в лесу наугад, не обшаривать зря сосновый бор в ту пору, когда грибы встречаются только в березняках. Чтобы точно знать, где, когда и какие грибы могут встретиться.

Я писала этот календарь для себя, путешествуя по лесам Подмосковья. Но если ты живёшь в Ивановской, Горьковской, Рязанской и в любой из областей средней полосы Союза, мои записки тебе

пригодятся, Сроки появления и исчезновения грибов для средней полосы Союза примерно одинаковы.

Апрель

Начал спадать паводок, но прибрежные луга ещё не вышли из-под воды. Рыбьи стаи проносятся над ветками кустов, на которых летом отдыхали птицы. На глинистом обрыве распустились цветы мать-и-мачехи. Золотисто-жёлтые, цвета весеннего солнца.

Лесные вырубки, песчаные пригорки соснового бора — вот обычные места моих апрельских походов. Здесь сморчки высовывают из-под земли свои остроконечные колпачки. А шляпка строчка своими крутыми завитками напоминает курчавую голову.

Но из всех чудных по своему виду весенних грибов чуднее всего трюфель. Ни ножки, ни шляпки у него не различишь. Кажется, ты вырыл из земли клубень сказочного картофеля.

Я помню, что когда в поисках этой «лесной картошки» я пробиралась по лесу, от каждой зажатой рукой ветки ольхи или орешника поднималось облачко пыльцы. Стоило подуть ветру — лес начинал дымиться. И в этом окутанном зелёной дымкой лесу впервые за весну был слышен голос кукушки. Так бывает в конце апреля.

Май

Шмель опустился на лиловый венчик хохлатки, и от тяжести тела, пригнувшего цветок, дрожь пробегает по стебельку. Их уже много — лиловых, синих, жёлтых, белых цветов весны.

Но грибами май беден. Со второй половины мая исчезают сморчки, трюфели. Целый месяц, до середины июня, в лесу не будет грибов. Разве что встретится горькушка.

Если мне вздумается в это время набрать грибов, я иду не в лес, а в поле, на луг, на выгон. Загляну на свалку. Вот места, где любят расти шампиньоны.

Н. Надеждина

ОБРАТИ ВНИМАНИЕ

ВЕСНА

М а р т

Когда покажутся у скворешен первые скворцы, по снегу и по земле забегают первые пауки-бродяги, а в полях на проталинах появятся, молчаливые пока, серенькие жаворонки.

* * * *

Когда в небе поплывут кучевые облака, когда начнёт портиться санный путь, над полями зазвенит первая песня жаворонка и побегут, журча, весенние ручейки.

* * * *

Когда прилетят и звонко запинькают — рюм-пиньк-пиньк! — стайки лиловогрудых зябликов, на солнцепёке появится первая бабочка крапивница.

* * * *

Когда появится тоненькая птичка-ледоломка (белая трясогузка). Когда взломает лёд река, а потом озёра. Когда совсем перестанут ездить на санях.

* * * *

Когда появятся первые стаи гусей и журавлей, первые чайки, а на юге прилетят белые аисты.

* * * *

Какого числа поля совсем очистятся от снега.

* * * *

Когда начинается весенний лов щуки.
Когда (на юге) начало лова судака и леща.

Апрель

Когда выйдут из берегов и затопят поля и луга реки.

Когда вылезут из муравейников муравьи, зацветут голубые перелески, а по земле забегают шустрые жуки жужелицы.

Когда начнут урчать и квакать лягушки, загудит в воздухе или поползёт по дороге чёрный жук-навозник.

Когда зацветет белая перелеска и орешник-лещина.

* * * *

Когда реки войдут в берега.

Когда вылетят круглые мохнатые шмели и пчёлы и выползут на пни и камни ящерицы погреться на солнышке.

Когда выпадет первая роса.

Когда появятся водяные (зелёные) лягушки.

Когда зазеленеет травка, раскроются почки у черёмухи.

Не зацвела ли по овражкам ярко-жёлтыми цветочками мать-и-мачеха.

Когда вылезут из земли первые грибы — сморчки и строчки.

* * * *

Когда появятся первые летучие мыши, пятиполосые бурундуки на Урале и в Сибири, суслики (евражки) или свистунки — в Черноземной области, в Сибири, на Востоке.

Когда услышишь из лесу первое «ку-ку» и когда лес окутается зелёной дымкой.

Когда в первый раз колхозники выгонят коров и овец на пастьбу.

Когда прилетит первая ласточка-касатка (хвост длинной вилочкой) и первая городская ласточка, или воронок (хвост без вилки, горло и весь низ белые).

Когда зазеленеют черёмуха и лиственница, зацветёт берёза.

Май

Когда услышишь первый гром.

Когда зацветут первые одуванчики, вылетят первые майские жуки (хрущи), вороны и воробьи начнут носить корм птенцам и загремит первая песня соловья.

Когда зацветут: клён, крыжовник, черника, земляника, черёмуха.

Когда с визгом залетают над домами, скалами чёрные (крылья серпом!) стрижи.

Когда появятся белые бабочки-капустницы.

*   *   *   *

Когда скворцы начнут носить корм птенцам.

Когда распустятся: сирень, жёлтая акация, яблони; зацветут: тмин, ясень, бузина, ландыши; зазеленеет липа.

Когда вылетят из гнёзд птенцы воробьёв.

Когда колхозники начнут садить огурцы на грядки, садить баштаны — арбузы, дыни, тыквы.

*   *   *   *

Когда головки одуванчиков покроются летучим белым пушком; зацветут поповник и конский каштан.

Когда в лугах раздастся хриплый, резкий крик коростеля (дергача): «Крек-крек!», а в полях — бой перепела: «Подь полоть!»

Когда начнёт отцветать сирень.

Когда появятся оводы и слепни.

Когда вылезут первые сыроежки.

Когда над дворами начнут кружить хищные птицы, высматривая цыплят.

Когда заколосится рожь. Когда зацветёт малина.

*   *   *   *

Не появились ли в воде улитки-прудовики и катушки.

Не появились ли над прудом стрекозы.

Не бегают ли и не скользят по поверхности воды клопы-бегуны и водомерки.

В. Бианки, А. Клыков

Рассказы и сказки

ВОЛШЕБНЫЙ САД

Есть у нас в стране волшебный сад. Там растут диковинные деревья. Там есть дерево, похожее на черёмуху. Все знают, что черёмуха славится запахом, а не вкусом, цветами, а не плодами.

Но в волшебном саду на черёмухе растут кистями большие вкусные вишни.

Что же это за дерево? Черёмуха? Вишня?

Нет, это церападус.

Церападус — это вишня-черёмуха.

Недалеко от церападуса растёт в волшебном саду рябина.

Кто не видел рябины? Осенью, в холодные пасмурные дни любо смотреть на её яркие, словно огнём горящие кисти. Но попробуйте взять её в рот. Она такая терпкая и горькая, что даже любители — и те морщатся.

Вот если бы случилось такое чудо, чтобы рябина стала сладкой!

Это чудо случилось в волшебном саду. Там на рябине растут кистями, словно виноград, большие тёмно-красные сладкие плоды.

Такое же чудо произошло с тёрном.

Терновик известен своими колючками. Он так колется, словно защищает нивесть какие сокровища. А сокровищ-то у него никаких нет. Растут на нём плоды мелкие, кислые, невкусные.

Но в волшебном саду тёрн тоже стал волшебным. На нём выросли крупные, сладкие, тёмно-синие сливы.

И тёрну дали здесь новое почётное название: «тёрн сладкий».

Есть в волшебном саду дерево, на котором висят большие зеленовато-жёлтые плоды. Это «ренет бергамотный». Это яблоко, выращенное на грушевом дереве.

Вот какие плоды растут в волшебном саду.

Есть там и другие удивительные груши и яблоки.

Взять хотя бы «антоновку полуторафунтовую». Это яблоко надо обеими руками держать, как арбуз, а то не удержишь.

Все богатства жаркого юга собраны в этом саду: виноград, абрикосы, персики, большие, нежные, сочные груши.

А сад-то не на юге, а на севере. Зимы там холодные, снежные, весной по утрам заморозки.

Обычно южные плодовые деревья боятся малейшего холода.

А тут и виноград, и персики, и абрикосы, и груши, и вишни воюют с морозами, с метелями, с вьюгами, и холод их не берёт.

Оттого-то и названия у них такие: «абрикос северный», «виноград сибирский», груша «бере зимняя», вишня «краса севера».

Есть среди вишен этого сада одна, которая прославилась на весь мир. Её назвали «плодородной», потому что она даёт очень много плодов. Одно маленькое деревцо даёт три пуда вишен; не поймёшь, как оно выдерживает такой груз.

Но «плодородная» знаменита не только тем, что она плодородная. Главная её заслуга в том, что она умеет выносить даже сильные морозы.

Много лет назад о ней прослышали канадские садоводы и выписали её к себе. Канада — это страна на севере Америки. Там бывают очень холодные зимы.

Одна зима выдалась такая холодная, что все вишнёвые деревья в садах погибли. А там было много всяких сортов — и из Америки, и из Европы.

После этой суровой зимы съехались канадские садоводы, чтобы потолковать о своих делах. И тут-то оказалось, что одна только русская вишня «плодородная» выдержала морозы.

С тех пор гостья из России, из-за океана, так прославилась в Америке, что заняла в садах самое почётное место.

Кто же вырастил вишню «плодородную»? Кто передвинул юг на север и создал северный абрикос, сибирский виноград, вишню «краса севера»? Кто сумел сделать горькую рябину сладкой и невкусный тёрн вкусным? Кто создал сказочные растения — вишню-черёмуху, сливу-абрикос, грушевое яблоко?

Посмотрите на дощечки с надписями, вывешенные на деревьях в мичуринском саду.

«Плодородная Мичурина».

«Бере зимняя Мичурина».

«Рябина мичуринская десертная».

«Бессемянка мичуринская».

«Абрикос лучший мичуринский».

Волшебника, который вырастил чудесный сад, звали Иван Владимирович Мичурин.

Юные садоводы хорошо знают его имя. Ведь он их учитель. Оттого-то они и называют себя в его честь мичуринцами.

Это был великий учёный, который всю свою долгую жизнь изучал природу. Но он не только изучал природу — он и переделывал её.

«Человек, — говорил он, — может и должен создавать новые формы растений лучше природы».

С детских лет Мичурин всё свободное время проводил в саду.

По целым дням он только и делал, что учился срезать черенки и глазки с одного дерева, чтобы прививать, приращивать их к другому дереву.

Он выискивал и прятал семена от хороших яблок и груш, чтобы посадить их у себя в саду.

Его огорчало, что у нас на севере не растут такие сочные и вкусные яблоки и груши, как на юге.

Он мечтал о том, чтобы и в его саду росли абрикосы, виноград, персики.

Когда Мичурин стал старше, он стал думать над тем, что нужно сделать, чтобы северные сады были такими же богатыми, как сады юга.

Ничто не могло сломить его, заставить отказаться от любимого дела.

Был случай, когда разлившаяся река затопила его сад. А потом начались морозы, река замёрзла и похоронила под обломками льда молодые деревца. Много тут погибло ценных растений, которые Мичурин вырастил с таким трудом и такой любовью.

Но Мичурин не упал духом, а продолжал свою работу с ещё большим упорством.

Каждый его опыт требовал не одного года, а многих лет терпеливой работы. Ведь дерево растёт долго и не скоро начинает давать плоды.

Во времена Мичурина садоводы думали, что каждый хороший сорт яблока или груши — это находка. Попадётся случайно хорошее семечко, из него и вырастет хорошая яблоня.

А Мичурин знал, что на одну только удачу надеяться нельзя.

Если надеяться на подарки от природы, на счастливый случай, нужны сотни лет, чтобы бедные северные сады стали богатыми.

А Мичурин не ждал подарков. Он переделывал растения, чтобы они лучше служили человеку.

Взять хотя бы для примера мичуринское яблоко «кандиль-китайку».

Как Мичурин её создал?

Мичурину хотелось, чтобы и на севере росли такие яблоки, как в Крыму.

В Крыму есть очень красивое и вкусное яблоко «кандиль-синап». Но крымская яблоня боится холода.

А на севере растёт «яблоня-китайка». У неё яблоки маленькие и невкусные, но зато ей даже сильный мороз не страшен.

Крымское дерево росло у себя на тёплом юге. Китайка росла на севере. И никогда они друг с другом не встречались.

И вот Мичурин решил, как говорят садоводы, скрестить оба дерева: он взял пыльцу с цветков крымского дерева и опылил ею цветы китайки, когда она цвела первый раз в своей жизни. Китайка дала плоды.

Мичурин взял из них семечки и посеял.

Из семечек выросли маленькие деревца, у которых уже было сильное сходство с крымской яблоней.

Мичурину совсем не хотелось, чтобы они были чересчур похожи на крымскую яблоню: ведь она боится морозов, а ему надо было вырастить дерево храброе, стойкое, не боящееся холода.

И вот он вырезал с самого удачного деревца несколько почек-глазков и привил их к веткам матери-китайки. Пусть она сама воспитывает, кормит своих детей.

Как он предполагал, так и случилось.

На материнском дереве развились из почек побеги, которые уже не боялись мороза.

Потом на привитых ветках появились и первые яблоки.

Мичурин с таким нетерпением ждал их. А они оказались маленькими, некрасивыми, невкусными. Когда их сорвали, они скоро стали морщиться, сохнуть. Другой бы на месте Мичурина рассердился, уничтожил негодное дерево.

Но Мичурин был большой учёный. Он знал, что по первым плодам о новом дереве судить нельзя. Терпеливо и любовно ухаживал он за своим питомцем.

И деревцо вознаградило его за все заботы. С каждым годом оно давало плоды всё лучше, всё красивее.

Эти плоды были и вкусом, и цветом, и формой похожи на крымское яблоко «кандиль-синап». Но в то же время новое дерево взяло у матери-китайки её выносливость, её стойкость. Оно уже мороза не боялось.

Таких сортов вырастил он сотни. Он смело скрещивал южные, нежные сорта с северными, выносливыми.

Так возникли у него в саду сказочные растения: церападус, сладкая рябина, сладкий тёрн, слива-абрикос.

Много лет своей жизни Мичурин работал в одиночку — никто ему не помогал, ему только мешали работать.

Но после революции, при советской власти, ему стала помогать вся страна.

И теперь у нас уже много таких садов, где растут созданные Мичуриным плоды.

Сотни и тысячи учеников Мичурина продолжают дело создания новых растений.

И вы тоже можете стать мичуринцами, если только сильно этого захотите.

М. Ильин и Е. Сегал

ПЕРВЫЙ ПОСЕВ

(Из повести о Мичурине «Обновитель природы»)

Ваня распахнул дверь и зажмурился. Солнце заполнило весь двор и всё небо. Оно слепило и жгло даже сквозь сомкнутые ладони. Но снег цветенья лежал, не таял на тысячах яблоневых веток.

На дворе возвышался сенной сарай с соломенной крышей, заголубевшей от дождей. Против ворот тянулся плетень огорода, а дальше пчёлами гудел сад. Там где-то возился отец:

слышно было, как шуршали молодым листом сучья. От огорода, ещё не зелёного, а чёрного, шёл крепкий запах перегноя. Гряды были уже сделаны и частью засеяны, но всходы ещё прятались под землёй. Белые мотыльки колыхались в воздухе то там, то сям. Они присаживались на огородные жерди и складывались наподобие тончайших книжечек. Над кучей навоза плясала мелкая мошкара, словно повешенная на нитках.

— Ванюша, чай пить... — позвали из дому глуховато. Но Ваня не спешил. Глаза его видели много интересного. Возле стены сенника купалась курица. Судорожными взмахами кургузых крыльев она взбивала горячую пыль. Другая курица пробиралась сквозь молодую поросль лопушника и крапивы, кричала на весь мир, что снесла яйцо.

Рыжеватая пушистая гусеница, доползши до края грушевого листа, неторопливо озиралась, вытягивая длинную во всё тело шею...

— Вань, а Вань! — слышится в щель забора. — Я к тебе...

Это Петька, приятель из Долгова.

— Лезь, — отвечает Ваня.

Сперва показались пятки, чёрные и мозолистые, потом спина с завернувшейся рубахой и, наконец, — вихрастая голова. Так лазить считалось удобнее.

Петька был старше Вани года на полтора. У него всегда был наготове целый короб новостей.

Вынырнув из подворотни, Петька поморгал и выпалил скороговоркой:

— А мы вчерась бурмору-чиригиру на ямах сеяли!..

— Какую чиригиру? — спросил Ваня озадаченно.

— А вроде травы чилебной, — объяснил Петька, помолчав. — Только цветы у ней с зубцами... Как змеиные головы... А по ночам по-собачьи лает...

— А зачем? — прошептал Ваня.

— Она всю землю, бурмора, сторожит. Мне бабка сказывала, кабы не бурмора-чиригира, нас всех давно бы железоклювы склевали! Все бы мы померли!

— Какие железоклювы?

— А тоже птицы... Сам с петуха, а клюв во какой!.. Как чего клюнет, так и напополам. Твою мамку, наверняка, железоклюв клюнул...

Петьке известно, что мать у Вани лежит больная...

— А какая она?

— Кто она? Бурмора, что ли? — Петька задумался. — Жёлтенькая...

— А ты нам дашь? Мы тоже посеем, — уже поверив в бурмору, просит Ваня у Петьки.

— Не дам, — ощетинился вдруг Петька. — У нас у самих мало.

— А я играть с тобой не буду, — сказал Ваня.

— Ну и не играй!.. — фыркнул Петька. — Шибко мне нужно. Уйду вот...

— Ну и иди. Меня чай пить звали...

Когда Ваня вошёл в комнату, самовар уже не шумел.

Все в доме отпили чай и разбрелись кто куда.

Ваня молча взобрался на шаткую, высокую табуретку. Это было не так-то просто.

Ваня сидел, вытянув губы, и схлёбывал с блюдца чай, настоенный на яблочных сердцевинах...

«Жёлтенькая, — думает Ваня про бурмору-чиригиру, легонько покачивая ногой. — А цветы даёт зубастые... Вот бы у нас во дворе посадить. Железоклюв бы уж тогда не тронул».

Железоклюв делается всё ясней, всё живей... Крылья у него чёрные, хвост как огонь... Лапы железные тоже, а клюв будто коса, что траву косят. Только ещё длиннее и шире и в два лезвия. Как садовые ножницы... Ну что с ним поделаешь? Как прилетит, так и убьёт всех... Эх, Петька, Петька, не дал чиригиры!..

Он слез с табуретки, пошёл в своё любимое место между просиженным диваном и печью. Там было сложено всё его имущество: два больших гвоздя, кружка с дном, выеденным ржавчиной, дюжина чечек — черепков разных размеров, кирпич поменьше, тележная гайка, обрезки железа, кусок подковы, кучка ссохшихся, прошлогодних китайских яблок...

Гвозди — это соха и борона. Одним гвоздём, покрупней, Ваня распахивал своё поле — полшага на полшага, а другим прочёсывал, пробоpанивал поднятые валы.

Кружка с проржавленным дном заменяла дождевую тучу. Вода прыскала из десятка отверстий в дне — мелким дождиком.

Сейчас всё это нужно было тащить во двор, а вечером опять нести домой. Кто же такие вещи оставляет на ночь незапертым и?..

Не требовались сейчас Ване только соха и борона. Поле его было уже распахано и проборонoвано.

— Только засеять... Эх, Петька, Петька!.. не дал чиригиры...

Взяв свою «дождевую тучу», Ваня налил в неё воды и понёс на горячий солнечный двор. Это был двор взрослых — большой. А то был ещё двор поменьше, с густым садом из прутьев и с пахотой. Этот двор странствовал по большому двору, смотря по погоде и времени дня. В дождь он перемещался под навес сенника, утром грелся на солнышке, а в знойный полдень уползал в тень между плетнём огорода и стеной дома.

«Пахотное поле» — полшага в любой конец — засевал Ваня уже не один раз, но на нём никогда ещё ничего не всходило. Сеял он и камешки, сеял и пыль, сеял и сухие травинки, мелко перетёртые между ладонями, — ничего не всходило из таких зёрен.

После Петькина рассказа никак невозможно было забыть про бурмору-чиригиру... Зубастые, лающие цветы покачивались

перед Ваней на высоких стеблях... Вот подлетает железоклюв, хочет клюнуть, а бурмора как залает, да за ноги его — цоп!

Глядел-глядел Ваня на своё поле и вдруг догадался:

«Наверно, чиригира — это какая-нибудь такая штука, что не валяется под ногами. Это тебе не песок и не камешки, которых даже куры с воробьями не трогают... Вот, вишь, оно — дело какое!»

Ваня побежал в дом. Там со стола всё уже было убрано. Только большая деревянная стопка с солью стояла посреди стола. Соль была желтоватая, крупными зёрнами.

«Жёлтенькая... — раздумывает он, упёршись руками в бока и наморщив лоб. — Попробовать разве?..»

Несколько пригоршней поблёскивающих зёрнышек рассовано по карманам. Одна пригоршня зажата в кулак.

Иван снова выбегает во двор и мчится к своей разборонованной пахоте. Но её уже нет. Она исчезла.

Следы больших отцовских сапог отпечатались там, где только что был распаханный клин.

Вот тебе и раз! Что же теперь делать? Снова пахать на этом месте или совсем оставить затею?..

Нет, не из того теста Ваня, чтобы отступиться. Он проскальзывает между двумя жердями через лопуховые кустики на огород и густо засевает солью одну из чёрных, ещё не занятых, как видно, отцовских грядок.

Потом бежит за прислонёнными к плетню граблями и старательно прочёсывает гряду...

— Что ты тут делаешь? — раздался вдруг громовой окрик отца.

Ваня уронил грабли и запрокинул голову назад. Сверху, словно из облаков, глядел на него отец.

— Ты что натворил тут, баловник, негодник? Все гряды мне переворошил... Говори, что ты тут делал?

Ваня молчит.

Владимир Иваныч не на шутку обозлён. Опять придётся возиться с грядой... Проучить надо мальчишку. Но стегать его ремнём или прутом отцу всё-таки чуточку жалко. Он вспоминает про крапиву. Возле плетня свежей крапивы хоть отбавляй.

— Что ты тут делал? Говори.

Ваня молчит.

— Не скажешь?

Отец прижимает его к своему колену и шлёпает пучком шершавой крапивы по голяшкам. Сперва это как будто холодит, а потом жжёт...

— Вот тебе... не балуй, не балуй.

Ваня вырывается и убегает не оглядываясь... В сад, в зелень; в кусты молодой вишни, обсыпанной пушистыми цветами.

Но везде перед ним — в тени деревьев, в тени плетня, на кучах мусора, на жирной земле — покачивается насмешливая крапива.

Кажется, вот настоящая хозяйка сада — крапива! Так её много, так ей тут привольно. Она заполняет всё, она заслоняет солнце, она удушает мелкие, более слабые травы, да и деревья, даже вишню, яблоню, пожалуй, не прочь бы удушить... Мерзкая, отвратительная крапива!

После того дня Ваня часто, выискав палку подлиннее, подкрадывался к узорчатым крапивным зарослям у плетня и начинал избиение:

— Раз... раз... раз... Вот... вот... Вот тебе... вот тебе...

Хрупкие четырёхгранные стебли переламывались и повисали на волоконцах. Летели украшенные серёжками головы и зубчатые крылышки с волосками, наполненные жгучим ядом. Иные стебли подпрыгивали и падали на руку Ване, жаля и зля его ещё больше.

Много крапивы изрубил Ваня, а её всё оставалось видимо-невидимо.

И возненавидел же Ваня крапиву с тех пор! На всю жизнь! С этого дня и до седых волос стало слово «крапива» для него олицетворением всего враждебного, негодного, вредного.

— Крапива! — говорил он до самой старости, когда хотел сказать о чём-нибудь плохое.

Он объявил крапиве на всю жизнь жестокую, беспощадную войну...

В. Лебедев

СКАЗКА О СОЛОВЬЕ

Соловьи в пустыне не поют — это известно всем.

Наш городок стоял не в пустыне, а довольно далеко от неё, — в гладкой, как ладонь, степи, на берегу Сухоречки. Но соловьи здесь тоже не водились. Этих пташек мы знали только по картинкам да по басне Крылова, где соловей и щёлкал и свистал.

На тысячу ладов, тянул, переливался,
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался...

Басня нам нравилась, но мы понятия не имели о том, как эта птичка щёлкает, свищет, переливается и прочее. Не представляли мы себе и рощи, где могла рассыпаться какая-то соловьиная дробь. Рощ у нас не было и в помине. На весь городок росло одно единственное дерево — старый тополь во дворе исполкома. Тополь наполовину высох, и серая зелень торчала на нём клочьями, как шерсть на облезлом верблюде.

Летом над городком висели тучи горячей пыли, в пяти шагах нельзя было увидеть человека, солнце походило на раскалённый пятак, и мы смотрели на него, ничуть даже не прищуриваясь.

А зимой кружились в степи мутные бураны. В эту пору не то что за пять шагов, но и за два шага не было видно ни зги. Учительница Ксения Петровна говорила, что «зга» значит колечко на дуге, к которому привязывают колокольчик. Ксения Петровна объясняла много непонятных слов, а то, чего она не знала, подробно растолковывал нам сторож исполкома Гурий Липатыч. Было ему лет девяносто, а то и сто. Он на любой вопрос отвечал. За девяносто лет, конечно, многому можно научиться. Поэтому, как что попадалось непонятное, ребята тут же бежали к Липатычу.

Новому человеку наши места казались унылыми. Сейчас я понимаю, что так оно и было, но тогда мы обижались, если какой-нибудь приезжий говорил:

— Ну и скучно вы живёте! Ни деревца, ни воды...

— Почему скучно? — спорили мы. — Обыкновенно живём. Это вам просто не повезло. Вы не тогда приехали. Вот если бы весной, так у нас в Сухоречке воды через край, и степь, как изумруд, зелёная, и цветов — уйма: тюльпаны, маки, пионы...

Мы помалкивали, конечно, что такая весёлая жизнь длилась всего две-три недели, а затем наступал зной. Из пустыни дул горячий ветер — суховей. Цветы никли, трава выгорала, степь становилась жёлтой, колючей, и овцы переходили речку, не замочив копыт. Вода бежала уже где-то под камнями и там чуть-чуть поблёскивала.

Вот точно такой же разговор про скучную жизнь вели мы с москвичом Петей Вороновым. Он приехал к нам в городок надолго, так как собирался кончать здесь школу-десятилетку, и поступил в наш, третий класс. Петя рассказывал нам о Москве, а ребята сидели и время от времени ахали.

Но однажды он начал плести такое, что мы даже застеснялись.

А сказал нам Петя вот что:

— Скоро жизнь у вас пойдёт другая. Вот как только папа разведёт здесь лес...

— Какой лес? — закричали мы.

— Обыкновенный лес, — продолжал Петя. — Деревья разные.

Тут мы стали его подзадоривать:

— Ты ещё скажи: вишни, мол, яблоки, груши, абрикосы...

— Ну да, — говорит он. — Так и скажу: вишни, яблоки...

И так нам стало обидно, что побежали мы тут же к Липатычу, а Пете-вруну даже «до свидания» не сказали.

Липатыч сидел во дворе исполкома и, слушая нас, курил свою вечную трубочку-носогрейку.

— Человек, ежели захочет, всегда добьётся, — неопределённо сказал он.

— Значит, и лес в степи может развести? — не выдержал я.

— Погоди, малец, — поморщился Липатыч, — ты меня не перебивай. Так вот: всего добьётся. Но в природе всё по закону расписано.

Леса там растут, где вода да прохлада. А южней лесов степи начинаются. Дальше, значит, где жара да сушь, откуда к нам суховеи дуют, пустыни пойдут, а за ними горы или море-окиян. И супротив природы не попрёшь. На нашей земле, кроме телеграфных столбов, ничего не вырастет.

— А тополь? — возразили мы.

— Ну что ж тополь... — хмыкнул Липатыч. — Один в поле — не воин. За сто лет только один тополь и вырос. Да и тот, должно быть, какой-то ненормальный.

И он жалостно поглядел на высокую метлу с клочьями пыльной зелени.

Мы тоже посмотрели на тополь, вздохнули и подумали, что Липатыч, должно быть, прав.

Но Ксения Петровна рассердилась и на нас, и на Липатыча.

— Вы должны запомнить, — говорила она, — если лес человеку нужен, он его вырастит.

И тут мы узнали, что лес большую пользу нам приносит. Без него, оказывается, реки мелеют, земля портится, горячий ветер зерно выдувает, и от этого бывают неурожаи. А если на пути суховея поставить зелёные заборы из деревьев, то ветер ударится об эту преграду, задержится и ослабеет. Мы узнали, что деревья влагу хранят, что снег под деревьями да под кустами не так скоро тает, и земля становится уже не такая сухая, и на ней действительно яблоня или даже абрикос может вырасти.

Вот так-так! Выходит, зря мы Петю обидели.

А вскоре пришлось мне покинуть родные места потому, что отца перевели на работу в волжский город Вольск. Тут только я понял, что это такое, когда говорят: «город утопает в зелени». Здесь же в городском саду услышал я соловья и пожалел своих дальних ребят-товарищей. Даже письмо им написал о том, как соловей поёт. Слов для этого у меня было маловато, и я призанял их у дедушки Крылова.

Ребята мне ответили. В нашем городке всё было по-старому. Писали мне, что деревьев в городе ещё нет, что вместо соловьёв по-прежнему свистят в степи суслики, что старый тополь живёт-поскрипывает, а Липатыч сердится и говорит, что время пошло ненормальное: раньше, мол, старики сказки рассказывали, а сейчас наоборот пошло: молодые — старым.

За шесть лет, что прожили мы в Вольске, я только одно это письмо и получил. И сам больше не писал. Город новый, товарищи новые, не до писем было... Мало-помалу стал я забывать родной городок.

А когда переходил я в восьмой класс, отец мне и говорит:

— Хочешь, Сергей, на родину съездить? Я туда на несколько дней отправляюсь. Интересно посмотреть, как наш городок поживает.

* * * *

Мы вышли из вагона. Странная прохлада охватила нас, и сквозь сладкую дрёму издалёка дошёл до меня глуховатый голос отца:

— Пойдём пешком, Сергей. Поглядим, каким он стал, наш родной городок.

Тёмная аллея повела нас от станции вглубь какого-то сада. Сквозь чёрные ветви деревьев блеснула голубая полоска — это было озеро. Большая серебряная луна отражалась на нём, как в зеркале... И я вдруг испугался: вдруг всё это сон, вдруг я проснусь — и всё исчезнет...

И я тихо сказал отцу:

— Не торопись, ты меня разбудишь.

А отец засмеялся, но тоже тихо ответил:

— Ты думаешь — это сон? Это не сон, а самая настоящая явь. Слушай! — и он сжал мою руку.

И тут я услышал чудесную соловьиную трель, затем раздался нежный переливчатый свист, похожий на звуки флейты, щёлканье, и певучий поток будто полетел с огромной высоты по хрустальным ступенькам.

— Слушай, Сергей, — снова донёсся до меня сквозь соловьиное щёлканье отцовский голос, — это соловьи... Ты не услышишь их уже до будущего года...

Утром, проснувшись от давно знакомого резкого степного солнца, я подошёл к окну, распахнул его настежь и увидел широкую площадь родного городка. В самом центре площади зеленел небольшой скверик. А за ним стоял знакомый дом исполкома, окружённый чёрными свечами тополей. Среди них тянулся к небу высокий, тощий, почти совсем без зелени старый тополь.

Днём всё выглядело немножко не так, как ночью. И деревья были не такие пышные, тонкий слой степной пыли покрывал листву. Всё было по-другому: школа, где я учился, стала будто поменьше, Ксения Петровна казалась не такой строгой, и мои товарищи стали почти взрослыми. А Петя Воронов, должно быть, давно позабыл о том, как мы не верили ему и думали, что он нас обманывает. Ребята рассказывали мне, как вместе со всеми запрудили они Сухоречку, как сажали лесные полосы — деревья и кустарники. Зелёным щитом прикрыли они городок и землю вокруг него от горячих ветров.

— А яблоки у вас тут растут? — спросил я, вспомнив нашу первую ссору с Петей.

— Вот тут ты рановато приехал, Серёжа, — засмеялся он. — Но осенью можешь попробовать яблочка. Мы соберём первый урожай в нашем школьном саду.

Сад зеленел позади школы. Меж деревьев стояли пчелиные ульи, и рядом с ними грелся на солнышке старенький, седой Гурий Липатыч.

— Ему уже больше ста. Ты с ним погромче, Сергей. Он стал плохо слышать.

— Здравствуйте, Гурий Липатыч! — закричал я, подходя к нему.

Он пристально поглядел на меня слезящимися глазками.

— Никак Серёжка? — нерешительно прошамкал Липатыч. — Ишь какой вырос!

— Нынче все растёт, Липатыч, — громко сказал я. — Даже леса в степи растут. И наш старый тополь уж не один воин в поле.

— А что я говорил, — оживился Липатыч. — Я ж тебе говорил: человек, ежели захочет, всего добьётся. Он тебе землю-матушку переворошит, сады в пустынях разведёт, заместо суслика соловья свистеть заставит.

Мы с ребятами переглянулись, но Петя Воронов сказал тихо:

— Это ничего. Где ж ему всё запомнить. Хорошо, что он не забывает главного: человек всего добьётся, если захочет.

И. Сергеев

ГОЛУБЫЕ ЛЯГУШКИ

Снег совсем почти стаял, и все канавки в лесу разлились в целые ручьи. В них громко кричали лягушки.

Мальчик подошёл к канаве. Лягушки сразу замолчали и — бульк-бульк-бульк! — попрыгали в воду.

Канава была широка. Мальчик не знал, как через неё перебраться. Он стоял и думал: «Из чего бы тут сделать мостик?»

Понемногу из воды стали высовываться треугольные головы лягушек. Лягушки со страхом пучеглазились на мальчика. Он стоял неподвижно. Тогда они запели.

Их пение нельзя было назвать очень красивым. Есть лягушки, которые звонко квакают, другие крякают. А эти только громко урчали, хрипели:

— Тур-лур-лурр!

Мальчик взглянул на них и ахнул от удивления: лягушки были голубые!

До этого ему приходилось видеть много лягушек. Но все они были обыкновенного лягушечьего цвета: серо-буро-коричневые или зелёные. Он даже держал одну зелёную дома, в большой банке из-под варенья. Когда она квакала, она надувала у себя на шее два больших пузыря.

А эти, в канаве, только горлышки раздували, и горлышки у них были тоже красивого светло-голубого цвета.

Мальчик подумал: «Наверно, ещё никто на свете не видел голубых лягушек. Это я первый открыл их!» Он живо поймал трёх лягушек, посадил их в кепку и побежал домой.

Дома были гости. Мальчик вбежал в комнату и закричал:

— Смотрите, голубые лягушки!

Все обернулись к нему и замолчали. Он взял и вытряхнул из кепки всех трёх лягушек прямо на стол.

Раздался громкий хохот.

Мальчик глянул на лягушек и раскрыл рот от удивления: все три его лягушки были не голубые, а обыкновенного лягушечьего цвета — серо-буро-коричневые!

Но отец мальчика сказал:

— Нечего смеяться над мальчишкой: он ловил лягушек в то время, когда они урчали. Это обыкновенные травяные лягушки, лягушки-турлушки. Они некрасивы. Но когда их освещает весеннее солнце и они поют, они очень хорошеют: становятся нежно-голубого цвета. Не всякий это видел.

В. Бианки

ПОГАНКИ

Я взял ружьё и пошёл на маленькое лесное озеро. Оно густо поросло у берегов травой. На ночь сюда собирались утки.

Пока дошёл, стемнело. В тростнике закрякало, с шумом поднялись утки. Но я их не видел, стрелять не мог.

«Ладно, — подумал я. — Дождусь утра. Майская ночь совсем коротка. А до света они, может, вернутся».

Я выбрал место, где тростник расступался и открывал полянку чистой воды. Сделал себе шалашик в кустах и забрался в него.

Сперва сидеть было хорошо. Безлунное небо слабо сияло, звёзды поблёскивали сквозь ветви. И пел-шептал свою приглушённую, несмолкаемую, как ручеёк, песню козодой-полуночник.

Но набежал ветерок. Звёзды исчезли, козодой умолк. Сразу посвежело, посыпал мелкий дождик. За шиворот мне потекли холодные струйки, сидеть стало холодно и неуютно. И уток не слышно было.

Наконец, запела зарянка. Её цвирикающая переливчатая песенка задумчиво-грустно звучит вечерами. А под утро кажется радостной, почти весёлой. Но мне она не обещала ничего хорошего. Я проголодался, продрог и знал, что теперь утки не прилетят. Не уходил уж из упрямства.

Дождик перестал. Начало прибывать свету. Пел уже целый птичий хор.

Вдруг вижу: в траве, в заводинке, движутся две птичьи головки.

Вот они, утки! Как незаметно сели...

Я стал прилаживать ружьё, чтобы удобно было стрелять, когда выплывут на чистое.

Выплыли. Смотрю: острые носики, от самых щёк на прямые шеи опускается пышный воротник. Да совсем и не утки: поганки!

Вот уж не по душе охотникам эти птицы!

Не то, чтобы мясо их на самом деле было поганое, вредное для здоровья. Оно просто невкусное. Одним словом, поганки — не дичь.

А живут там же, где утки, и тоже водоплавающие.

Охотник обманется и с досады хлопнет ни в чём не повинную птицу. Застрелит и бросит.

Так грибник, приняв в траве рыжую головку какой-нибудь сыроежки за красный гриб, со злости пнёт её ногой и раздавит.

Разозлился и я: стоило целую ночь мёрзнуть. Подождите же!

А они плывут рядом, плечо к плечу. Точь-в-точь солдатики. И воротники распушили.

Вдруг — раз! как по команде «разом-кнись!» — одна направо, другая налево. Расплылись.

Не тратить же на них два заряда!

Расплылись немного, повернулись лицами друг к дружке и кланяются. Как в танце.

Интересно смотреть.

Сплелись, и нос к носику: целуются.

Потом шеи выпрямили, головы назад откинули и рты приоткрыли: будто торжественные речи произносят.

Мне уж смешно: птицы ведь, какие они речи держать могут!

Но, вместо речей, они быстро опустили головы, сунули носы в воду и разом ушли под воду. Даже и не булькнуло.

Такая досада: посмотреть бы ещё на их игры!

Стал собираться уходить.

Вдруг смотрю: одна, потом другая выскакивают из воды. Стали на воду, как на паркет, во весь свой длинненький рост, ножки у них совсем сзади. Грудь выпятили, воротники медью на солнце зажглись — до чего красиво! Так и полыхает.

А в клюве у каждой платочек зелёной тины: со дна достали. И протягивают друг дружке подарок. Примите, дескать, от чистого сердца ради вашей красоты и прекрасного майского утра!

Сам-то я тут только и заметил, как хорошо утро. Вода блещет. Солнышко поднялось над лесом и так ласково припекает. Золотые от его света комарики толкутся в воздухе. На ветвях молодые листочки раскрывают свои зелёные ладошки. Чудесно кругом!

Сзади сорока налетела, как затрещит! Я невольно обернулся. А когда опять посмотрел на воду, поганок там уже не было: увидели меня и скрылись.

Они скрылись, а радость со мной осталась. Та радость, которую они мне дали. Теперь ни за что я этих птиц стрелять не буду. И поганками их называть не буду. Ведь у них есть и другое имя, настоящее: нырец или чомга.

Очень они полюбились мне в то утро, хоть я и остался без мяса.

В. Бианки

НАХОДКА

(Сказка)

Молодая пчёлка не могла дождаться, когда ей стукнет две недели. С этого дня сёстры обещали брать её с собою за мёдом. Пока пчёлке не минуло недели, её совсем не выпускали из дома.

Потом позволили каждый день вылетать ненадолго из улья, порхать над ним и поглядывать по сторонам.

Это было очень весело. Светло, просторно, воздух лёгкий-лёгкий, не то что в улье! Но так манило улететь подальше. Рассмотреть хорошенько эти голубые и жёлтые пятна, которые называют цветами. Чудесные цветы, в которых мёд!

И вот, наконец, настал этот день: молодая пчёлка полетела с сёстрами за мёдом.

— Соберу мёда больше всех, больше всех принесу его в улей, — гудела пчёлка.

Они прилетели к жёлтым блестящим цветам. До чего эти цветы были красивы!

Только вот горе: не в каждом цветке был мёд. В одном — есть, в другом — пусто, в одном — есть, в другом — пусто. Кажется, вот в этом уж непременно мёд, а посмотришь — ни капельки!

Молодая пчёлка очень беспокоилась, что мало соберёт.

— Да ты не суетись, — говорили ей сёстры, — не выбирай цветы, а пробуй все подряд. Всё равно не угадаешь, где ещё есть мёд, а где его уже нет.

— Ну зачем так неудобно сделано? — удивлялась молодая пчёлка. И тут же начинала суетиться ещё больше. Она боялась, что сёстры её обгонят.

А так и случилось. Как плохо кончился этот день, которого она так ждала. Мёда она собрала меньше всех, а устала больше всех.

Но зато утро следующего дня началось чудесно. Прилетела пчела-разведчица. И весь улей, глядя на неё, развеселился. Догадались, что разведчица принесла добрую весть.

— Находка, находка, новые цветы! — загудели пчёлы.

Разведчица дала попробовать мёда, который она принесла с новых цветов. А потом пошла танцовать весёлый танец — «находка».

Молодая пчёлка подбежала к ней, схватила её усиками за брюшко, и они пустились в пляс. А сзади прицепилось друг за друга ещё шесть пчёл. И так они все вместе веселились и танцевали, покуда старые пчёлы не начали ворчать.

Тогда разведчица вылетела из улья, а пчёлы-сёстры — за нею. И молодая пчёлка, конечно.

Они прилетели в тенистое место на берегу ручья. Вблизи шумел водопад. Шумел, как огромный улей. И молодой пчёлке показалось, что и водопад гудит:

— Находка, находка, новые цветы?

А какие удивительные были эти новые цветы! На одном стебельке и розовые, и голубые, и синие, и фиолетовые цветочки.

Молодая пчёлка сунула язычок в розовый цветок. Как много мёда! Высосала и опять перелетела — на розовый цветок. И там мёд. Просто чудо: в каждом розовом цветочке — мёд.

И молодая пчёлка быстро-быстро набрала его полный зобик.

— Садитесь только на розовые цветы, — загудели сёстры, — розовые цветы молодые, а остальные — старые, в них мёда нет.

И теперь уже молодая пчёлка недаром старалась. Она собрала так много мёда, что вечером все сёстры удивлялись. И очень её хвалили.

— Какой хороший умный цветок, — сказала молодая пчёлка — он сам говорит, где у него мёд.

— Да, — сказала пчела-мама, — это чудесный цветок, я слышу про него каждый год, его зовут медуница. Мёд — это самое хорошее на свете. Вот потому этот дивный цветок и назвали медуницей.

Н. Павлова

ПОД КУСТОМ

Старый куст очень не любил, чтобы под ним что-нибудь росло: пусть даже совсем тоненькая травка.

И с самой весны, как только почки на его голых ветках начинали толстеть, куст уже поглядывал вниз. Поглядывал, не выросла ли там какая-нибудь травинка.

И потому, когда он заметил под своей нежной веткой жёлтенький цветочек — гусиный лук, — он очень рассердился.

— О чём ты думал, когда выбрал это место! — крикнул он цветку.

— Да я никогда и не думаю, — сказал цветочек. И это было правда. Он не думал. Он просто радовался, что живёт. Радовался теплу и солнышку, и небу, и весёлым мушкам, которые садились на его цветы. Он радовался и раскрывал один за другим свои звёздочки — цветочки.

А у куста из почек вылезли листья. И куст, поглядывая вниз, грозился:

— Вот погоди, гусиный лук! Скоро ты узнаешь, что такое тень!

Но гусиный лук не пугался, по-прежнему радовался, что всё кругом так хорошо. Первые цветочки у него уже отцветали, и в зелёных коробочках росли семена.

А листья на кусте раскрылись. И под кустом поселилась тёмная тень. И не стало видно неба. От огромного неба остались только маленькие голубые лоскутки.

Жёлтые цветочки гусиного лука уже отцвели, а семена начинали поспевать.

— Как тебе нравится моя тень, гусиный лук? — крикнул куст. — Хорошо ли тебе теперь живётся?

— Я немножко устал, — сказал гусиный лук, — и мне хочется спать.

— Неправда! — сказал куст. — Ты просто ослабел и скоро умрёшь. Моя тень убивала все травы, которые вырастали там, внизу.

Листья на кусте распрямлялись и росли. А вверху над ними на высоких деревьях тоже появились листья.

И тень под кустом с каждым днём становилась всё чернее и чернее...

— Жив ли ты ещё, гусиный лук? — крикнул куст.

Но никто ему не ответил.

— Наконец-то, погиб, — сказал куст. — И прекрасно! От моей тени нет спасенья ни одной травинке.

И до самой осени под старым кустом не выросло ни единой зелёной былинки. Осенью листья опали. Ветки куста опять стали голыми. И сквозь них снова было видно и огромное небо, и солнце. Только некому было смотреть и радоваться.

Но прошла осень и зима. И опять наступила весна. Старый куст ещё не успел проснуться. А внизу под ним какой-то сильный зелёный росток проколол прелые листья.

Проколол, развернул свои листики, выпустил стебелёк и раскрыл жёлтую звёздочку — цветок.

— Гусиный лук, — крикнул куст, — ты ожил, гусиный лук?

— Да я и не умирал, — сказал цветочек.

И это было правда. Он не умирал. Он просто был маленькой луковицей это время. Он был маленькой луковицей и спал под землёю. Спал всё лето и осень, и зиму, чтобы снова вырасти весною.

Н. Павлова

ПОДНОЖНАЯ ТРАВКА

1

Подул весенний ветерок, и все травки обрадовались, что можно поболтать. Разговаривать они могли только, когда их качал ветерок.

— Смотрите, смотрите, — зашелестели травки, — кто это там вырос прямо на дорожке?

И они качнулись низко, низко, чтобы получше разглядеть.

А там, посреди дорожки, росла низенькая толстенькая травка-пупавка с листочками, как ниточки.

— Дурочка, дурочка, — шелестели травки, — зачем ты тут выросла?

— А мне здесь нравится.

— А когда затопчут, понравится, понравится, понравится?!

Травка-пупавка обиделась, что её дразнят, и перестала разговаривать. Молчит и пахнет. Молчит и пахнет. Она была очень душистая.

Репейник её пожалел и сказал:

— Не беда! Затопчут — отрастёшь снова. Так всегда делал мой дедушка. Он жил у окошечка, где продавали квас. Сколько туда приходило ног!

А одуванчик сказал:

— И моя бабушка делала то же. Она жила на площадке, где ребята каждый день танцевали.

— Не каждый умеет отрастать, — сказал мак.

Посмотрел на травку-пупавку и покачал головой.

2

На дворе стало очень тепло, и все травки зацвели. Зацвели, кто как мог. И когда прилетел ветерок, стали хвастаться своими цветами.

— Мои цветы, как солнышко, — сказал дядя-одуванчик, — и когда дети на них смотрят, они улыбаются.

— И мои похожи на солнышко, — сказал мак, — вот таким красным, красным оно бывает иногда по вечерам.

А репейник вздохнул. Его цветы походили только на кисточки, которыми мылят лицо, когда бреются.

Все травки показали друг другу свои песты. И тут вспомнили про низенькую толстенькую травку-пупавку.

— Покажи-ка, покажи-ка твои цветы, — зашелестели травки. А её цветы были маленькими зелёными шишечками. Она их и показала:

— Вот у меня какие!

— Смотрите, смотрите, вот так цветы! Вот так цветочки!

Травка-пупавка обиделась, что её дразнят, и перестала разговаривать. Молчит и пахнет. Молчит и пахнет. Репейник и одуванчик стали её утешать:

— Не беда! Зато уж на такие цветочки никто не позарится.

— И ты нисколечко не подурнеешь, когда они отцветут, — сказал мак.

3

На дачу, к которой шла между травками дорожка, приехали дачники: дачница, дачник, маленький дачник и собачка.

— Смотрите, смотрите, сколько ног, — зашелестели травки.

А дачники прошли прямо посреди дорожки, где росла травка-пупавка. Собачка наступила на неё лохматой лапой, маленький дачник — сандальей, дачница — каблучком, а дачник — огромной ботиночной подошвой.

И когда они прошли, травка-пупавка уже не стояла, а лежала на земле.

— Затоптали, затоптали, поломали, — зашелестели травки.

— Теперь прощай, травка-пупавка!

И вдруг они услышали её голосок:

— Нет, не прощай! Мне даже ни чуточки не больно.

И вскоре она встала, как ни в чём не бывало.

И листики — зелёные ниточки — остались невредимыми.

И даже цветочки — маленькие шишечки — не примялись.

— Вот это так листочки! — сказал дядя-репейник.

— Вот это так цветочки! — сказал дядя-одуванчик.

— Просто не верится! — сказал мак.

Все травки были очень рады, что травка-пупавка жива и здорова. И в этот день её никто не дразнил.

4

У одуванчика цветы стали пушистыми шариками.

А когда налетел ветерок, травки зашелестели:

— Смотрите, смотрите, как летят дети одуванчика!

Они летели всюду над травою и улетали за забор и даже за речку.

Ветерок качал головку мака, и оттуда через дырочки выпрыгивали крошечные дети мака. И падали на землю, кто куда.

— Как хорошо, что дует ветерок! Мы так его ждали, — шептали травки.

Только репейник ждал не ветерок, а дачную собачку. И когда

она пробегала мимо, прицепил к её хвосту колючую корзинку. В ней сидели его ребятишки.

Собачка выбежала за калитку. И стала крутиться и ловить свой хвост. Вот вцепилась в колючую корзинку и оторвала. А оттуда так и посыпались семена репейника.

А репейник смотрел и улыбался. Весь день летали и сыпались семена. Травки были очень заняты. Они отдохнули только к вечеру, когда прошёл маленький дождик. Тут они вспомнили, что ещё не видели деток травки-пупавки.

А она была рада, что о ней позабыли. Её дети были очень простенькие да ещё после дождя почему-то стали липкими. Липкими, липкими, точно их вытащили из капли мёда. Травка-пупавка боялась, что такие никому не понравятся. И она отгадала!

— Ну, и дети, — зашелестели травки, — ну, и деточки! Прилипли к маме, и никак от них не отвяжешься. Вот так дети! Что же ты станешь с ними делать?

Но травка-пупавка обиделась за деток. И перестала разговаривать. Молчит и пахнет. Молчит и пахнет. Репейник и одуванчик её пожалели. Но взглянули ещё раз на её липких детишек и ничего не сказали.

5

Опять шёл дождь. А когда он прошёл, из дачи выбежал маленький дачник и побежал по дорожке к калитке. Травка-пупавка прижалась к земле под его сандальей. Потом он побежал по другой дорожке через огород, чтобы прокопать ручеёк в канавку. А потом уже бегал в палисаднике и собирал дождевых червей на всех дорожках.

Подул ветерок и прогнал последние тучи. Травки обрадовались и начали болтать. Вдруг они заметили, что травка-пупавка облысела. Облысела, как одуванчик. Ни одного-то на ней семечка.

— Где же твои детки-прилипалки, куда они девались? — зашелестели травки.

Но лысая травка-пупавка улыбалась и молчала.

— Верно, их смыло дождём? Тебе под корешок смыло? Ну, и тесно же будет им расти весною!

— Нет, — ответила травка-пупавка, — совсем не будет тесно. Теперь всё очень, очень хорошо! И как я рада, что выросла посреди дорожки!

Травки очень удивились и ничего не поняли.

А репейник и одуванчик спросили у травки-пупавки по секрету, где её дети.

И она им сказала.

А весной об этом секрете узнали все. Потому что по всем дорожкам выросли маленькие травки-пупавки: и у калитки, и у кустов сирени, и по дорожке через огород, и по всем дорожкам в палисаднике. Везде, везде, где после дождя бегал прошлым летом маленький дачник, вылезли маленькие травки-пупавки.

Н. Павлова

ПУСТЬ ОТВЕТИТ САМА ЗЕМЛЯ

Есть такое время, лучшее время посева, когда земля уже настолько просохла, что её можно копать, и ещё настолько богата влагой, что щедро напоит брошенные в неё семена. Когда приходит это время — лучше всего ответит сама земля.

Апрельским утром ребята собрались на пустыре спрашивать землю. Было их шестеро: Коля Всезнайка, Миша, Петя, Валя, Маринка и только что принятый Алёша.

Спрашивать землю выпало на долю Миши.

Он попробовал лопатой: земля не «мазалась», не прилипала к железу. Он взял комок земли в горсть, сжал в руке: влага не выступала между пальцами.

И ещё по-другому Миша попытал ответ: взял пригоршню земли и, держа руку на высоте груди, бросил комок. Земля рассыпалась.

Тогда Миша обернулся к ребятам и сказал им долгожданные слова:

— Земля поспела, пора начинать!

И шесть лопат разом вошли в землю.

А Сеня Ничего-не-выйдет издали, из-за забора, завистливо смотрел на ребят. Никакие заботы теперь его не тяготили — ни поливать, ни копать, ни сажать не надо.

Но до чего Сене было скучно!

В это утро взялся за лопату и старый огородник.

Он отрезал тонкие пласты земли и, переворачивая пласт, размельчал его, ударяя верхним краем лопаты — «затылком». А маленькому помощнику — внуку — поручил разравнивать землю граблями и чисто-начисто выбирать корешки сорняков.

— Поспешим с работой, — говорил огородник внуку, — поймаем больше влаги в земле.

Ловить влагу граблями и лопатой? Как ни кажется странным, эти слова правдивы. В тёплые, солнечные дни, особенно при лёгком ветерке, влага быстро испаряется из почвы. И чтобы солнце и ветер не похитили нужную посевам влагу, — верное средство: пораньше перекопать, разрыхлить землю. Рыхлая земля лучше сохранит влагу. Сделал грядку — тут же во влажную землю высевай семена.

Мальчик сначала усердно помогал деду. Но скоро ему прискучило нагибаться. Он не подобрал разрубленный лопатой корешок и потихоньку, чтобы дед не увидел, затоптал кусочки в землю. Решил: «Никто не узнает. Всё равно корешок мёртвый. Дед его несколько раз перерубил лопатой. Что разрублено на куски, не оживает. Это только в сказках рассказывают. А земля мою тайну не выдаст».

Н. Надеждина

Народные приметы

Весна, зажги снега, заиграй овражки!
Вода с гор потекла, весну принесла.
В марте курица напьётся из лужицы!
Апрель с водою — май с травою!
Ай-ай, месяц май: и тёпел, и холоден!

Народные загадки

1. *Что выше лесу, что краше свету?*
2. *Что вниз вершиной растёт?*
3. *Летит — молчит, сядет — молчит, а как умрёт, так и заревёт.*
4. *Матушкой весной в цветном платьице, а матушкой зимой в белом саване.*
5. *Без рук, без топорёнка построена избёнка.*
6. *Не зверь, не птица — нос, как спица.*
7. *Чёрен, да не бык, шесть ног без копыт, летит — воет, а сядет — землю роет.*
8. *В мае месяце появился не рак, не рыба, не зверь, не птица, не человек. Нос долог, голос тонок, летит — кричит, сядет — молчит.*
9. *Синенька шуба покрыла весь мир.*
10. *На заре зарянской катится шар вертянский, никому его не обойти, не объехать.*

Народные пословицы

На поле опоздать, так возле щей воды хлебать.
Навоз отвезём, так и хлеб привезём.
Весна красна цветами, а осень пирогами.
Пахать, так не дремать.
Журавль летит высоко, видит далеко.
Не сули журавля в небе, дай синицу в руки.

Воробей мал, да удал.
Где воробью ни летать, а всё дома ночевать.
Старого воробья на мякине не проведёшь.
Жаворонки, прилетите, красно лето принесите!

Скороговорки

На дворе трава, на траве дрова.
Шумели и шушукались верхи шумящих сосен.

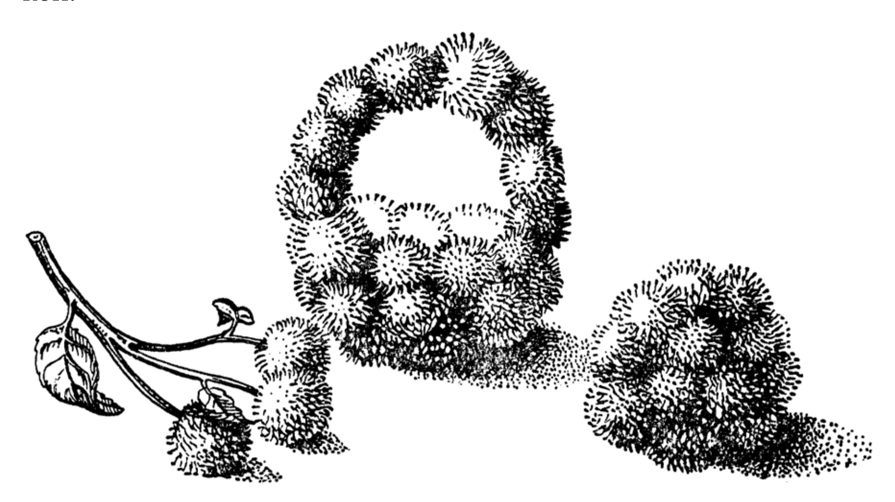
ГУЛЯЙ ДА ПРИСМАТРИВАЙСЯ!

1. Какой снег быстрее тает — чистый или грязный?
2. Кто раньше появляется весной — летучие мыши или летучие насекомые?
3. У каких наших певчих птиц самцы красные, а самки зелёные?
4. Какие съедобные грибы появляются первыми?
5. Зачем грачи ходят по полю за пахарем?
6. Чем сорочье гнездо отличается от вороньего?
7. Кто раньше прилетает к нам — стрижи или ласточки?
8. Где устраивают себе гнёзда скворцы, для которых не хватило скворешен?
9. Зачем скворцы и галки садятся на спину коровам, овцам и лошадям?
10. Какие птицы страдают от весеннего разлива?
11. Кто больше боится холода — птицы или гады?
12. Как прикреплён язык лягушки?
13. Сколько крыльев у жука?
14. Куда деваются из скворешен скорлупки разбитых птенцами яиц?
15. У кого уши на ногах?
16. Чем отличается лягушечья икра от жабьей?
17. Какая птица лает?
18. Весной или летом цветёт сирень?

ИГРУШКА-САМОДЕЛКА

МЯЧИКИ И КОРЗИНКИ

Молодые бутоны репейника — липкие крючковатые серые шарики — очень хороший материал для игрушек. Легче всего из них сделать мячики. Для этого нужно аккуратно прикладывать бутоны друг к другу так, чтобы основание одного бутона сходилось с основанием другого, а верхушка совпадала с верхушкой.

Приложив один бутон к другому, его нужно слегка придавить, чтобы оба сцепились своими крючочками поплотнее. Сцеплять бутоны нужно по кругу. Благодаря тому, что они у верхушек уже, получается не круг, а полушарие, а затем и шарик. Его нужно сдавить покрепче, и мячик готов. Он зелёный и не липкий, потому что снаружи одни зелёные кружки — основания бутонов.

Корзинку начинают делать так же, как и мячик, но когда получится полушарие, к нему прикрепляют ручку из сцеплённых в один ряд бутонов.

Можно для красоты сделать ручку из уже распускающихся бутонов, повернуть их верхушками кверху. Такими же бутонами можно украсить края корзинки. Корзинки можно делать и четырёхугольными и украшать их различным образом — по вкусу.

Н. Павлова

Л Е Т О

ПОКОРЕНИЕ ПРИРОДЫ

Жарким летом каждый год
В стороне степной
Из растений влагу пьёт,
Сушит землю зной.

Было так.
Но человек
Наших смелых дней
Повернёт теченье рек
В глубь седых степей.

И в песках живую синь
Расплеснут пруды,
Зацветут среди пустынь
Парки и сады.

Лес зелёною стеной
Встанет на пути
Чёрных бурь, что сушью злой
Всё грозят смести

Силе трав, лесов и вод
Покорится враг!
Человек их в бой ведёт —
Значит, будет так!

А. Оленин-Гнененко

ЛИПКА

Я, густая липка,
Подрастаю шибко, —
Примечай меня!
Ливень льёт порою,
Я от ливня скрою, —
Не ломай меня!
А в денёк горячий
В тень тебя я спрячу, —
Поливай меня!
Я медовым цветом
Расцветаю летом, —
Береги меня!
Хорошо обоим
Нам расти с тобою, —
Полюби меня!
А настанут сроки,
В свет пойдёшь широкий, —
Не забудь меня!

П. Воронько

ПОКОС

(Отрывок из семейной хроники «Детские годы Багрова внука»)

В прекрасный летний день, когда солнечные лучи давно уже поглотили ночную свежесть, подъезжали мы с отцом к так называемому «Потаённому колку», состоящему по большей части из молодых и уже довольно толстых, как сосна прямых, лип, — колку, давно заповеданному и оберегаемому с особенной строгостью. Лишь только поднялись мы к лесу из оврага, стал долетать до моего слуха глухой необыкновенный шум: то какой-то отрывистый и мерный шорох, на мгновенье перемежающийся и вновь возникающий, то какое-то звонкое металлическое шарканье. Я сейчас спросил:

«Что это такое?» — «А вот увидишь!» — отвечал, отец, улыбаясь, но за порослью молодого и частого осинника ничего не было видно; когда же мы обогнули его, чудное зрелище поразило глаза мои. Человек сорок крестьян косили, выстроясь в одну линию, как по нитке: ярко блестя на солнце, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срезанная густая трава. Пройдя длинный ряд, вдруг косцы остановились и принялись чем-то точить свои косы, весело перебрасываясь между собою шутливыми речами, как можно было догадываться по громкому смеху: расслышать слов было ещё невозможно. Металлические звуки происходили от точенья кос деревянными лопаточками, обмазанными глиною с песком, о чём я узнал после. Когда мы подъехали близко и отец мой сказал обыкновенное приветствие «бог помочь» или «бог на помочь», громкое: «Благодарствуйте, батюшка Алексей Степанович!» огласило поляну и отозвалось в овраге, — и снова крестьяне продолжали широко, ловко, легко и свободно размахивать косами! В этой работе было что-то доброе, весёлое, так что я не вдруг поверил, когда мне сказали, что она тоже очень тяжела. Какой лёгкий воздух, какой чудесный запах разносился от близкого леса и скошенной ещё рано утром травы, изобиловавшей множеством душистых цветов, которые от знойного солнца уже начали вянуть и издавать особенно приятный ароматический запах! Нетронутая трава стояла стеной, в пояс вышиною, и крестьяне говорили: «Что за трава! Медведь медведём!» По зелёным, высоким рядам скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетевшие из леса, где находились их гнёзда. Мне сказали, что они подбирают разных букашек, козявок и червяков, которые прежде скрывались в густой траве, а теперь бегали на виду по опрокинутым стеблям растений и по обнажённой земле. Подойдя поближе, я своими глазами удостоверился, что это совершенная правда. Сверх того, и я заметил, что птица клевала и ягоды. В траве клубника была ещё зелена, зато необыкновенно крупна; на открытых же местах она уже поспевала. Из скошенных рядов мы с отцом набрали по большой кисти таких ягод, из которых иные попадались крупнее обыкновенного ореха; многие из них хотя ещё не покраснели, но были уже мягки и вкусны.

С. Аксаков

* * * *

Жар свалил. Повеяла прохлада.
Длинный день покончил ряд забот:
По дворам давно загнали стадо,
И косцы вернулися с работ.

Потемнеть заря уже готова.
Тихо всё. Час ночи недалёк.
Подымался и улёгся снова
На закате лёгкий ветерок.
Говор смолк; лишь изредка собачий

Слышен лай; промолвят
голоса...
Пыль слеглась, остыл песок
горячий.
Пала сильно на землю роса.
По краям темнеющего свода
Тени все широкие сплелись;
Встретить ночь готовится
природа.
Запахи отвсюду понеслись.

И. Аксаков

ИЮЛЬ

Горит заря. Под лесом вдоль опушки,
Как белый дым, ползёт ночная мгла.
За ближней рощей квакают лягушки,
И вперебой кричат перепела.
Куда ни глянь: с востока до заката
Лежит в полях туманная теплынь.
В густой траве сильнее пахнет мята,
Цветут шалфей, ромашка и полынь.
В глуши болот пронзительно и тонко
Звенит-поёт ночная мошкара.
И крик совы, как жалкий плач ребёнка,
Тревожит лес. Теперь её пора.
Над гладью вод недвижной и глубокой
Дымится пар прохладный и седой...
Там утки спят под свежею осокой,
Как поплавки, качаясь над водой.

А. Черемных

ХАДЖИ-МУРАТ

(Отрывок)

Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали, и только что собирались косить рожь.

Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые душистые пушистые кашки; молочно-белые, с яркой жёлтой серединой, «любишь-не-любишь», с своей приятной пряной вонью; жёлтая сурепка, с своим медовым запахом, высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки, жёлтые, красные, розовые скабиозы; лиловый, аккуратный, с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом подорожник; васильки — ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие цветы повилики.

Я набрал большой букет разных цветов и шёл домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется «татарином» и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, выкидывают

из сена покосники, чтобы не колоть руки. Мне вздумалось сорвать этот репей и положить его в середину букета. Я слез в канаву и, согнав впившегося в середину цветка и сладко и вяло заснувшего там мохнатого шмеля, принялся срывать цветок. Но это было очень трудно: мало того, что стебель кололся со всех сторон, даже через платок, которым я завернул руку, он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он, по своей грубости и аляповатости, не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своём месте, и бросил его. «Какая, однако, энергия и сила жизни, — подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. — Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь...»

Л. Н. Толстой

РОСА

С полей, с лугов, с вод поднялись туманы и растаяли в небесной лазури, но в лесу туманы застряли надолго. Солнце поднимается выше, лучи сквозь лесной туман проникают в глубину чащи, и на них там, в чаще, можно смотреть прямо и даже считать и фотографировать.

Зелёные дорожки в лесу все будто курятся, туман везде поднимается, вода пузырьками садится на листья, на хвойник ёлок, на паучиные сети, на телеграфную проволоку. И, по мере того как поднимается солнце и разогревается воздух, капли на телеграфной проволоке начинают сливаться одна с другой и редеть. Наверное, то же самое делается и на деревьях: там тоже сливаются капли.

И когда, наконец, солнце стало порядочно греть на телеграфной проволоке, большие радужные капли начали падать на землю. И то же самое в лесу хвойном и лиственном — не дождь пошёл, а как будто пролились радостные слёзы. В особенности трепетно-радостна была осина, когда упавшая сверху

одна капля приводила в движенье чуткий лист, и так всё ниже, всё сильнее вся осина, в полном безветрии сверкая, дрожала от падающей капели.

В это время и некоторые высоконастороженные сети пауков пообсохли, и пауки стали подтягивать свои сигнальные нити. Застучал дятел по ёлке, заклевал дрозд на рябине.

М. Пришвин

ОБЛАКО

Висит над землёй облако, словно воздушный остров. Как бы взобраться на этот остров, походить по его белым холмам, посмотреть на него вблизи!

Хорошо бы подняться туда на самолёте! Или вскарабкаться на вершину горы, уходящей за облака.

Но можно и у себя на земле побывать в облаках. Для этого не надо ни летать, ни карабкаться на горы. Можно даже не выходить из ворот своего дома. Надо только дождаться первого туманного дня.

Ведь туман — это облако, лежащее на земле. А облако — это туман, висящий в небе.

Туман — это много-много водяных капель. Они такие маленькие, что их можно увидеть только в микроскоп.

Как соберутся эти капельки-невидимки толпой, так и всё вокруг становится невидимым. Они всей толпой могут и лес, и дом от нас заслонить.

Идёт по улице машина, а шофёр не видит, стоит перед ним столб или нет. Летит самолёт по небу, а лётчик не знает, куда земля девалась: вся земля туманом закрыта. Надо бы на аэродром спуститься, да как его в тумане найдёшь? И во всём виноваты капельки-невидимки. Пляшут они в воздухе перед глазами, и никак от них не избавиться.

Отчего же они не падают на землю?

Оттого, что они очень лёгкие. Самого слабого ветерка довольно, чтобы их подбросить. Мы такого ветерка и не почувствуем, а для капельки это вихрь.

Вот какие они крошечные, а человеку с ними не справиться. Как ни дуй, как ни маши руками, их не разгонишь. В них хоть из пушки стреляй, не разойдутся.

Бывает и так иногда, что крошечные капельки вдруг вырастают. Это случается в дождевых облаках. Капли сталкиваются одна с другой, сливаются вместе, делаются всё больше, всё тяжелее. Их тогда и ветру не удержать.

Одна за другой начинают они падать на землю.

И вот уже дождь барабанит по листьям, по крышам.

М. Ильин и *Е. Сегал*

ПЕНЬ-МУРАВЕЙНИК

Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками и сохранившие прочную свою форму... Если, однако, придётся сесть на такой пень, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда чувствуешь, что немного осел, то вставай немедленно: из каждой дырочки этого пня под тобой выползает множество муравьёв, и ноздреватый пень окажется весь сплошным муравейником, сохранявшим обличие пня.

М. Пришвин

ЗАРАСТАЮЩАЯ ПОЛЯНА

Лесная поляна. Вышел я, стал под берёзкой... Что делается! Елки, одна к другой, так сильно густели, и вдруг останавливались все у большой поляны. Там, на другой стороне поляны, были тоже ели и тоже остановились, не смея двинуться дальше. И так кругом всей поляны стояли густые высокие ели, каждая высылая впереди себя берёзку. Вся большая поляна была покрыта зелёными бугорками. Это было всё наработано когда-то кротами и потом заросло и покрылось мхом. На эти взрытые кротами холмики падало семя, и вырастали берёзки, а под берёзкой, под её материнской защитой от мороза и солнца, вырастала тенелюбивая ёлочка. И так высокие ели, не смея открыто сами выслать своих малышей на полянку, высылали их под покровом берёзок и под их защитой переходили поляну.

Пройдёт сколько-то положенных для дерева лет, и вся поляна зарастёт одними ёлками, а берёзы-покровительницы зачахнут в тени.

М. Пришвин

КТО ГДЕ ЖИВЁТ?

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМИШКИ

Наступила пора выводить детёнышей. В лесу каждый построил себе дом.

Весь лес сверху донизу занят сейчас под жильё. Свободного местечка нигде не осталось. Живут на земле, под землёй, на воде, под водой, в деревьях, в траве и в воздухе.

В воздухе — дома у иволги. Она высоко над землёй подвесила к ветке берёзы лёгкую корзиночку, сплетённую из пеньки, стебельков, волосков и шерстинок. В корзиночке лежат иволгины яйца. Прямо удивительно, как они не бьются, когда ветер раскачивает ветку.

В траве — домá у жаворонков, лесных коньков, овсянок и многих других птиц. Шалашик пеночки-веснички из сухой травы и мха, с крышей, вход сбоку.

В деревьях — дома у летяги (белка с перепонками между лапами), у жуков-древоточцев и короедов, у дятлов, синиц, скворцов, сов и других птиц.

Под землёй — дома у мышей, барсуков, у зимородка и разных насекомых.

У чомги — водяной птицы из гагар — пловучее гнездо на воде, оно из кучи болотной травы, камыша и тины. Чомга разъезжает на нём по озеру, как на плоту.

Под водой выстроил себе домик водяной паук. Он устроил из крепкой паутинки подводный колокол, натаскал в него пузырьков, и хоть сидит под водой, а дышит настоящим воздухом.

* * * *

Самое большое гнездо у орла.

Оно сделано из толстых сучьев и помещается на громадной толстой сосне.

* * * *

Самый хитрый дом у крота. У него столько запасных ходов и выходов, что никак его не накроешь в его норе.

* * * *

Самый искусный дом у слоника-листоверта (маленький жучок с хоботком). Слоник перегрыз жилки у листьев и, когда листья начали вянуть, скрутил их в трубочку и склеил особой жидкостью. В этот домик-трубочку слониха-самочка снесла свои яички.

* * * *

Самые простые гнёзда у куличка-галстучника и козодоя-полуночника. Галстучник положил свои четыре яйца прямо в песок на берегу речки, а козодой — в ямочку, в сухие листья под деревом. Они оба немного потрудились над постройкой дома.

* * * *

Самый красивый домик у пеночки-пересмешки. Она свила себе гнёздышко на тонком кончике берёзовой ветки, убрала его лишайником и лёгкой берёзовой кожуркой и вплела для украшения кусочки разноцветной бумаги, что валялись в саду какой-то дачи.

* * * *

Самое уютное гнёздышко у долгохвостой синицы. (Эту птицу зовут ещё ополовничек, потому что она похожа на разливательную ложку — половник). Её гнездо свито изнутри из пуха, перьев и шерстинок, а снаружи из мха и лишайников. Оно всё круглое, как тыква, и дверцы у него круглые, маленькие, в самой середине гнезда.

* * * *

У мышки-малютки гнездо совсем как птичье. Мышка свила его из травинок и разодранных на тонкие волоконца стебельков. Гнездо висит на высоте почти двух метров на ветке можжевельника.

* * * *

Строят дома в лесу из всякого материала. Личинки ручейников (сетчатокрылые насекомые) строят свои дома-трубочки из песчинок, пустых ракушек, крошечных гнилушек. Если на дне ручья они найдут спичку, окурок, булавку, они и их превращают в брёвна для своих домов.

Из грязи лепят свои гнёзда ласточки — касатка и воронок.

Славка-черноголовка скрепляет тонкие прутики своего гнезда лёгкими паутинками.

Поползень — птичка, что бегает по отвесным стволам деревьев вниз головой. Поселился в дупле с большим выходным отверстием. Чтобы к нему в дом не могла забраться белка, поползень замуровал двери глиной, оставив только маленькое отверстие, чтобы самому протиснуться.

А всех забавнее устроился изумрудно-коричнево-голубой зимородок. Он вырыл себе глубокую норку в берегу и устлал пол своей комнатки мелкими рыбьими косточками. Подстилка получилась мягкая.

ПО ЧУЖИМ ДОМАМ

Кто не сумел или поленился сам себе дом выстроить, устроился в чужом дому.

Кукушка подкинула свои яйца в гнёзда трясогузок, зарянок, славок и других маленьких домовитых птичек.

Лесной голубь-витютень отыскал старое гнездо и выводит в нём своих птенцов.

Пескарям (рыбки) очень понравились покинутые хозяевами рачьи норки в песчаном берегу под водой. Рыбки выметали в них свою икру.

А один воробей устроился очень хитро.

Выстроил он себе гнездо под крышей — мальчишки разорили.

Выстроил в дупле — ласка все яйца повытаскала.

Тогда воробей пристроился в громадное гнездо орла. Между толстыми сучьями этого гнезда свободно поместился его маленький домик.

Теперь воробей живёт спокойно, никого не боится. Огромный орёл и внимания не обращает на такую мелкую птаху. Зато уж ни ласка, ни кошка, ни ястреб, ни даже мальчишки не разорят воробьиного гнезда: орла-то каждый боится!

ОБЩЕЖИТИЯ

Есть в лесу и общежития.

Пчёлы, осы, шмели и муравьи строят дома на сотни и тысячи жильцов.

Грачи заняли сады и рощи под свои гнездовые колонии; чайки — песчаные острова и отмели, а ласточки-береговушки изрешетили обрывистые берега рек своими норками-пещерками.

ЧТО ЖЕ В ГНЁЗДАХ?

А в гнёздах — яйца, у всех разные.

И неспроста разные у разных птиц.

У бекаса-куличка они все в пятнышках да в крапинках, а у вертиголовки — белые, чуть только розоватые.

А дело в том, что вертиголовкины яйца в глубоком тёмном дупле лежат, — их и так не увидишь. А у бекаса прямо на кочке, совсем открыто. Всякий бы увидал, если бы они белые были. Вот они и выкрашены под цвет кочки, — ногой наступишь, а не заметишь.

У диких уток тоже яйца почти белые, а гнёзда у них на кочках — открытые. Вот уткам и приходится пускаться на хитрость. Когда утка сходит с гнезда, она выщипывает пух у себя на животе и прикрывает им яйца. Их и не видно.

А почему у бекаса такие заострённые яйца? Ведь вот у большого хищного сарыча они круглые.

Опять понятно: бекас-куличок — птичка маленькая, раз в пять меньше сарыча. Как же он высидит и прикроет своим тельцем такие большие яйца, если они не лягут так удобно — носок к носку — острыми концами вместе, — чтобы занимать как можно меньше места.

В. Бианки

ЛЕТОМ

Прошёл последний месяц весны, все первоцветы отошли, и расцветают летние цветы. Бело-розовые душистые «граммофончики» вьюнков украсили насыпи, межи и чёрный пар. Среди красной и белой кашки, подмаренника, лютиков и анютиных глазок закачались голубые колокольчики, а на полях появились лазурные васильки.

Вот он, василёк! Теперь можно будет увидеть одно из «чудес природы».

Василек не цветок — соцветие. Эти лазурные зубчатые вороночки — только наряд, только яркая приманка для насекомых: это бесплодные цветы. Настоящие цветы посередине, у них в центре столбик, кругом него нити тычинок, а над ним пыльники, сросшиеся трубочкой. Трубочка наполнена пыльцой.

Но как же эта пыльца попадёт на другой цветок, когда она так спрятана? Тут-то и придёт на помощь «чудо». Можно осторожно разорвать трубочку лепестков, тогда всё будет видно очень хорошо. Этот тоненький стебелёк заменит хоботок пчелы. Вот он опустился, коснулся тычинок... И вдруг все тычинки мгновенно присели. Трубка пыльников опустилась. Из неё выдвинулся столбик, и на верхушке столбика оказался жёлтый колпачок пыльцы.

Вот как передаёт василёк свою пыльцу насекомым! Ну можно ли, глядя на него, подумать, что он способен на такие быстрые движения?

* * * *

Из садов доносится сладкий аромат лип. А подходишь к ним, такой гул, точно там собралось население всех окрестных пасек.

В траве под липами какие-то всходы — толстые стебельки с парой тёмных блестящих приподнятых листочков. Эти листочки походят на руки с растопыренными пальцами: такие длинные у них по краям зубцы. Чьи это всходы? Ведь, кажется, таких листьев нет ни у одной травы.

А вот рядом лежит пустая скорлупа и сухое крылышко липовых орешков. Неужели это всходы липы? Как непохожи эти первые листья — семядоли — на листья взрослой липы!

Впрочем, это не у одной липы. Вот рядом всходы клёна. Узкие, длинные семядоли, а за ними пара листьев. И они скорее походят на листья липы, чем клёна: по краям только мелкие зубчики.

А вот у второй пары — уже лопасти, настоящие красивые кленовые лопасти. Но у липы и клена всходы хоть крупные, а вот у березы совсем крошечные. Просто не поверишь, что из такого растеньица может вырасти могучее дерево.

В лесу, наверно, тоже уже появились всходы: сосны, ели. Вот у них и семядоли совсем похожи на настоящие листья — иглы. Сосну узнаешь даже, когда её росток ещё не освободился от семенной оболочки, когда эта оболочка ещё сдерживает верхушки выгнувшихся во все стороны иголок.

На опушке леса цветёт и уже отцветает земляника. Красные ягоды земляники найдут и унесут птицы. Они посеют

семена где-нибудь в отдалении. Но часть потомства земляники останется расти рядом с материнским растением.

Вот у этого кустика уже появились тонкие ползучие стебельки — плети. На верхушке плети — маленькое дочернее растеньице: розеточка листьев и зачатки корешков. А вот ещё. Тут на одной и той же плети три розеточки. Первое растеньице уже укрепилось, а последнее — на верхушке — ещё недоразвито. Плети ползут во все стороны от материнского растения. Надо поискать тут же, где трава пореже, материнское растение с прошлогодними дочерними. Вот хотя бы это: материнский кустик посредине, а дочернее вокруг него кругами, тремя кругами. И в каждом кругу по пяти растений.

Так вот круг за кругом земляника и завоёвывает пространство.

И довольно быстро завоёвывает: вон какую площадь заняли эти шестнадцать растений!

Точно так же размножается и культурная земляника. Земляника — счастье для плодоводов. Ведь стоит только выделить одно какое-нибудь ценное растение земляники, а уже от него можно получить множество точно таких же. Все эти растения будут одним сортом. Другое дело, если бы пришлось выращивать потомство из семян. Тогда дочерние растения получились бы различными. Сортов получилось бы столько, сколько растений. И, может, среди них не нашлось бы ни одного с теми качествами, которыми привлекла внимание их мать.

У нас самый известный сорт земляники — рощинская. Он распространяется от Хибин до Кавказа и от западной границы до берегов Японского моря.

И все эти растения произошли от одного земляничного кустика.

Растение, которое залило малиновым цветом всю лесную вырубку, никогда уже не пропустить. Это Иван-чай. Как

он разросся! Ведь, кажется, ни одному-то растению не позволил жить рядом с собою: всех вытеснил. На солнце цветов изобилие. А вот в тени их совсем не видно. Даже бутоны отсыхают. Отчего это так? Зато сколько здесь лезет из-под земли побегов. Это отводки — отростки подземного корневища. В тени Иван-чай семян дать не может, но здесь он приспособился размножаться по-иному.

Цветы Иван-чая замечательны не только своей красотою. В них есть удивительные приспособления и для перекрёстного опыления, и для самоопыления. Не стоит жалеть времени для того, чтобы разобраться хорошенько, как всё это происходит. Цветы охотно об этом расскажут.

Н. Павлова

ЗЕМЛЯНИКА

На прогалинке лесной
Земляничка под сосной.
Земляничка —
Невеличка
Хорошо цвела весной.

На неё садились пчёлы,
Майский жук летел над ней.
У неё сосед весёлый —
Родничок среди камней.

Солнце грело много дней
Пышный кустик у камней.
Становилась
Земляничка
Всё пригожей да крупней,
Покраснела каждым боком,
Налилась душистым соком.

Е. Трутнева

ЧЕРНИКА

Рассыпает солнце стрелы,
Сосны зажигая.
Что за ягода созрела,
Синяя такая?
На кусточки, под листочки
Кто-то бусы бросил,

Все поляны в синих точках
У зелёных сосен.
Мы чернику собирали
В кузовок, в лукошко...
Только рты с чего-то стали
Чёрные немножко.

Е. Трутнева

ОХОТА НА ОГОРОДЕ

Летом охота не на дичь. Скорее даже не охота, а война. Летом много врагов у человека. Скажем, разбили вы огород. Посадили овощи. Поливаете. Ну, а сумеете ли вы защитить их от врагов?

Мало поставить пугало на палке. Пугало поможет против воробьёв да других птиц. А есть у огорода такие враги, что не только пугала, а и человека с ружьём не испугаются. Они так сильны, что их ни дубиной не убьёшь, ни из ружья не застрелишь. Справиться с ними можно только хитростью, против них нужен недремлющий острый глаз.

ВРАГ ПРЫГАЮЩИЙ

Появились на овощах маленькие, чёрные с двумя белыми полосками на спине жучки. Они, как блохи, прыгают на листья. Бей тревогу: огород в опасности!

Страшный враг — огородная блошка. В два-три дня она может уничтожить огород площадью в несколько гектаров. Она прогрызёт в молодых, ещё не окрепших листьях овощей дырочки, превратит листья в кружева, и огород погиб! Особенно страшна блошка для репы, турнепса, брюквы и капусты.

ПОХОД НА БЛОШКУ

С блошкой воюют так. Вооружаются пиками с флажками, флажки с обеих сторон густо смазывают клеем, оставив чистым нижний их край (вершка на полтора).

С этим оружием отправляются на огород, ходят между гряд и водят флажками над овощами, задевая их чистым краем полотнища.

Блошки скачут вверх и вязнут в клее.

Но и тут ещё нельзя считать себя победителем. Новые полчища врагов могут напасть на огород.

Надо встать рано утром, пока на траве роса, и через мелкое решето посыпать овощи печной золой, табачной пылью или гашёной известью.

Овощам это не повредит, а блошек с огорода отвадит.

ВРАГИ ЛЕТАЮЩИЕ

Ещё страшнее блошек — бабочки. Они незаметно откладывают на овощи свои яйца. Из яиц выходят гусеницы и грызут листья и стебли.

Самые опасные бабочки: дневные — капустная белянка (крупная с белыми крыльями в чёрных пятнах) и репная белянка (такая же, только поменьше), ночные — капустная огнёвка (маленькая, вислокрылая, спереди жёлтая, как охра), капустная

совка (пушистая, буро-серого цвета) и капустная моль (крошечная сероватая бабочка, похожая на моль платяную).

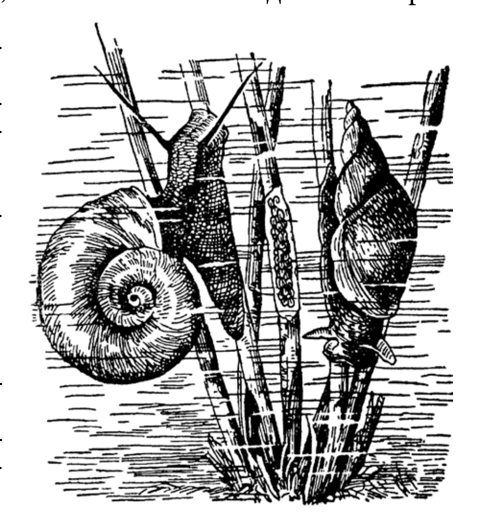
С ними — борьба врукопашную: собирают и давят яйца. И ещё: посыпают овощи как против блошек.

В. Бианки

В ВОДЕ

Завершает весну толстый карп — сазан. Если уж он бросил икру, стало быть, началось лето.

Отцвела черёмуха. Закончил свои песни соловей. Побурела рожь. Тучи комаров, мошек, бабочек носятся над тихим зеркалом воды. У всех у них уже вывелись личинки. А прудовик отложил икру.

А как ждут вывода красных червячков-личинок комара молодые рыбёшки! Какая это лакомая для них пища!

И вот всё рыбное население кидается искать пищу: мирные рыбы — караси, лини, плотва — ищут насекомых и червей, а хищники, вроде щуки, подстерегают карасей.

Наши ребята-рыболовы отлично это знают и с улыбкой на загорелых лицах насаживают червяка на тонкий крючок, предвкушая радость иметь в руках блистающего золотой чешуёй карася.

Наступила страдная пора. Жнут рожь. Жара. Пиявки дождались тепла и кладут яйца. Налим забрался под корягу и целыми днями скрывается в тёмном углу. Щука дремлет в зарослях рдеста. Головли, разинув рты, прячутся под тень прибрежной ивы. Язи, плотва, окуни, лещи — все ищут тенистых мест. Всем жарко так, что даже есть не хочется. Разве только на зорях — утром и вечером.

Рыболовы про это время говорят так. «Пришёл июнь — на рыбу плюнь», — то есть лов плохой, рыба не берёт насадку.

Головастики выросли и превратились в лягушат. В июле тритончики выходят на берег.

В эту же пору линяет рак. Смело тащите его из норы. Мягкий, белый, беспомощный рак совсем не страшен в это время. Только через две недели затвердеет его новый панцырь. Вот тогда он вам покажет, как брать его голыми руками!

А. Клыков

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРИМЕТАХ

(Из рассказа «Мещерская сторона»)

Чтобы не заблудиться в лесах, надо знать приметы. Находить приметы или самим создавать их — очень увлекательное занятие. Мир примет бесконечно разнообразен. Бывает очень радостно, когда одна и та же примета сохраняется в лесах год за годом — каждую осень встречаешь всё тот же огненный куст рябины за Лариным прудом или всё ту же зарубку, сделанную тобой на сосне. С каждым летом зарубка всё сильнее заплывает твёрдой золотистой смолой.

Приметы на дорогах — это не главные приметы. Настоящими приметами считаются те, которые определяют погоду и время.

Примет так много, что о них можно было бы написать целую книгу. В городах приметы нам не нужны. Огненную рябину заменяет эмалированная синяя табличка с названием улицы. Время узнаётся не по высоте солнца, положению созвездий и даже не по петушиным крикам, а по часам. Предсказания погоды передаются по радио. В городах большинство наших природных инстинктов погружается в спячку. Но стоит провести две-три ночи в лесу, и снова обостряется слух, зорче делается глаз, тоньше обоняние.

Приметы связаны со всем: с цветом неба, с росой и туманами, с криком птиц и яркостью звёздного света.

В приметах заключено много точного знания и поэзии. Есть приметы простые и сложные. Самая простая примета — это дым костра. То он подымается столбом к небу, спокойно струится вверх, выше самых высоких ив, то стелется туманом по траве, то мечется вокруг огня. И вот к прелести ночного костра, к горьковатому запаху дыма, треску сучьев, перебеганию огня и пушистому белому пеплу присоединяется ещё и знание завтрашней погоды. Глядя на дым, можно точно сказать, будет ли завтра дождь, ветер, или снова, как сегодня, солнце подымется в глубокой тишине, в синих прохладных туманах. Безветрие и теплоту предсказывает и вечерняя роса. Она бывает такой обильной, что даже блестит ночью, отражая свет звёзд. И чем обильнее роса, тем жарче будет завтрашний день.

Это всё — очень несложные приметы. Но есть приметы сложные и точные. Иногда небо вдруг кажется очень высоким, а горизонт сжимается, кажется близким, до горизонта как будто не больше километра. Это признак будущей ясной погоды.

Иногда в безоблачный день вдруг перестаёт брать рыба. Реки и озёра мертвеют, как будто из них навсегда ушла жизнь. Это верный признак близкого и длительного ненастья. Через день-два солнце взойдёт в багровой зловещей мгле, а к полудню чёрные облака почти коснутся земли, задует сырой ветер, и польются томительные, нагоняющие сон обложные дожди.

К. Паустовский

ПРИМЕТЫ

Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветр, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод,
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдёт в печальны тучи,
Знай, завтра сонных дев разбудит дождь ревучий,
Иль бьющий в окна град...

А. С. Пушкин

ГРИБНОЙ КАЛЕНДАРЬ

И ю н ь

Волны ходят по зелёному морю ржи. Мне важно заметить, когда рожь начнёт колоситься. Недаром грибы-берёзовики народ называет колосовиками. Они появляются по березнякам во время колошения ржи.

Позже, в конце июня, моё лукошко заполняют разноцветные сыроежки: розовые, зелёные, жёлтые. В сосняках можно наткнуться на целую семейку маслят.

Иногда я замечаю запрятавшуюся в траве тёмную бархатную шапочку. Мякоть гриба ярко-жёлтая, в крупных порах, похожа на губку.

Но когда дома я вынимаю гриб из лукошка, чтобы показать домашним свою находку, оказывается, что намятая моими пальцами «губка» из жёлтой стала зеленовато-синей.

Вот досада! Зато теперь я точно знаю, что за гриб мне попался. Это моховик.

Июль

Красный цвет — это цвет лета. Красных цветов, ягод, грибов весной не бывает. Вот почему, заметив у корней осины красное пятнышко — голову молодого подосиновика (обычно это бывает в середине июля), я говорю себе: «Пришло лето красное».

Иногда красное пятнышко обманывает. Подойдёшь ближе, а это не подосиновик, а мухомор. Что ж, и такая находка любопытна! Для меня это сигнал: скоро появятся белые грибы. Красный мухомор предвещает их появление.

Множество лисичек, волнушек, белянок, свинушек, валуёв, подгруздей начинает в конце июля вылезать из-под земли. Я долго вожусь около пня, сплошь покрытого опятами. На лужайке хвойного леса рыжики водят хоровод — выросли все по кругу.

У рыжика в середине шляпки — впадина. Сорвёшь гриб и залюбуешься на затаившуюся в этой розовой ямке капельку утренней росы. Она переливается жемчужинкой.

Август

Дольше всех грибов, в течение полугода, встречается в лесу горькушка. С половины сентября растут берёзовики. Самый недолговечный из всех грибов (после сморчков и строчков) — это груздь. Он появляется в начале августа и сходит во второй половине сентября.

Любой гриб можно найти в августе. На этот месяц приходится наиболее сильный рост большинства лесных съедобных грибов.

Войдёшь в лес — и чувствуешь, как от мха, от палых листьев, от земли идёт грибной запах.

Часто мне встречаются родственники груздя, такие же белые, как и он, подгрузди и сухари. В шутку я называю эти грибы «неряхами». Они прячутся в толще лесной подстилки и всегда к их шляпкам пристаёт разный сор: хвоинки, листья, кусочки веток.

Но вот в конце августа, найдя белый подгруздь, я отлеплю от его шляпки уже не бурый, прошлогодний, а ярко-жёлтый, ещё сочный листок. И сразу на меня дохнуло холодом: начался листопад. Как незаметно подошла осень!

Н. Надеждина

ОБРАТИ ВНИМАНИЕ

ЛЕТО

Когда из камышей и тростников начнут вылезать молодые стрекозки. Не летят ли они тучами.

Когда сыроежек станет много и вылезут первые белые грибы, берёзовики, подосиновики, опёнки. Когда созреют первые ягоды земляники.

Когда в лугах зацветут колокольчики. Когда зацветёт рожь и в ней голубые васильки.

* * * *

Когда зацветёт Иван-чай (кипрей), распустится водяная лилия, созреют ягоды черники и голубики.

Когда вылезет первый мухомор (ядовитый гриб).

Когда появится первый рой пчёл.

Когда созреют ягоды малины, поспеют ягоды красной и чёрной смородины.

* * * *

Когда колхозники начнут сенокос и в каких местах раньше, в каких позже.

Когда вызревает рожь (нальётся и станет твёрдым зерно в колосьях).

Когда детёныши у серой жабы запрыгают по дорожкам.

* * * *

Когда появляются плавающие головастики (водяной лягушки).

Когда овёс начинает колоситься.

Когда зацветёт, заблагоухает липа. Когда колхозники начнут собирать огурцы с гряд.

* * * *

Когда раскроются стручки жёлтой акации.

Когда зацветёт подсолнечник. Когда поспеют ягоды брусники. Когда на бахчах начнётся сбор арбузов и дынь.

В. Бианки, А. Клыков

Рассказы и сказки

ТЯЖЁЛЫЕ ДНИ

(Из повести о Мичурине «Обновитель природы»)

Как только утром свет просачивался сквозь рассохшиеся ставни, Владимир Иваныч[1] вскакивал с постели и, прямо на босу ногу надев сапоги, шагал в сонный сад. Он всё боялся что-нибудь проворонить. Всякое время года требовало своих хлопот.

Ранней весной, например, когда соки устремлялись по разогретым стволам в ветки и почки, нужно было спешно доделать начатую с осени обрезку и приниматься за самую трудную работу.

Словно буря проходила по саду, когда Владимир Иваныч делал обрезку. Так и летели отхваченные жировики, длинные рыхлые ветки — вредные для плодов побеги роста. Зоркость и точность нужна была тут, чтобы нигде не спутать пузатенькую почку будущего цветка с длинной почкою роста.

А когда начиналась прививка, тогда как будто и птицы притихали: такое нелёгкое и торжественное было это дело.

Владимир Иваныч будто на струнах играет — на ветвях. Вот, например, нужно ему вприкладку привить по ходу дела.

Он срезает наискось ветку на яблоне, а к срезу плотно, кора в кору, прикладывает срез того черенка, который надо прирастить к дереву.

— Лычко! — приказывает мастер.

Ребята подают ему ленточку мочала, и Владимир Иваныч туго забинтовывает место сростка. Быстро застывает на воздухе вар, и вот уже как будто так и было. Только чуть заметная толщинка на ровной прямизне сращённой ветви выдаёт, что соединены тут два разных дерева.

Многое нужно брать в расчёт: и возраст ветки, и её направление, и толщину. Для каждого случая — своя особая фигура на концах веток.

Со всем этим надо поторапливаться. Как только буйное весеннее сокодвижение к началу июня сменится тихим ходом соков и кора начнёт отделяться от свежей древесины, от камбия, — тогда уже нельзя будет соединять ветки срезами.

«Эх, не мешало бы получше помощников, — думает, орудуя своим ножом, Владимир Иваныч. — Как ни торопишься, а всё никак не поспеешь».

---

1 Отец И. В. Мичурина.

В самом деле, нелегко приходилось Владимиру Иванычу в саду без настоящих, дельных помощников. И за дичковым питомником следи, и прививки делай, и червя околачивай, и окуривай деревья дымом, и штамбы бели. Много дела, много заботы.

Всё чаще и чаще слышал Ваня в доме сокрушения и вздохи о том, что вот, мол, ещё одна выписная прививка из Умани совсем не дала завязей или дала завязи чуть-чуть побольше дикой сибирки...

Лето перевалило за половину. Яблони набивали плод. Опытный глаз хозяина уже начал подсчёты. Утешительного было мало. Ухищрения не помогали...

Владимир Иваныч день ото дня делался всё угрюмее. Улыбка всё реже появлялась на его лице.

И вот Ваня решил пособить отцу. Ему пришла в голову замечательная мысль.

За два гвоздя и гайку Ваня заручился Петькиной помощью. Однажды, когда тот по своему обычаю пролез в подворотню, Ваня спросил:

— Петька, ты яблоки умеешь делать?

Петька подумал и в первый раз в жизни покачал головой:

— Не-е... Не умею...

— Давай со мной вместе яблоки делать!..

Через пять минут работа кипела вовсю. На крепостных ямах накопали розовой глины, щедро полили её водой, размесили и принялись формовать яблоки. В готовое яблоко втыкали ветку или сучок из садового хлама и ставили яблоко на солнцепёк.

Когда запас глины выходил весь, опять бежали на ямы за новой партией сырья.

Пот ручьями стекал по разгоревшимся щекам. Яблоки получались огромные и тяжёлые. У них было некоторое сходство с настоящими яблоками, но больше походили они на картофель. Готовые изделия складывались в укромное местечко, незаметное для чужого взгляда.

Петька весь ушёл в новое занятие. Вылепливая яблоки, он восторженно взвизгивал, охал, мычал, подпрыгивал. Ваня тоже работал изо всех сил.

За неделю Петька с Ваней наделали около сотни яблок. Жаркое августовское солнце отлично запекло их. Они громоздились огромной кучей в закуте между забором и стеной сенника. Старшие мельком видели их, но принимали за снаряды, приготовленные для какой-нибудь междоусобицы.

Но вот однажды в полдень, когда все спали мёртвым сном, Ваня и Петька тихонько шмыгнули в сад с первыми охапками наделанных яблок. Облюбовав одну из яблонь-китаек, в кроне которой привиты были черенки пармена, приятели разделили, кому что делать. Петька, взобравшись на стремянку, начал подвязывать самодельные яблоки к веточкам и сучкам, а Ваня

подавал ему снизу новые и новые. Ваня часто видел отца возле этого дерева и думал, что оно его особенно огорчает.

Подвесив одну охапку, сбегали за второй. Ветви яблоньки стали заметно клониться от непредвиденного груза. Некоторые вязочки обрывались, но, в конце концов, почти все яблоки прочно повисли на ветвях. Яблоня преобразилась. В зелёной листве её засквозили серовато-розовые катыши глины, казавшиеся друзьям верхом яблочной красоты.

Пот градом стекал по перепачканным лицам обоих приятелей. Дело подвигалось не очень быстро. За полтора часа полуденного сна домашних, когда только и можно было действовать без опасений, удалось украсить всего одну яблоню.

Но вот загавкал проснувшийся дворняга Жучик. Это было как бы сигналом — «конец всеобщему сну». Ваня с Петькой опрокинули наземь стремянку и убежали из сада. Забравшись в своё убежище, они, поёживаясь, начали радостно, с захлёбом обсуждать всё по порядку. Свою работу они никак не считали за озорство. Для них это было серьёзное дело, важное и полезное.

Но вот из дверей дома показался хмурый отец. Ворот рубахи был у него расстёгнут, волосы сбились на лоб. Сон не согнал озабоченности с его лица, не разгладил складок над переносицей.

Владимир Иваныч цыкнул на Жучика, который бросился к нему с объятиями. Расправив плечи, он двинулся в сад...

И вдруг и сад, и огород, и плетень, и сарай — всё это прямо затряслось от бешеного хохота. Такого давно уже не слыхали тут.

Через минуту Владимир Иваныч выбежал из сада. Он корчился, хлопал себя по бёдрам и по коленкам, хватался за бока...

Во дворе он закричал неистовым голосом:

— Кто это сделал? Кто это сделал?...

Сбежалась вся семья. Отец приказал всем идти в сад. Ваня решил: «Надо идти вместе со всеми, а то, пожалуй, сразу подумают на нас».

Петька вдруг поскучнел. Буркнул поспешно:

— Я, Ваня, домой... — и тотчас умчался.

Ваня прокрался за всеми в сад, но там всё-таки спрятался за кустами.

Отец, размахивая руками, кричал вперемежку с хохотом:

— Каково! А? Ведь надо этакое удумать. И кто, шельмец, умудрился?.. Вхожу в сад, гляжу — чего-то неладно с моим парменом. Не узнаю, хо-хо-хо!.. Подхожу ближе — что за чёрт? — картошка на ветках...

— Чему обрадовался? — вдруг завопила истошно бабка. — Просто соседи подшутили. Вот, дескать, на тебе — катыши глиняные вместо яблочек...

Отец сразу перестал смеяться. Затихли и все остальные.

— Надо мной?.. Подшутили? — повторил грозно садовод. — Быть не может.

Он скрипнул зубами, сжал кулаки.

— Да если бы я только мерзавцев этих... Головы посшибаю! — завопил он вдруг страшным голосом. — Головы посшибаю...

Ване представилось, что отец уже и впрямь бежит к соседям, чтобы посшибать им головы.

Сердце у него так и оборвалось. Что теперь будет с соседями, да и самим отцом? Забыв про всё, он выскочил из своей засады и кинулся к отцу, заливаясь слезами.

— Папа, папаня... Я больше не буду... Не сшибай головы соседям. Это... мы... я...

Он хотел было крикнуть «с Петькой», но удержался.

— Это я сам яблоки наделал и сам повесил... Я думал, ты рад будешь, папаня...

Несколько секунд молчания, и отец снова затрясся от хохота. Он подхватил сына на руки, начал подкидывать его кверху...

— Ну и мастак! Ну и затейник! Чего удумал... Отцу пособить... Хороши яблочки. Хороши...

Снова заулыбалась вся семья, кроме сердитой бабки Марьи Матвеевны.

— Выдумщик-бесёнок! Ужо и хлопот с ним будет, — беда... Высечь обязательно его надо.

— Ну нет, — замотал головой отец. — Уж я его как-то обидел понапрасну. Крапивой посек за то, что он гряду мне переворошил. А верь не верь — на этой грядке самая лучшая редька вышла. Я у него так и не допытался, чего ради он гряду тревожил. Может, сейчас скажешь, Ванюшка, чего ты там делал?

— Ладно... Скажу... — шептал, всхлипывая, Ваня.

— Ну, говори же.

— Бурмору сеял... Чилигиру...

— А где ты взял её, чилигиру эту?

— На столе, в стопке...

— В какой?

— В деревянной.

— Вот те на! — молвил отец, — а ведь это же соль ты сеял, изобретатель...

В. Лебедев

УТРЕННИЕ ЛУЧИ

Выплыло на небо красное солнышко и стало рассылать повсюду свои золотые лучи — будить землю.

Первый луч полетел и попал на жаворонка. Встрепенулся жаворонок, выпорхнул из гнёздышка, поднялся высоко-высоко и запел свою серебряную песенку: «Ах, как хорошо в свежем утреннем воздухе! Как хорошо! Как привольно!»

Второй луч попал на зайчика. Передёрнул ушами зайчик и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной травки на завтрак.

Третий луч попал в курятник. Петух захлопал крыльями и запел: ку-ку-ре-ку! Куры слетели с нашестей[1], закудахтали, стали разгребать сор и червяков искать.

Четвёртый луч попал в улей. Выползла пчёлка из восковой кельи[2], села на окошечко, расправила крылья и — зум-зум-зум! — полетела собирать медок с душистых цветов.

Пятый луч попал в детскую, на постельку к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

К. Д. Ушинский

ВОРОБЕЙ НА ЧАСАХ

В саду на дорожке прыгали молодые воробушки.

А старый воробей уселся высоко на ветке дерева и зорко глядит, не покажется ли где хищная птица.

Летит по задворкам ястреб-разбойник. Он лютый враг мелкой пташки. Летит ястреб тихо, без шума.

Но старый воробей заметил злодея и следит за ним.

Ястреб ближе и ближе.

Зачирикал громко и тревожно воробей, и все воробьята разом скрылись в кусты.

Всё смолкло.

Только воробей-часовой сидит на ветке. Не шевелится, глаз с ястреба не спускает.

Заметил ястреб старого воробья, взмахнул крыльями, расправил когти и стрелой спустился вниз.

А воробей камнем упал в кусты.

Ястреб ни с чем и остался.

Озирается он вокруг. Зло взяло хищника. Огнём горят его жёлтые глаза.

Встрепенулся разбойник и полетел дальше. Опять уселся воробей на той же ветке. Сидит и весело чирикает.

С шумом высыпали из кустов воробьята, прыгают по дорожке.

Л. Н. Толстой

ЗОЛОТОЙ ЛУГ

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идём куда-нибудь на свой промысел, — он впереди, я в пяту.

— Серёжа! — позову я его деловито.

Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет.

---

[1] С нашестий (нашест, насест) — с жёрдочек в курятнике, на которые куры садятся ночью.

[2] Келья — маленькая комнатка; из восковой кельи — из ячейки улья.

И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг — золотой». Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зелёный. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошёл, отыскал себе одуванчик, и оказалось, что он сжал себе лепестки, как всё равно, если бы у нас пальцы были жёлтые, стороной к ладони, и, сжав в кулак, мы закрыли бы жёлтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчики стали нам одними из самых интересных цветов, потому что они спать ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

М. Пришвин

ПОДКИДЫШ

Мальчишки разорили гнездо каменки, разбили её яички. Из разбитых скорлупок выпали голые, слепенькие птенчики.

Только одно из шести яичек мне удалось отобрать у мальчишек целым.

Я решил спасти спрятанного в нём птенчика.

Но как это сделать?

Кто выведет мне его из яйца?

Кто вскормит?

Я знал неподалёку гнездо другой птички — пеночки-пересмешки. Она только что отложила своё четвёртое яичко.

Но примет ли пересмешка подкидыша? Яйцо каменки чисто голубое. Оно больше и совсем не похоже на яички пересмешки: те малиновые с чёрными точечками.

И что будет с птенцом каменки? Ведь он вот-вот должен выйти из яйца, а маленькие пересмешки выклюнутся только ещё дней через двенадцать.

Станет ли пересмешка выкармливать подкидыша?

Гнездо пересмешки помещалось на берёзе так невысоко, что я мог достать его рукой.

Когда я подошёл к берёзе, пересмешка слетела с гнезда.

Она порхала по ветвям соседних деревьев и жалобно посвистывала, словно умоляя меня не трогать её гнезда.

Я положил голубое яичко к её малиновым, отошёл и спрятался за куст.

Пересмешка долго не возвращалась к гнезду. А когда, наконец, подлетела, не сразу уселась в него, видно было, что она с недоверием разглядывает чужое голубое яйцо.

Но всё-таки она села в гнездо. Значит, приняла чужое яйцо. Подкидыш стал приёмышем.

Но что будет завтра, когда маленькая каменка выклюнется из яйца?

Когда утром на следующий день я подошёл к берёзе, с одной стороны гнезда торчал носик, с другой — хвост пересмешки.

Сидит!

Она слетела, я заглянул в гнездо.

Там было четыре малиновых яичка и рядом с ними голый, слепенький птенчик каменки.

Я спрятался и скоро увидел, как прилетела пересмешка с гусеничкой в клюве и сунула её в рот маленькой каменке.

Теперь я был уже почти уверен, что пересмешка выкормит моего подкидыша.

Прошло шесть дней. Я каждый день подходил к гнезду и каждый раз видел торчащие из гнезда клювик и хвост пересмешки.

Очень меня удивляло, как она поспевает и каменку кормить и высиживать свои яйца.

Я скорей отходил прочь, чтобы не помешать ей в этом важном деле.

На седьмой день не торчали над гнездом ни клювик, ни хвост. Я подумал: всё кончено! Пересмешка покинула гнездо. Маленькая каменка умерла с голоду.

Но нет: в гнезде лежала живая каменка. Она спала и даже не тянула вверх головку, не разевала рта: значит, была сыта. Она так выросла за эти дни, что покрывала своим тельцем чуть видные из-под неё малиновые яички.

Тогда я догадался, что приёмыш отблагодарил свою новую мать: теплотой своего тельца он грел её яички — высиживал ей птенцов. Так оно и было.

Пересмешка кормила приёмыша, приёмыш высиживал её птенчиков.

Он вырос и вылетел из гнезда у меня на глазах.

И как раз к этому времени выклюнулись птенчики из малиновых яиц.

Пересмешка принялась выкармливать своих родных птенцов и выкормила их на славу.

В. Бианки

ТЕРЕМОК

Стоял в лесу дуб. Толстый-претолстый, старый-престарый.

Прилетел дятел пёстрый, шапка красная, нос вострый. По стволу скок-поскок, носом стук-постук — выстукал, выслушал и давай дырку долбить. Долбил-долбил, долбил-долбил — выдолбил глубокое дупло. Лето в нём пожил, детей вывел и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.

Узнал про то дупло скворец. Прилетел. Видит — дуб, в дубу — дырка. Чем скворцу не теремок?

Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живет?

Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаскал скворец в дупло сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живёт, другой живёт — сохнет старый дуб, крошится; больше дупло, шире дырка. На третий год узнал про то дупло желтоглазый сыч.

Прилетел. Видит — дуб, в дубу — дырка с кошачью голову. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил дятел пёстрый, нос вострый, теперь я живу — скворец, первый в роще певец. А ты кто?

— Я сыч. Попадёшь мне в когти — не хнычь. Ночью прилечу — цоп! — и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока цел!

Испугался скворец сыча, улетел.

Ничего не натаскал сыч, стал так в дупле жить, на своих пёрышках.

Год живёт, другой живёт — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло белка. Прискакала. Видит — дуб, а в дубу — дырка с собачью голову.

Спрашивает;

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил дятел пёстрый — нос вострый, жил скворец — первый в роще певец, теперь я живу — сыч. Попадёшь мне в когти — не хнычь. А ты кто?

— Я белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка. У меня зубы долги, вострые, как иголки. Ступай из терема вон, пока цел!

Испугался сыч белки, улетел.

Натаскала белка моху, стала в дупле жить.

Год живёт, другой живёт — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло куница. Прибежала, видит — дуб и в дубу — дыра с человечью голову. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил дятел пёстрый — нос вострый, жил скворец — первый в роще певец, жил сыч — попадёшь ему в когти — не хнычь, теперь я живу — белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка. А ты кто?

— Я куница — всех мелких зверей убийца. Я страшней хоря, со мной не спорь зря. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась белка куницы, ускакала.

Ничего не натаскала куница, стала так в дупле жить на своей шёрстке.

Год живёт, другой живёт, — крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнали про то дупло пчёлы. Прилетели. Видят — дуб, в дубу — дыра с лошадиную голову. Кружат, жужжат, спрашивают.

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил дятел пёстрый — нос вострый, жил скворец — первый в роще певец, жил сыч — попадёшь ему в когти — не хнычь, жила белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка, теперь живу я — куница — всех мелких зверей убийца. А ты кто?

— Мы пчелиный рой — друг за дружку горой. Кружим, жужжим, жалим, грозим большим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока цела.

Испугалась куница пчёл, убежала.

Натаскали пчёлы воску, стали в дупле жить. Год живут, другой живут — крошится старый дуб, шире дупло. На третий год узнал про то дупло медведь. Пришёл. Видит — дуб, в дубу — дырища в целое окнище. Спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Жил дятел пёстрый — нос вострый, жил скворец — первый в роще певец, жил сыч — попадёшь ему в когти — не хнычь, жила белка — по веткам скакалка, по дуплам сиделка, жила куница — всех малых зверей убийца, теперь мы живём — пчелиный рой — друг за дружку горой. А ты кто?

— А я медведь, Мишка — вашему терему крышка!

Влез на дуб, просунул голову в дупло да как нажал! Дуб-то пополам и расселся, а из него — считай-ка сколько лет копилось:

шерсти,
да сена,
да воску,
да моху,
да пуху,
да перьев,
да пыли,
да пххх!..
да теремка-то и не стало.

В. Бианки

КУПАНЬЕ МЕДВЕЖАТ

Наш знакомый охотник шёл берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица и с ней два весёлых медвежонка. Медведица схватила одного медвежонка зубами за шиворот и давай окунать в речку.

Медвежонок визжал и барахтался, но мать не выпускала его, пока хорошенько не выполоскала в воде.

Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удирать в лес.

Мать догнала его, надавала шлепков, а потом — в воду, как первого.

Очутившись снова на земле, оба медвежонка остались очень довольны купанием: день был знойный, и им было очень жарко в густых лохматых шубках. Вода хорошо освежила их. После купания медведи опять скрылись в лесу, а охотник слез с дерева и пошёл домой.

В. Бианки

ХВОСТЫ

Прилетела муха к человеку и говорит:

— Ты хозяин над всеми зверями, ты всё можешь сделать. Сделай мне хвост.

— А зачем тебе хвост?

— А затем мне хвост, — говорит муха, — зачем он у всех зверей — для красоты.

— Я таких зверей не знаю, у которых хвост для красоты. А ты и без хвоста хорошо живёшь.

Рассердилась муха и давай человеку надоедать: то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет! Человек ей и говорит:

— Ну, ладно! Лети ты, муха, в лес, на реку, в поле. Если найдёшь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только привешен, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

Обрадовалась муха и вылетела в окошко.

Летит она над садом и видит: по листу слизняк ползёт.

Подлетела муха к слизняку и кричит:

— Отдай мне хвост, слизняк! Он у тебя для красоты.

— Что ты, что ты! — говорит слизняк — У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо моё. Я его сжимаю да разжимаю — только так и ползаю. Я — брюхоног.

Муха видит — ошиблась, и полетела дальше.

Прилетела к речке, а в речке рыба и рак — оба с хвостами.

Муха к рыбе:

— Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.

— Совсем не для красоты, — отвечает рыба. — Хвост у меня — руль. Видишь: надо мне направо повернуть, я хвост вправо поворачиваю. Надо налево, я налево хвост кладу. Не могу я тебе свой хвост отдать.

Муха к раку.

— Отдай мне твой хвост, рак!

— Не могу отдать, — отвечает рак. — Ножки у меня слабые, тонкие, — я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. Я как шлёпну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлёп, шлёп — и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.

Полетела муха дальше. Прилетела в лес, видит — на суку дятел сидит.

Муха к нему:

— Отдай мне твой хвост, дятел!

— А как же я деревья-то долбить буду, еду себе искать, гнёзда для детей устраивать?

— А ты носом, — говорит муха.

— Носом-то носом, — отвечает дятел, — да ведь без хвоста не обойдёшься. Вот гляди, как я долблю.

Упёрся дятел крепким, жёстким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом, да как стукнет носом по суку — только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост дятел садится, когда долбит, — нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служит.

Полетела дальше.

Видит, козуля в кустах со своими козлятами. И у козули хвостик — маленький, пушистый, беленький хвостик.

Муха как зажужжит:

— Отдай мне твой хвостик, козуля!

Козуля испугалась:

— Что ты, что ты! — говорит. — Если я отдам тебе свой хвостик, так мои козлятки пропадут.

— Козляткам-то зачем твой хвостик? — удивилась муха.

— А как же, — говорит козуля. — Вот погонится за нами волк. Я в лес кинусь, прятаться. И козлятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком машу, как платочком: сюда бегите, сюда! Они видят — беленькое впереди мелькает — бегут за мной. Так все и убежим от волка.

Нечего делать, полетела муха дальше

Полетела дальше и увидела лисицу.

Эх, и хвост у лисицы! Пышный да рыжий, красивый-красивый!

«Ну, — думает муха, — уж этот-то хвост мой будет».

Подлетела к лисице и кричит:

— Отдай хвост!

— Что ты, муха! — отвечает лисица. — Да без хвоста я пропаду. Погонятся за мной собаки, живо меня бесхвостую поймают. А хвостом я их обману.

— Как же ты, — спрашивает муха, — обманешь их хвостом?

— А как станут меня собаки настигать, я хвостом верть! — хвост вправо, сама влево. Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. Да пока разберут, что ошиблись, я уж далёко.

Видит муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке. Нечего делать, полетела муха домой. Сама думает: «Пристану к человеку, буду ему надоедать, пока он мне хвоста не сделает».

Человек сидел у окошка, смотрел на двор.

Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу, а муха уж ему на лоб пересела. Человек бац по лбу, а муха уж опять на носу.

— Отстань ты от меня, муха! — взмолился человек.

— Не отстану, — жужжит муха. — Зачем надо мной посмеялся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала, у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от мухи — вот какая надоедливая!

Подумал и говорит:

— Муха, муха, а вот корова на дворе. Спроси-ка у неё, зачем ей хвост.

— Ну, ладно, — говорит муха. — Спрошу ещё у коровы. А если и корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя со свету.

Вылетела муха в окошко, села корове на спину и давай жужжать, выспрашивать:

— Корова, корова, зачем тебе хвост? Корова, корова, зачем тебе хвост?

Корова молчала, молчала, а потом как хлестнёт себя хвостом по спине — и пришлёпнула муху.

Упала муха на землю, дух вон и ножки кверху.

А человек и говорит из окошка:

— Так тебе, муха, и надо! Не приставай к людям, не приставай к зверям! Надоеда!

В. Бианки

КАК ОБЛАЧКО

(Сказка)

Подмаренник был ещё совсем маленький: у него был тоненький стебелёк и узенькие листики тремя этажами.

Ему ещё долго нужно было расти, чтобы стать большим и расцвести. И он ещё не знал, какие у него будут цветы.

— Прилетишь ко мне, когда я расцвету? — спросил он пёструю мушку. — У меня будут большие, большие цветы жёлтым шариком, как у купавки.

— Не сочиняй! — сказала пёстрая мушка, — я-то знаю, какие у тебя будут цветы: меньше моей головы и беленькие.

— Нет, не такие! Нет, большие! — сказал подмаренник и заплакал. Но когда он увидел хорошенькую белую бабочку, он стал опять придумывать:

— Знаешь, какие у меня будут цветы? Большие, большие, голубые, колпачками, как у колокольчика. Прилетишь тогда ко мне?

— Не сочиняй! — сказала белая бабочка, — я-то знаю, какие у тебя будут цветы: меньше моего глаза и беленькие.

— Нет, не такие! Нет, большие! — сказал подмаренник и заплакал.

Он плакал, пока не пошёл дождь. А после дождя он познакомился с дождевой каплей и рассказал ей о своём горе.

— Я хочу, чтобы у меня были большие красивые цветы. Я хочу, чтобы их всем было видно. Я хочу, чтобы ко мне все прилетали. Ну, на что мне цветочки меньше мушкиной головки, меньше бабочкиного глаза?

— Успокойся, — сказала дождевая капля. — Видишь это круглое облачко? Я раньше жила в таком же облачке. И знаешь, ведь оно всё из капелек, из таких малюсеньких капелек, что их и не видно. А смотри, какое облачко! Уж его-то видят все. Может, и у тебя будет так же: цветочки-то будут маленькие, а зато их будет много.

— Да, очень, очень много, — сказал подмаренник и развеселился.

И больше он уже не думал о своих цветах.

А когда он вырос совсем большим и расцвёл, то вспомнил дождевую каплю. Вспомнил потому, что у него было так много малюсеньких цветочков, и они так густо сидели на стебельках, что все вместе походили на маленькое облако. И к этому облаку со всех концов лужайки летели мушки и жучки.

— Каким я раньше был дурачком, — говорил подмаренник, — ну, зачем мне были нужны большие цветы?

Н. Павлова

ЖЁЛТЫЙ, БЕЛЫЙ И ЛИЛОВЫЙ

Был такой хороший весенний день, что даже навозному жуку захотелось приподнять свои пыльные крылья и полетать. И увидев попрыгунью-кобылку, он спросил, где она живёт.

— На весёлом жёлтом лугу, — сказала кобылка. — Там цветут: сурепка и свербига, одуванчики и лютики. Как блестят лепестки у лютика! В них видишь мордочку другой кобылки. Знаешь, как это бывает, когда глядишь в воду.

— Я прилечу к тебе и посмотрю, — сказал навозный жук.

И он стал собираться. Но по привычке всё копался и копался. И прокопался очень долго. А когда полетел, то не нашёл жёлтого луга. И при встрече пожаловался кобылке.

— Ах, — сказала кобылка, — да ведь луг-то теперь не жёлтый, а белый! Там цветут: тмин и ромашки, дрёма и подмаренник. Какие маленькие цветочки у подмаренника! Заберешься между ними, и точно облачко вокруг тебя. А как пахнет!

— Я прилечу к тебе и понюхаю, — сказал навозный жук.

И он стал собираться. Но по привычке всё копался и копался. И прокопался очень долго. А когда полетел, то не нашёл белого луга. И при встрече пожаловался кобылке.

— Ах, — сказала кобылка, — да ведь луг-то теперь не белый, а лиловый. Там цветут: колокольчики и скабиоза, полевая герань и мышиный горошек. Какие забавные усики у мышиного горошка! Он цепляется ими за травинки. И на нём так славно качаться.

— Качайся на здоровье! — сказал навозный жук. — А я больше туда не полечу. Уж не расцветут ли там завтра чёрные цветы? Нет, я предпочитаю свою родную дорогу. Навоз всегда навоз. И пыль всегда пыль. А серый цвет для глаза всего приятнее.

Н. Павлова

БОЛЬШАЯ ЯГОДА

Капризный грачонок сидел со своей мамой на верхушке берёзы. Оттуда он увидел в рядочке густой зелени красный блестящий шарик. Такой красный, такой красивый, что грачонку захотелось сейчас же его проглотить. И он слетел на землю, затряс крыльями, разинул пасть и крикнул:

— Ка-а! Мама, дай!

Грачиха-мама оторвала красный шарик от стебелька и сунула сыну в горло.

— Гум! — крикнул капризный грачонок, проглатывая шарик. И тотчас же снова разинул пасть.

Он просил ещё, потому что шарик, который он проглотил, был не просто какой-нибудь шарик, а чудесная сладкая душистая ягода садовой земляники. И хоть она была велика, так велика, что еле пролезла в широченное горло грачонка, он сейчас же заорал:

— Ка-а! Мама, дай мне ягоду ещё больше, ещё больше!

Грачиха-мама наклонилась над кустиком и только что собралась вытащить из-под него огромную ягоду, как вдруг услышала топот и крик. По дорожке бежал сторож, размахивая руками.

— Улетай! — крикнула мать грачонку.

— Что это за птица с крыльями без перьев? — спросил грачонок, усевшись рядом с мамой на тополе. — Что это за птица так на нас раскаркалась?

— Человек, — ответила мать. — Улетим подальше.

И они полетели. Пролетели над садами, над огородами и домами. И долетели до опушки леса.

Капризный грачонок сел на пенёк, затряс крыльями, разинул пасть и крикнул:

— Ка-а! Мама, дай! Дай мне большую красную ягоду!

Грачиха-мать нашла у пенька алую ягодку лесной земляники, сорвала и сунула сыну в горло. Но капризный грачонок её сейчас же выплюнул и крикнул:

— Я тебе сказал — большую! Ка-а!

И грачиха-мама стала искать снова. Но все ягоды на опушке были маленькими.

А грачонок не давал ей прохода, бегал за нею следом, тряс крыльями и орал:

— Ка-а! Давай большую ягоду! Ка-а! Давай большую!

Грачиха-мама перелетела на пригорок. Весь пригорок зарос земляникой, и много, много ягод спело на солнышке.

Но все они были чуть побольше горошины! И капризный грачонок их не брал. Он совсем охрип от крика, но всё не унимался:

— Ка-а! Давай большую ягоду! Ка-а! Давай большую!

И бедная мать всё искала и искала и на лесных полянках, и по канавам, и на лугах. Искала весь день и не нашла! И так устала, что была очень рада, когда солнце стало садиться за пригорок. Тут она пригласила своего капризного сына спать, и он уселся с нею на ветку.

«Наконец-то, притих», — подумала мать.

А грачонок смотрел на солнце. Оно было красное, красное, большое и круглое.

— Ка-а! — вдруг крикнул грачонок, — мама, дай! Дай мне этот шарик, я его проглочу! Ка-а!

Грачиха-мама только вздохнула.

Но солнце зашло. Стемнело. И капризный грачонок сразу угомонился.

Утром он был так голоден, что глотал всё, что толкала ему в горло мать. Но как только немного наелся, вспомнил про вчерашнее.

— Ка-а! Давай мне большую ягоду!

— Что мне делать? — пожаловалась грачиха-мама прилетевшей вороне. И всё ей рассказала.

— Брось заниматься пустяками! — сказала ворона, — ты не найдёшь такой земляники нигде, где нету человека. Это человек добился, чтобы она была такая крупная. И человек сам её садит. И человек за ней ухаживает. И человек её охраняет. И человек её собирает. И человек её ест.

— Пусть так, — сказала грачиха-мама, — но что же мне тогда делать с моим глупым сынишкой?

— Перестань с ним нянчиться, — сказала ворона, — все другие грачата уже давно находят себе пищу сами. Пусть и он тоже.

Грачиха-мама промолчала. Уж слишком она любила своего грачонка.

А грачонок испугался, что мама послушается ворону. И как только ворона улетела, он подошёл, раскрыл клюв и сказал самым нежным голоском:

— Ка-а! Мамочка, дай мне ягодку! Хоть самую маленькую, хоть с горошинку!

Н. Павлова

В ЖИВОЙ КОМНАТКЕ

Новорождённый жук слишком много ползал, летал и копошился, празднуя первый день своей жизни. К вечеру он так устал, что не мог пошевелить ни лапками, ни усиками.

Он лежал посередине жёлтого цветка. Цветок был не чашечкой, а лепёшкой и весь из узеньких лепестков, мягкий, мягкий! От него пахло мёдом. И он был ещё тёплый: так сильно нагрело его солнце.

А оно уже опускалось за пригорок. И небо, которое было голубым, будто на нём цвели незабудки, одни незабудки, стало красным, как будто там распустились маки.

Новорождённый жук смотрел на это огненное огромное небо, и ему вдруг стало страшно. Вот он такой маленький-маленький, а лежит у всех на виду. Запрятаться бы куда-нибудь в тёмную щёлку! Но он так устал, что не мог пошевелить ни лапками, ни усиками.

Вот на небе загорелась первая звёздочка. Новорождённый жук встрепенулся. Ему захотелось взлететь. Взлететь прямо туда и покружиться вокруг этой сверкающей звёздочки. Но она была так далеко!

Вдруг он почувствовал, что цветок под ним зашевелился. Жук вцепился в него лапками покрепче.

«Может, и ему, цветку, захотелось взлететь?» — подумал жук. Тут он увидел, что вокруг, со всех сторон, вырастают жёлтые стены. И они становятся всё выше и выше.

А небо — всё уже и уже. Только звёздочка всё ещё сверкает. А вот и она стала меньше. Сверкнула и погасла. И стало темно, очень темно и тесно.

«Как это цветок вдруг стал щёлкой?» — подумал новорождённый жук, засыпая.

На второе утро своей жизни жук проснулся на дне тёмного мешка. Попытался вскарабкаться по мягкой стене. Но это ему не удалось. Лапки скользили и проваливались между гладкими узкими ленточками. И он снова падал на дно мешка. И снова пробовал карабкаться вверх. И опять валился.

Вскоре он совсем измучился. Грустно сидел на дне закрытого цветка. И думал, что уже никогда не увидит солнышка.

Вдруг он почувствовал, что цветок зашевелился. И сразу вверху прорвался свет. Прорвался сквозь щёлочку, которой раньше там не было. А теперь она становилась всё шире и шире. И жёлтые стены вокруг тихо опускались. Вот цветок стал опять лепёшкою!

И тут жук увидел солнце! Оно поднималось за лесом. А когда его луч упал на жука, жук сразу окреп и развеселился.

— Лечу! — крикнул он солнцу. Расправил на краю цветка свои крылышки. И полетел, сам не зная куда.

Н. Павлова

ГРАДИНКА

Упала на землю градинка, запрыгала по дорожке, как мячик. Откуда она упала?

С неба.

А как она выросла на небе такая большая, такая тяжёлая? На чём она там держалась?

Она сама об этом расскажет. Надо только торопиться её спрашивать, пока она не растаяла.

Вот под куст закатилось несколько градинок. Нужно выбрать ту, которая покрупнее. Теперь скорей сюда нож.

Разрежем градинку пополам. Видите, снаружи она прозрачная, как из стекла. А в середине белая, как фарфор.

Конечно, это не фарфор — фарфор ведь не тает. Это снег. А стекло тоже не стекло, а лёд.

Вот, значит, какая она, градинка: сама из снега, как Снегурочка. А надето на ней платье из чистого льда.

Но эта градинка ещё не из самых нарядных. Бывают и такие, которые надевают на себя и по три и по пять платьев, одно на другое. Снизу — прозрачное, ледяное платье, поверх ледяного — белое, из снега, поверх снежного — опять ледяное. Где это они так наряжаются, собираясь к нам в гости?

У себя дома — на небе.

В середине градинки — белая крупинка. Эта крупинка жила высоко в небе, в снежном облаке. Стала она спускаться к нам на землю, а дорога не близкая. Много в небе облаков — наверху снежные, пониже водяные.

Залетела градинка по пути в водяное облако. Оно и подарило ей водяное платье. Замёрзло на ней водяное платье и стало ледяным.

А почему на ней поверх ледяного белое платье из снега?

Потому что из водяного облака не сразу отправилась она к нам, а снова поднялась в снежное царство.

Но ведь на ней не два, а много платьев. Значит, она много раз летала то вверх, то вниз. И каждый раз она одевалась: наверху — в снежное платье, а внизу — в ледяное.

Как же это она ухитрялась попадать снизу наверх? Ведь крыльев у неё нет.

Её подкидывал кверху ветер.

Кто же ещё мог бы это делать, как не ветер?

Вот мы и узнали историю градинки по её нарядам. Долго она наряжалась, собираясь к нам в гости. А как пришла, то сразу все её платья и растаяли одно за другим.

И всё-таки градинка успела рассказать нам, где она была и что видела. Мы узнали от неё, что повыше дождевых есть снежные облака. Раньше мы думали, что ветер может дуть только справа или слева, спереди или сзади, а теперь мы знаем, что может быть ещё такой ветер, который бьёт снизу вверх, как фонтан. Он-то и подкидывал градинку, не давал ей падать, пока она наряжалась.

И ещё узнали мы, что лучше самолёту не залетать в градовое облако. Начнёт его ветер подбрасывать — изломает. Обледенеет самолёт в облаке, покроется тяжёлой ледяной корой и упадёт на землю, как упала градинка.

М. Ильин и Е. Сегал.

ЛИСТ ПОДАЁТ СИГНАЛЫ

Флажками переговариваются встретившиеся в море корабли. По огонькам семафора узнаёт машинист, можно ли ему вести поезд дальше. «Стой!» — молчаливо предупреждает красный огонёк. «Внимание!»— сигнализирует жёлтый. «Всё в порядке. Счастливого пути!» — успокаивает зелёный.

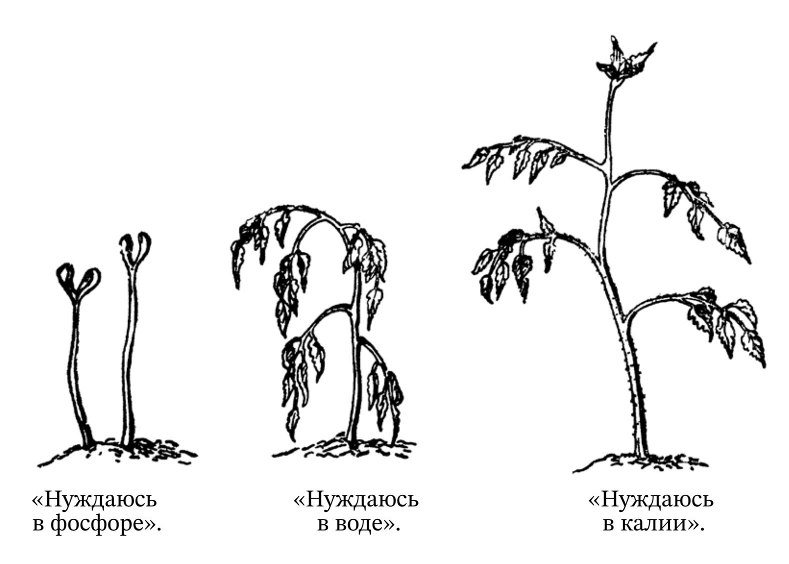
У растения сигналы дают листья. И наблюдательный огородник читает сигналы листьев так же хорошо, как моряк — сигналы флажков и машинист — огоньков.

Я думаю, что некоторые сигналы листьев ты и сам умеешь прочесть. Если в жаркий день листья растения поникли к земле, — разве тебе непонятна эта молчаливая просьба: «Нуждаюсь в воде».

Это сигнал жажды. А есть и сигналы голода. Растению нужно получить из почвы питательные вещества: азот, необходимый для роста, фосфор, ускоряющий созревание, калий, нужный для образования плодов. И если какого-нибудь из этих питательных веществ в земле не хватает или, наоборот, слишком много — это сразу отразится на растении, лист подаст сигнал.

Это легко проследить на рассаде помидоров. Если у рассады семядоли подняты кверху, листочки не раскрываются — это сигнал: «Нуждаюсь в фосфоре».

У рассады тонкий стебель, тонкие, широкие, лапчатые листья — значит, в почве не хватает калия. У взрослых растений при недостатке калия на листьях появляются бурые пятна — сохнут края.

«Нуждаюсь в фосфоре». «Нуждаюсь в воде». «Нуждаюсь в калии».

Маленькие, карликовые растения, плохо развитые листья бледно-зелёного цвета — молчаливый упрёк огороднику. Плохо удобрена земля, в ней не хватает азоту. Голодно растениям.

И наоборот, если перестараешься, чересчур жирно удобришь землю, — от излишка азота пышными кустами разрастаются помидоры. Листья темно-зелёные, стебли толстые, молодые листья скручиваются. И хмурится огородник, глядя на это буйство ботвы. Он знает: ботвы много, а плоды плохо растут. Сам виноват: перекормил.

Н. Надеждина

НАШЕСТВИЕ СОРНЯКОВ

Ну, а вспомни, как гнал по земле сухие листья сентябрьский ветер, как журчали в борозде струйки осеннего дождя. Вместе с водой и ветром прибыли непрошеные путешественники — семена сорняков. Кто приплыл, кто прилетел, кто шариком-кубариком прикатился по земле.

Помнишь, сколько носилось в воздухе белого пуха одуванчиков? Будто летним днём мчалась над лугом снежная метель. Снизились пушинки, приземлился в твоей огородной стране парашютный десант сорняков. Рассмотри, как устроены пушистые хохолки семян одуванчика и осота: настоящие парашюты!

А есть семена-приставалы, семена-прилипалы. Назвать хотя бы лопух, подорожник, череду. Кто мимо них пройдёт, к тому они и прицепятся. Ты идёшь по осеннему полю, и тебе невдомёк, что на твоём плече едет на новоселье сорняк. Разве заметишь такого пассажира-иевидимку — пушинку или закорючку, приставшую к рукаву?

Так с осени разными хитростями пробралось в твою огородную страну разбойничье племя сорняков. Пригрело весеннее солнце — пошли сорняки в наступление, началась на грядке война не на жизнь, а на смерть.

Идёт война под землёй — молчаливый спор корней, кому захватить больше влаги, пищи. У сорняков корни могучей и ветвистей, чем у культурных растений. Знаешь, сколько воды высасывает из почвы сорняк овсюг? В полтора раза больше, чем пшеница. Сорняк полевая репа берёт из земли азота и фосфора в два раза больше, чем овёс, а извести — в четыре раза больше.

Идёт война и в воздухе — борются листья за свет. И здесь сорняки сильнее. Они быстрее растут, встанут стеной, закроют твоим посевам солнце, а без света растению — смерть.

Так спеши на помощь, сам начинай воевать с сорняками.

Выполол грядку, смотришь — опять заросла. Не ленись полоть снова. Зато и урожай будет хорош.

Н. Надеждина

КОНЕЦ ИСТОРИИ ПРО РАЗРУБЛЕННЫЙ КОРЕШОК

Лучше и легче полоть после дождя, когда земля мягкая. Но если дождя нет, ждать его не приходится. Ребята брали с собой мотыги, ножи, вилки, заострённые колышки, чтобы, глубоко взрыхляя землю, с корнями вырывать сорняки.

Когда Коля замечал, что полольщики начинают уставать, он, чтобы приободрить приятелей, принимался рассказывать им разные забавные истории.

— Я и не знал, — пошутил Коля, — какая крепкая спина у нашей Маринки: ей ничего не стоит нагнуться сто тысяч раз.

— Сто тысяч раз? — испугалась Маринка, у которой от полки сильно ломило спину. — С чего ты это взял?

— Я вижу, ты оставила на грядке невыполотую лебеду.

— Ну и что ж, всего один кустик!

А всего один кустик лебеды может дать сто тысяч семян! Ты сейчас один раз поленилась нагнуться — следующей весной отвесишь лебеде сто тысяч поклонов. И тебе нагибаться, и тем людям, чью землю засорили семена не выполотой тобой лебеды. Кто ни нагнётся, вспомнит ленивицу недобрым словом. Один скажет...

— Ничего он не скажет, — перебила Маринка, торопясь выдернуть злополучный куст.

Ребята смеялись и забывали про усталость.

А однажды Коля рассказал приятелям про маленького лентяя. Как тот, прискучив весной выбирать разрубленные во время поделки грядок лопатой корешки сорняков, потихоньку затоптал их в землю. Думал, что никто об этом не узнает.

«Э! — скажешь ты. — Да ведь это история про внука огородника!»

Ты сможешь узнать конец истории про разрубленный корешок.

Это был корешок сорняка осота, всего в 2 сантиметра толщиной, и тот способен дать росток. За лето от одного корня протянется в стороны целая сеть корней. Хрупкие, они легко ломаются. Каждый кусочек корня с почкой — это новый осот. От корней поднимаются кверху побеги, разрастается целая семья сорняков. А семейка осота, расселившись на квадратном метре земли, может засорить своими семенами целый гектар поля.

Теперь ты догадаешься, чем кончилась история про разрубленный корешок, как наказал сам себя маленький лентяй.

Н. Надеждина

ЖИВЫЕ БАРОМЕТРЫ

По составленному Мишей расписанию очередь Алёши и Пети поливать огород пришлась на последний день недели. Это путало все Алёшины планы: как раз на субботу он договорился с приятелями-рыболовами отправиться на речку. А тут нате — дежурство! Но может случиться такая удача, что дождь в этот день за него польёт грядки? И в пятницу вечером Алёша побежал к Маринке узнать, какую погоду ожидать на завтра.

От своего отца-охотника научилась Маринка зорко наблюдать за жизнью природы, научилась по «живым барометрам» — листьям, цветам, по полёту птиц, по бегу облаков — угадывать, какая будет погода. Бывало, ещё ни одной тучки не видно в небе, а Маринка покажет ребятам на гудящий пчёлами и шмелями куст жёлтой акации:

— Слышите песню дождя?

Перед дождём особенно много сладкого сока выделяют цветы акации и цветы горицвета-дрёмы, который весь день дремлет и только к вечеру. раскрывает белые звёздочки своих цветов. Если на цветах дрёмы много ночных бабочек — значит, быть дождю. Чем влажнее воздух, тем слабее испаряет растение влагу. У иных растений листья и стебли так переполнены влагою, что она каплями выступает наружу. Так за сутки до наступления ненастья начинает «плакать» конский каштан. С нижних концов черешков его листьев, как слёзы, скатываются капли.

Найдёт Маринка в лесу хвощ — переломит его коленчатый стебель. И если на сломе, переливаясь живой жемчужинкой, выступит капля, по ней девочка узнает о миллионах нависших в воздухе, ещё невидимых капель будущего дождя.

— Какую же погоду предсказывают назавтра твои барометры, Маринка?

— Смотри! — Маринка показала Алёше на плясавший в луче заходящего солнца столбик комаров. — Комары «мак толкут». Смотри! Навозный жук пронёсся в воздухе. Он никогда не вылетит перед ненастьем. Смотри! Высоко в небе чёрной стрелой мелькнула ласточка.

И другие приметы ясной погоды видели зоркие глаза Маринки. Вот бабушка затопила печку готовить ужин, и дым из трубы прямой ниткой тянется к небу. В речной долине подымается вечерний туман. У ребят, идущих с луга, башмаки мокры от росы.

— Нет, Алёша, не будет завтра дождя. Таскать тебе воды на поливку — не перетаскать.

Н. Надеждина

ДОМАШНЯЯ РЫБА

— Вот вам дикий сазан, а это культурный зеркальный карп, наша домашняя рыба!

Передо мною в сачках две разные рыбы.

В левом — изгибался своим удлинённым, почти цилиндрическим телом сазан. Он был, точно бронёй, покрыт крупной тёмно-золотистой чешуёй. Он показался мне похожим на большого карася, только был толще, не так высок в спине, как карась, а кроме того, у него на жёлтых мясистых губах виднелись четыре коротких усика.

Кстати сказать, на юго-востоке Советского Союза, на Волге, речного, дикого карпа называют сазаном, а на Украине та же рыба известна под названием короп, или карпий.

В сачке направо смирно лежал на боку, блестя золотистым глазом, зеркальный карп. Толстый, жирный, только кое-где покрытый очень крупной чешуёй серебристо-жёлтого цвета. Каждая чешуйка, словно маленькие полулунные зеркала, была окаймлена широкой коричневой полосой. На середине, между спинкой и брюшком карпа, эти зеркальца были величиной с пятикопеечную монету. Там же, где чешуи не было, тело зеркального карпа отливало зеленовато-жёлтым цветом.

— А теперь, — предложил мне рыбовод, — идём осматривать наш рыбий питомник! Надо вам сказать, что домашние карпы были выведены от дикого сазана. Эта рыба очень плодовита. Количество икринок у взрослого сазана может достигать полмиллиона!

А кроме того, в хороших условиях жизни эта рыба очень быстро растёт и жиреет.

— Поэтому рыбоводы и обратили на него внимание?

— Конечно, и стали содержать сазанов в особых прудах. Начали отбирать, год за годом, лучших, мясистых и крупных рыб. Стали выращивать карпов, поколение за поколением.

Мы идём. На зелёном лугу ещё блестит зелёная жемчужная роса. Воздух свежий. Вдали над прудами ползёт облако тумана.

Всё ближе эти огромные зеркала в квадратных рамках серых земляных плотин.

— Наши зеркальные карпы, — рассказывает на ходу рыбовод, — это домашние животные. Они требуют постоянного ухода за ними, тёплой воды, разнообразного корма.

— До того часа, пока попадут на тарелку, — заканчиваю я.

— Совершенно верно. Ведь, в конце концов, для этого мы и выращиваем рыбу.

Вот и плотина. По тропке взбираемся на её гребень. Передо мной две довольно обширные ямы без воды, отделённые земляной перегородкой одна от другой.

— Это — зимние квартиры наших карпов! Летом они проветриваются, а к зиме мы наполняем их проточной водой и переносим сюда всех карпов. Здесь зимуют взрослые карпы, — сказал рыбовод, — а рядом проводят зиму карпята-сеголетки. Идёмте дальше!

Спустившись с плотины, пересекая засеянный чечевицей участок, мы приближаемся к небольшому прудику. Кажется, что нетрудно перекинуть через него палку.

От пологого берега пруда, разрезая спинными плавниками спокойную поверхность воды, отплывает крупная рыба. За ней другая, третья.

— Здесь зеркальные карпы мечут икру. Это мелкие прудики, вы видите даже спины карпов; мы наполняем их водой на время икрометания. А потом взрослых карпов пересаживаем в одни пруды, а родившихся карпят — в другие. Скоро здесь воды не будет. Прудик спустим, а дно его засеем клевером.

— Как же карпы и их молодое поколение проводят лето?

— А вот, сейчас увидите!

Невдалеке, куда ведёт нас дорога от нерестовых прудиков, ровной полосой тянется молодой ивняк. Пройдя сотню шагов, мы останавливаемся на берегу большого, правильной четырёхугольной формы озера-пруда. По соседству с ним тянется вдаль ряд таких же прудов.

Ровная, чистая гладь воды. Даже не верится, что там, под её неподвижной поверхностью кормятся, резвятся, растут десятки тысяч молодых карпиков.

— Рыбоводы неустанно следят, чтобы карпята всегда были сыты, а если мало корма в воде, то им дают «добавочное питание» — жмыхи подсолнечника, молотую вику. Карпов заботливо охраняют от пернатых любителей рыбы — цапель, зимородка, скопы-рыболова, а также от четвероногих врагов — выдры, водяных крыс и землероек. Самые опасные враги карпят — щуки и окуни! Эти хищники могут за короткое время поесть всех карпов.

— Что же делать?

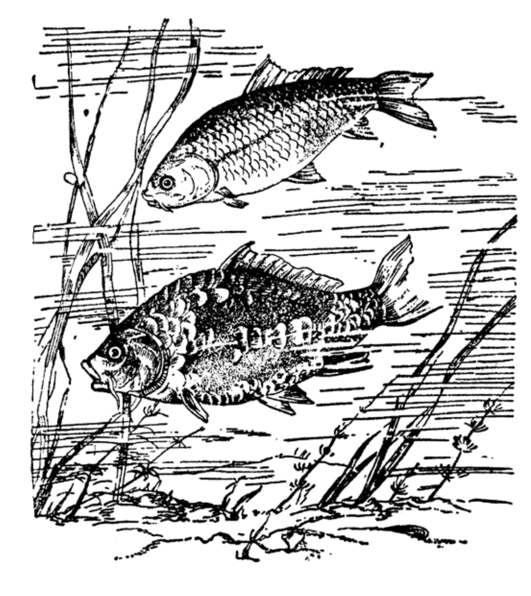
— Птиц можно отпугивать выстрелами, на зверей поставить капканы и ловушки. А со щуками и окунями надо бороться, спуская воду из пруда, где они завелись, и только после вылова этих непрошеных гостей снова наполнить его для карпов.

— Здесь нагуливаются годовики-карпы, — говорит рыбовод, когда мы переходим к соседнему пруду. — Отсюда мы раздаём колхозам для посадки их в разные водоёмы.

Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на соседний пруд, где нахо-

дятся взрослые карпы. По его широкой плотине к нам идёт человек с корзиной в руке.

— Сейчас карпы будут завтракать! — говорит рыбовод, спускаясь на мостики, которые выдвинуты с берега над поверхностью пруда. Я спешу за ним. Рабочий подходит к нам и открывает корзину. Она полна варёной лапши. Рыбовод вынимает из кармана колокольчик, опускает в воду и звонит.

Вскоре начинается плеск, возня. Это плывут карпы. Когда им бросают корм, они, словно куры на пшено, разом бросаются к пище.

Но вот перестают кидать пищу. Карпы высовывают из воды разинутые рты. Они громко чмокают толстыми губами — просят корм.

Простившись с рыбоводами, я иду к реке.

Перехожу мост. Рыболов, сидящий на берегу, хватается за длинное удилище и сразу тянет его. Оно сгибается в дугу. Леска дрожит, словно натянутая струна. Из воды показывается толстая голова сазана и вдруг... леска ломается, сазан быстро бросается прочь.

— Эх! Не так надо бы! — невольно срывается у меня.

— Ничего! Всё равно никуда не денется, не сегодня, так завтра поймаю, — отвечает рыболов.

А. Клыков

Народные приметы

Паук усиленно плетёт сети — к сухой погоде.
Паук забился в угол — к ветру.
Лягушки расквакались — к непогоде.
Муравьи прячутся в гнёзда — к грозе.
Ласточки летают низко — перед дождём.
На кустах акации много пчёл — перед дождём.
Вечером сильно стрекочут кузнечики — к хорошей погоде.

Народные загадки

1. *Вся дорожка усыпана горошком.*
2. *Летит орлица через тридевять земель, крылья распластала, солнышко застлала.*
3. *Крашено коромысло через реку висит.*
4. *Стоят старички-красношапочники.*
5. *Ног нет, а движется; перья есть, а не летает; глаза есть, а не мигает.*
6. *Мал-малышок в сыру землю ушёл — синю шапку нашёл.*
7. *Стоит Ермошка в красной рубашке, кто подойдёт, тот и поклонится.*
8. *Лежит мужичок в золотом кафтане, подпоясан поясом, встать не может — люди поднимают.*
9. *Когда чёрен — кичлив и задорен, а покраснеет — сейчас и присмиреет.*
10. *Много мастеров срубили избу без углов.*
11. *Без окон, без дверей полна горница людей.*
12. *Кто над нами вверх ногами?*

Народные пословицы и поговорки

Лето собериха — зима поедиха.
Что летом родится, зимой пригодится.
Готовь летом сани, зимой — телегу.
Летний день за зимнюю неделю.
Худую траву с поля вон.
Зёрнышко к зёрнышку — будет мешок.
На всяк цветок пчела садится,
да не со всякого поноску берёт.
Одна пчела много мёда не наносит.
Не велик сверчок, а громко поёт.
Одного рака горе красит.
На то и щука в море, чтоб карась не дремал.
Кто рано встаёт, тот грибы себе берёт,
а сонливый да ленивый идёт после за крапивой!

ГУЛЯЙ ДА ПРИСМАТРИВАЙСЯ

1. Какая рыба вьёт гнездо?
2. Какие птицы не вьют гнёзд, а выводят птенцов в ямке, в песке?
3. Какого цвета яйца у этих птиц?
4. Какие ноги вырастают у головастиков раньше — передние или задние?
5. Чем отличается (по виду) гнездо городской ласточки

(воронок: хвост короткий) от гнезда деревенской ласточки (касатка: хвост вилочкой)?

6. Есть ли крылья у самцов Ивановых червяков (светляков)? (Ночью в лесу накрой стаканом светящуюся самочку Иванова червячка. Огонёк её приманит на стакан самцов.)

7. Какая птица делает подстилку в гнезде из рыбьих костей?

8. Почему гнёзда зяблика, щегла, пеночки-пересмешки так мало заметны на ветвях?

9. Все ли птицы выводят птенцов один раз в лето?

10. Есть ли у нас хищные растения?

11. Кто строит себе дом из воздуха?

12. Птенцы какой птицы не знают своей матери?

13. Птенцы какой птицы шипят из дупла, как змеи?

14. Как различить старого и молодого грача по их носам?

15. Какая рыба заботится о своих детях, пока они не вырастут?

16. Что случается с пчелой после того, как она ужалит?

17. Куда «лицом» обращена головка подсолнечника в полдень?

18. Какие звери летают?

19. Почему стрижи и ласточки в хорошую погоду летают высоко, а в сырую — над самой землёй?

20. Зачем куры перед дождём ощипываются?

21. Как узнать о приближении дождя, наблюдая муравейник?

22. Что ест коромысло (стрекоза)?

23. Какой страшный хищный зверь падок до малины?

24. Где летом лучше всего наблюдать следы птиц?

25. Какого цвета самый крупный из наших дятлов?

ИГРЫ

КАЖДОМУ — СВОЯ ШАПОЧКА

Дети набирают желудей, не отрывая их от плюсок. Дома воспитатель отсчитывает каждому ребёнку по десятку желудей. Дети должны отделить от этих десяти желудей плюски («чашечки» или «шапочки»). Потом перемешать всю кучку желудей и плюсок. И, наконец, попытаться опять подобрать к каждому жёлудю его плюску. Кто скорее справится с этой задачей, тот и выиграл.

ПОДБЕРИ ОТТЕНОК

Воспитатель подбирает ряд листьев и цветов различных оттенков — ярко-синий василёк и голубой колокольчик, бледно-синюю веронику, ярко-лиловый лист Иван-да-Марьи и бледно-лиловую полевую астру (скабиозу), тёмно-зелёный лист свекольной ботвы и серовато-зеленоватый лист капусты и т. д. Дети сидят в кругу с букетами различных цветов и листьев. Воспитатель

поднимает руку с каким-либо цветком яркого цвета, например, ярко-красной гвоздикой, и предлагает всем детям дать ему цветы красного оттенка, затем синий василёк и т. п. Из полученных цветов он делает букетики, которые получают те, кто ни разу не ошибся.

ПОТОНЕТ ИЛИ ПОПЛЫВЁТ

Собирают различные предметы — камни, шишки, щепки, куски глины, стёклышки и т. п. Игра проводится у водоёма или таза с водой. Ребёнку даётся задание разобрать все предметы на две кучки, что утонет и что поплывет. Затем он по очереди берёт из кучек предметы и кидает в воду, проверяя таким образом себя.

ПУТАНИЦА

Раскладывают на ровном месте несколько разных предметов — ветку ели, ветку сосны, еловую шишку и шишку от сосны, веточки различных ягод и самые ягоды, грибы, цветы.

Воспитательница предлагает водящему посмотреть на все эти предметы и назвать их, затем водящий уходит, воспитатель перекладывает предметы: к ветке сосны еловую шишку, к ёлке — сосновую, к зелени брусники — ягоду земляники и наоборот, к ножке мухомора — шляпку подберёзовика и т. п. Водящий должен назвать ошибки и разложить всё по порядку: «распутать путаницу».

ИГРУШКИ-САМОДЕЛКИ

КУКЛА ИЗ СОЛОМЫ

Делают кукол из соломы: связывают посередине соломенный жгут, сгибают, завязывают «голову», заплетают «руки», стягивают в поясе, ставят на стол, по которому стучат кулаком.

Кукла «пляшет» и «ходит».

КОЛПАКИ

Венки — это головной убор для девочек, мальчики предпочитают украшать свои головы колпаками. Легче всего сделать колпак из листьев репейника («лопух»), сшив их по краям какими-нибудь прочными стебельками. Но такой колпак не очень красив и недолговечен. Гораздо лучше сплести колпак из какого-нибудь высокого лугового злака.

Плести нужно почти так же, как плетут венки. Но плетя венок, цветы обычно берут пучками и обвивают их стебельками под самыми «головками». Когда же плетут колпак, то стебельки злака берут поодиночке и петлю делают внизу, оставляя

всю верхнюю часть стебелька, оканчивающуюся метёлкой, свободной. Закончив плести и закрепив зелёный обруч, верхушки всех стебельков соединяют и под метёлками перевязывают. Получается красивый колпак с пышной кисточкой на верхушке.

ЦЕПИ

Красивые цепи можно сделать из стеблей одуванчика. Стебель одуванчика сгибают колечком, и узкий конец стебля просовывают в широкий. Потом сквозь это колечко продевают второй стебель и поступают с ним так же, как с первым. И так, кольцо за кольцом, получается длинная цепь. Такими цепями можно украсить какое-нибудь маленькое дерево.

ЗМЕЯ ИЗ ЖЕЛУДЁВЫХ ЧАШЕЧЕК

Одинаковые по величине желудёвые чашечки нанизать на ниточку так, чтобы они возможно теснее прилегли друг к другу. Нанизывание надо начинать с жёлудя, который должен войти в первую чашечку. Последние чашечки подобрать меньшей величины, чтобы хвост змеи был тоньше.

КОРЗИНОЧКИ, СУМКИ ИЗ БЕРЁЗОВОЙ КОРЫ

Куски коры, снятые с полена, обрезать ножницами, размочить в воде и сшить (через край) прочными нитками. Берестяные вещицы можно украсить обратной стороной нарезанных кусочков коры или разрисовать цветными карандашами.

ЗАЯЦ ИЗ ЕЛОВЫХ ШИШЕК

Для туловища взять еловую шишку, для головы — жёлудь или маленькую шишечку. Соединить их палочкой. В жёлуде сделать два небольших разреза и вставить уши — крылатые семена ясеня.

* * * *

Сосновые иглы воткнуть в комок глины — получится «ёжик».

* * * *

Шапки, венки, ожерелья, воротники, пояса можно сделать из листьев, скалывая их сосновыми иглами.

О С Е Н Ь

ОСЕНЬ

. . . .

Унылая пора, очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

А. С. Пушкин

* *
*

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора.
Прозрачный воздух, день хрустальный,
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде;
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле;
Но далеко ещё до первых зимних бурь,
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле.

Ф. И. Тютчев

* *
*

Если встанешь на заре —
Крыши в сером серебре.
Длинно тень ложится,
Долго лист кружится.
Если выйдешь поутру —
Галки стынут на ветру.
Вьются над парами
Вслед за тракторами.
Разгуляется денёк —
В полдень сядешь на пенёк,
Смотришь — на припёке
Прыгают сороки.

А в обед совсем теплынь —
Пахнет горькая полынь,
Тянет мёдом, мятой
И травой примятой.
Только этому не верь...
Осень всё-таки теперь!
Солнышко бледнее,
Небо холоднее.
Если выйдешь ввечеру —
Галки стынут на ветру,
Длинно тень ложится,
Долго лист кружится.

Е. Благинина

*   *
*

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день.
Лесов таинственная сень
С печальным шумом
обнажалась.
Ложился на поля туман.
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу. Приближалась
Довольно скучная пора:
Стоял ноябрь уж у двора.

А. С. Пушкин

*   *
*

Стало вдруг светлее вдвое,
Двор как в солнечных лучах,
Это платье золотое
У берёзы на плечах.
У калины и рябины
Вьются чёрные дрозды.
Под окошком георгины
Красотой своей горды.
И встречает песней вечер
Невидимка-прыгунок.
Это ты, скрипач-кузнечик,
Две пружинки вместо ног?
У дружка в хвосте мохнатом
Каждый день репьёв полно...
И стучаться стал к ребятам
Частый дождичек в окно.

Е. Трутнева

УЛЕТАЮТ, УЛЕТЕЛИ...

Скоро белые метели
Снег подымут от земли.
Улетают, улетели,
улетели журавли.
Не слыхать кукушки в роще,
И скворечник опустел.
Аист крыльями полощет,
Улетает,
улетел.
Лист качается узорный
В синей луже на воде.
Ходит грач с грачихой
чёрной
В огороде, по гряде.
Осыпаясь, пожелтели
Солнца редкие лучи.
Улетают,
улетели,
улетели и грачи!

Е. Благинина

ГОТОВЯТСЯ К ЗИМЕ

В лесу каждый готовится к зиме по-своему.

Кто мог, улетел от голода и холода на крыльях. Кто остался, торопится набить свои кладовые, заготовляет запасы пищи впрок.

Особенно усердно таскают его короткохвостые мышки-полёвки. Многие из них вырыли себе зимние норы прямо под хлебными скирдами и каждую ночь воруют зерно.

К норе ведут пять или шесть дорожек, каждая дорожка — в свой вход. Под землёй — спальня и несколько кладовых.

Зимой полёвки собираются спать только в самые сильные морозы.

БЕЛКИНА СУШИЛЬНЯ

Белка отвела под кладовую одно из своих круглых гнёзд на деревьях. Тут у неё сложены лесные орешки и шишки.

Кроме того, белка собирает грибы — маслянки и берёзовики. Их она насаживает на обломанные сучочки сосен и сушит впрок. Зимой она будет бродить по ветвям деревьев и подкрепляться сушёными грибами.

ПРЯЧУТСЯ

Холодно становится, холодно! В пруду вода мёрзнет.

Хвостатый тритон ушёл давно из пруда в лес и забился под кору гнилого пня.

Лягушки ныряют, забиваются в ил. Змеи зарываются под корни в мох.

Голодно становится, голодно!

Летучие мыши прячутся в дупла, пещеры, на чердаки. Им уже нечего есть, скрылись бабочки, мухи, комары.

Растолстевший барсук всё реже выходит из тёплой и чистой своей норы.

Муравьи закупоривают входы-выходы своего высокого города. Жмутся в кучи в самой глубине его, где потеплее.

Рыбы стаями громоздятся в омутах и глубоких подводных ямах.

Мороз не велик, а зевать не велит — как грянет, разом зима скуёт землю и воду льдом. Куда тогда денешься?

В. Бианки

ОСЕНЬЮ

Некоторые растения, которые цветут сейчас, осенью, начали цвести в конце апреля! И цветут, цветут беспрерывно. Вот, например, пастушья сумка — «гитарочка», как зовут её иногда в народе. В апреле она была всего-то трёх-четырёх сантиметров высоты, и цветы у неё были только на верхушке единственного стебелька. А теперь она разрослась кустиком, и все стебли её снизу доверху покрыты треугольными плодиками, но на верхушках стеблей всё ещё цветы! Подсчитали, что одно растение пастушьей сумки за год даёт в среднем 64 000 семян.

Ярутка тоже расцвела в апреле. Она похожа на пастушью сумку, но повиднее. У неё довольно крупные плоды — зелёные сердечки, жёлтые чашелистики и белые

цветы, и этой пестротою она бросается в глаза.

* * * *

У заборов и среди мусора свежа, как ранней весной, вся в кольцах белых цветов и бутонов разрослась глухая крапива — белая яснотка.

Вместе с нею цветёт и пурпуровая яснотка.

Но её время ещё впереди. Это маленькое растение станет заметным, когда уберут овощи с огорода.

Тогда её яркие цветочки станут единственным украшением опустевшей взрыхлённой земли.

* * * *

Всюду по полям, лугам, у дорог цветёт ясколка — непривлекательное шершавое растеньице с белыми цветочками. А вот на плоды его стоит посмотреть — это прозрачные, точно стеклянные трубочки.

Они направлены отверстием вверх и вбок. Интересно, как высыпаются из них семена. На краю прозрачной трубочки с семенами — зубчики. И это не просто украшение. Это прочный замок. Не успеют упасть на землю первые капли дождя, зубцы плодиков ясколки плотно смыкаются, и семена защищены от сырости.

Это у многих растений отверстия в плодах в дурную погоду закрываются. Так это бывает у колокольчиков, льнянки, грушанки, хлопушки, кокушника. И шишки хвойных тоже закрываются во время дождя.

Хорошо бы собрать коллекцию таких сухих раскрывающихся и закрывающихся плодов.

* * * *

А вот еще одно растеньице, которое цветёт с весны: миловидный трёхцветный цветочек — анютины глазки. Сейчас у него и цветы, и бутоны, и зрелые плоды.

Вот они, плоды, раскрытые на три створки. Каждая створка, как лодочка, и до краёв наполнена семенами. Как хорошо, что все семена на месте.

Можно присесть рядом с кустиком анютиных глазок и посмотреть ещё на одно «чудо».

Вот вдруг лёгкий треск, и крайнее семечко одной из лодочек выпрыгивает за борт! За ним — второе, потом третье. Никто и ничто не прикасается к раскрытому плоду. А лодочка пустеет. Вот она уже опустела. Тут выпрыгивает крайнее семечко второй лодочки. И так дальше и дальше. Опустела вторая лодочка, наступила очередь третьей.

Конечно, весь этот фокус объясняется «неравномерным высыханием стенок плода». Но сколько всё-таки в мире растений разных неожиданностей!

* * * *

Наверно, каждый слышал в ясный день легкое потрескивание и пощёлкивание в кустах жёлтой акации. Но вряд ли у многих хватило терпенья понаблюдать, как трескаются нагретые солнцем стручки, как быстро скручиваются винтом их створки и разлетаются во все стороны семена. Но особенно удивительно происходит разбрасывание семян у недотроги. Она тоже сейчас ещё в цвету. Искать её нужно в лесу где-нибудь в сыром месте на берегу ручья. Очень оригинальны цветы: крупные, жёлтые с красными точками, с загнутым книзу шпорцем. Интересно, что они подвешены на тонких цветоножках. А эти цветоножки перекинуты через черешок листа и поддерживают цветок так, что он висит как раз под плоским листом, как под крышей.

Этому цветку не страшно быть раскрытому в любую погоду. Но у недотроги есть и другие цветы — поменьше. Они, наоборот, в любую погоду закрыты; и способны только самоопыляться, а в этой сырой чаще очень полезно иметь про запас такие цветы: много ли насекомых сюда залетает?

Но цветы — цветами. Ради них одних, пожалуй, не стоило забираться в эту чащу. Гораздо интереснее плоды. Они и с виду хороши: зелёные, полупрозрачные, точно выточенные из драгоценного

камня узенькие бутылочки. На них глубокие бороздки. Захочется сорвать такую бутылочку. Раз! Семена во все стороны. А вместо узкой бутылочки, вместо плода — комочек зелёных стружек. Вот почему это растение называется недотрогой. Чуть тронешь, плод разрывается, плодолистики скручиваются, семена выбрасываются.

Такая чувствительность плодов — большая редкость. Да и вообще растений, плоды которых сами разбрасывают семена, немного. Для растения гораздо выгоднее перенос семян ветром. Далеко ли упали стрельнувшие семена недотроги? А ветер разносит пушистые и крылатые семена на большие расстояния. И всюду сейчас видны плоды и семена, которые нуждаются в помощи ветра.

На запущенных огородах из широко раскрытых корзинок осота выставляются толстые кисти длинных серебристых волосков. Глядя на них, всегда задумываешься, нельзя ли их на что-нибудь употребить.

Хохлатые плодики васильков выглядывают из-за сухих черепичатых листочков обвёртки. Крылатки клёна уже готовы завертеться пропеллером в полёте. И зелёное крылышко орешков липы уже пожелтело.

* * * *

Осенью плоды и семена — самое интересное, что можно наблюдать в растительном мире, но еще интереснее искать грибы.

Какое удовольствие найти молодой крепкий белый грибок с влажной пахнущей шляпкой или раскопать спрятанное под опавшими листьями «семейство» груздей, где самый маленький величиною с горошинку!

А среди поганок попадается много очень оригинальных. Вот хотя бы эта на тонкой ножке с почти прозрачной складчатой шляпкой или та — мрачная, тёмно-фиолетовая.

К сожалению, грибы мало пригодны для наблюдения. Их жизнь очень проста, да и не видна: она проходит в лесной почве среди гниющих растительных остатков. А то, что мы называем грибами, только их плодовые тела. Если положить шляпку гриба на листок бумаги, немного спустя получишь точный отпечаток. Этот рисунок нарисован высыпавшимися спорами. Сколько же их в шляпке!

* * * *

А как разнообразны приспособления для размножения у плодов и семян высших растений!

Невольно вспомнился аистник. Про аистник часто пишут в популярных книжках по ботанике. И многим, наверно, знакомы по рисунку его замечательные плоды. Но вот почему-то, читая,

думаешь, что это крупное, мощное и обязательно редкое растение. И когда найдёшь на собственном огороде маленькое шершавое растение с сильно изрезанными листьями и розовыми цветочками, не верится, что это «тот», настоящий аистник.

Между прочим, нынче на огороде его было много. И цветёт он уже давно. Сейчас, наверно, там уже появились и зрелые плоды.

Да... Уже много цветов отцвело, и вместо них из чашечек торчат длинные клювы. Действительно, эти плоды напоминают клюв аиста. Вот уже созревшие. Оказывается, плодики-то внизу — их пять, а клюв — это их сросшиеся «хвосты». Вот они разъединяются. Маленький плодик весь в торчащих кверху щетинках. А хвост у него вверху загнут серпом, а внизу, где прикрепляется, свёрнут винтом. Говорят, что эта спираль при сырости раскручивается. Ну, посмотрим. Положить его между ладонями и подышать на него. Завертелся, защекотал. И, действительно, раскрутился. Но вот полежал немного на открытой ладони и опять понемногу закручивается.

Падая, плодик втыкается в землю, а его хвост зацепляется концом за какие-нибудь травинки или тоже вонзается в землю. В сырую погоду его спиральная шейка раскручивается, и плодик ввинчивается в землю.

До чего чувствителен этот хвостик к влаге, видно из того, что плоды аистника употребляют для гигрометров — для приборов, измеряющих влажность воздуха. Сам плодик укрепляют неподвижно, а хвостик его служит стрелкой, которая указывает степень влажности.

Это редкий случай с аистником, когда вода приносит плодам пользу. Обыкновенно они от неё закрываются, защищая семена.

* * * *

Но есть растения, например, очиток, которым вода оказывает ещё большую услугу. Убедиться в этом очень легко, если есть

поблизости сам очиток. Он любит сухие места. И как раз его много неподалёку, где брали песок для железнодорожной насыпи.

Какое это милое миниатюрное растеньице, очиток, с его толстыми сероватыми от воскового налёта листочками и весёлыми жёлтыми цветочками! Сейчас-то он уже отцвёл. И даже большинство плодов уже опустело. Но есть ещё и закрытые. Они всегда закрыты в ясный день — эти пятилучевые звёздочки. У каждой в середине ямка. Капнешь в ямку водой, и вот происходит новое «чудо» — плодолистики развёртываются. Вот показались семена! Они не только не прячутся от воды, они выходят ей навстречу. Капнуть водой ещё. И вот семена поплыли, увлечённые водою.

Эта вода заносит очиток в щели, когда он растёт между камней. Это благодаря воде он растёт иногда на совершенно отвесных скалах.

* * * *

Деревья и кустарники перекрасились в жёлтые и красные цвета. И букеты теперь приходится составлять не из цветов, а из ветвей.

Но лучшее украшение букетов — бересклет. Даже глядя на него вблизи, с трудом веришь, что это не цветы, а плоды бересклета. Четыре ярких розовых лепестка, четыре тычинки с крупными жёлтыми пыльниками. Разве не так? Нет, это не лепестки, а плодолистики, и на тонких белых нитях висят не пыльники, а семена. Но какая выгода бересклету в том, что его плоды так «подражают» цветам? Это загадка. Одна из многих загадок природы.

Всем известны «собачки» — плоские двурогие плоды. Вот сцепили платье какие-то цепкие шарики. Ну и цепкие! С трудом отдираются, да и то выдирают из платья волоски. Это, наверно, плоды подмаренника цепкого. Всю одежду залепили. И на подошвах, наверно, что-нибудь налипло. Кажется, на подошвах мы чаще всего разносим семена черноголовки и пупавки.

Пни на вырубке уже усыпаны опёнками. Это самый последний гриб. Вот эти маленькие опёночки с ещё не отстающими от ножек шляпками, может, и не доживут «до старости», их убьёт мороз. Зима уже близка.

Н. Павлова

КЛЮКВА

Мох не мох, а в лесу перинка.
На перинке не малинка —
И пригожа и красна —
Разрумянилась со сна,

Это клюква-лежебока
Накопила столько сока!
Целый день лежит в постели,
Чтобы щёки не худели.

Тоньше нитки стебелёк,
Чуть подрос — и сразу лёг.

В колкой ёлке свистнет дрозд,
Будет больше в небе звёзд,
Соберутся журавли
С нашей северной земли,

На застывшее болото
Ляжет сонная дремота —
Собирай тогда в корзинки
Клюкву-ягоду с перинки.

Е. Трутнева

ГРИБЫ

Грибочек, грибок,
Масляный бок,
Серебряная ножка,
Прыгай в лукошко!

Разноцветные поганки
Сами лезут на полянки.
Мы обходим стороной,
Нам не надо ни одной.

Пучеглазый мухомор
Боком сел на косогор.
Нам не нужен мухомор,
Не пойдём на косогор.

Полосатые волнушки
Разбежались на опушке,
И по шляпке и по коже
Все на рыжики похожи,

Только рыжиково дно
Каждой складочкой красно,
А на донышке волнушки
Просто беленькие стружки.

Рядышком с иголками
Рыжики под ёлками,
Не малы, не велики,
И лежат, как пятаки.

Две пригожие синявки
Приютились в мягкой травке.
Их увидеть мудрено —
Мы разыщем все равно!

А во мху, как на подушке,
Чьё-то беленькое ушко,
И за ним ещё штук пять.
Это грузди! Надо взять.

Под осинами на кочке
Гриб в малиновом платочке,
Подосиновиком звать,
И его придётся взять.

Точно жёлтые цыплята,
Разбрелись кругом маслята —
Снизу донышко под плёнкой,
Сверху масло в коже тонкой.

Вот и гриб боровик!
И красив он и велик!
В толстой шапке набекрень,
Ножка крепкая, как пень.

Солнце стало ниже сосен,
Мы едва корзинку носим.
Начала спадать жара —
Нам домой идти пора.

Е. Трутнева

В ВОДЕ ОСЕНЬЮ

Осень по астрономическому календарю: с конца сентября, октябрь, ноябрь и три недели декабря.

Осень в воде: когда не только не хочется купаться, а даже подумать страшно лезть в воду. Опустишь палец в реку, и через минуту он стынет.

Хотя вода не замёрзла, но жизни в ней не видно. Водяные лилии попрятались, опустились на дно. Ни одной лягушки не видно. Зарылись в ил до весны.

На гладкой поверхности тёмной воды изредка выскакивают пузыри. Это голодные рыбёшки ждут, не упадёт ли на воду кузнечик или муха. Но в пожелтевшей траве никого нет. Только около сломанной ветки старой осины толкутся комары. Верхушка осины одета красной листвой. Если ветер зашевелит осенью листьями, они падают на воду. Вот упал красный листик. Сейчас же его начнут хватать жадные рты. Схватят, утащат в воду, приняв листик за бабочку. Но, глядишь, через минуту листик вынырнул. Рыбка выплюнула его. А попробуйте бросить на воду горстку крошек хлеба. Какая поднимается возня! Десяток ртов бросится за ними. Толкая друг друга, закружатся уклейки и плотва вокруг неожиданной пищи. Смотришь, ничего уже нет. Снова гладкая поверхность. Только изредка сделает чёрточку по воде какая-нибудь храбрая плотичка. Она ищет, не осталась ли еще крошка.

Если подойти совсем близко к воде, присесть на корточки и всмотреться в прибрежную пожелтевшую траву, то, может быть, удастся увидать переселение жука-водолюба на берег.

Медленно ползёт водолюб из воды. Выползет на берег, постоит, как бы подумает, куда идти. Потрясёт ножками. Потрогает усиками сухую траву. Затем неуклюже, как усталый, поползёт выше, по кругу, к корню осины. Доберётся до ствола, понюхает что-то, повернёт назад и начнёт забиваться под опавшую листву. Глубоко-глубоко запрячется под листья. Это водолюб переехал на зимнюю квартиру. Он будет спать здесь до весны, до тёплых дней, а его товарищ — другой водолюб — остаётся зимовать. Черви, улитки, пиявки — эти останутся на зиму в воде. Только их сейчас, осенью, не видно. Они уже ушли спать на дно, зарылись в ил, в песок.

Не спят одни рыбы. Окуни, ерши, лещики бродят стайками, ищут ям. На дне глубоких ям вода теплее. Там и зимуют. Человек ищет, где лучше, а рыба — где глубже.

Попробуйте посадить на крючок навозного червяка и забросить удочку над ямой. Опустите наживку поглубже, поближе ко дну. Голодная рыбёшка скоро схватит каверзную наживку. Наверно, это будет окунь или ёршик. Карасики и лини осенью рано забираются в ил. Уткнутся мордочками в дно и об еде уже не думают.

Но если вы живёте у быстро текущей реки, где водятся пёстрые форельки или горбатые хариусы, попробуйте поймать их на блесну или искусственную муху. Блесна — блестящая изогнутая на манер нижнего конца ложки пластинка, к которой припаян крючок.

Форели, их родня сиги, словом, все лососи, очень любят холодную воду. Наступит сентябрь-октябрь, у них начинается нерест и заботы о потомстве. На дне, среди гальки, лососи делают ямки-гнёзда. Отложат в них икру и закроют камешками. А весной из икринок вылупятся рыбята-лососьки.

Есть в наших реках и озёрах и настоящий полярник: налим.

Этот злодей, гроза рыб и пожиратель икры, как только вода похолодает, станет в ней не более двух-трёх градусов тепла, начнёт жить полной жизнью. Не даст спуску никому, кто бы ни попался, — ни уклейке, ни окуню, ни колючему ершу.

Увидать живого налима в воде невозможно. Он, как волк, выходит из своей норы, под корягой, только ночью. А поймать его можно. Насадите на крючок лягушку. Налимы очень их любят. Опустите приманку на дно, в яму, он схватит лягушку.

Попав на удочку, налим будет извиваться, как змея. Он раздует живот, большущую печёнку, где скапливается жир.

А. Клыков

ГРИБНОЙ КАЛЕНДАРЬ

Сентябрь

Серебряная искра вспыхнула в траве. Куда упадёт солнечный луч — на траву, на ветки кустов, на лапы ёлок, — везде загораются искры. Весь лес в паутинном серебре. Возвращаясь домой, я приношу на своём плече тоненькую серебряную нитку.

Это блеск последних тёплых дней осени. Скоро наступит утро, когда, проснувшись, я увижу траву в холодном сизом серебре первого заморозка. И сразу с наступлением утренников начнут исчезать грибы. Во второй половине сентября сходят грузди и рыжики, прекращается рост маслят, берёзовиков, подосиновиков, моховиков. Изредка ещё попадается под прикрытием хвои и палых листьев молодой, крепкий боровик. Но шапочка у него совсем белая — признак того, что гриб видел мало солнца.

Октябрь

Тёмным вечером, стоя на крыльце, я слушаю музыку осеннего неба. Я различаю беспокойные птичьи голоса. Они приближаются перекликаясь. Свистом крыльев наполняется воздух. Идёт отлёт. Птичьи стаи мчатся на юг.

В лесу в эти дни необычайно тихо. Так привыкаешь к тишине, что самый лёгкий звук кажется необычайным по силе — дятел ли уронит шишку, белка ли проскачет по пышному ковру хрустящей листвы.

Небогата моя последняя добыча: опята, серушки, волнушки, свинушки, горькушки и валуи. Со второй половины октября и их не станет.

Но случается вплоть до крепких ноябрьских морозов находить в лесу свежие грибы. Заглянешь в дупло дерева — там жилец! Не зверь, не птица — оранжево-жёлтый опёнок с коричневой бархатной ножкой.

В дупле ему тепло. Снег выпадает, а опёнок всё ещё растёт.

Н. Надеждина

ОБРАТИ ВНИМАНИЕ

ОСЕНЬ

Сентябрь

Когда случится первый утренник (утренний морозец) и какие овощи на грядках от него пострадают.

Когда много журавлиных стай начнёт пролетать на юг.

Когда листва берёз начнёт желтеть.

Когда у клёнов и осин начнёт краснеть листва.

Когда ласточки-касатки и воронки соберутся большими стаями в отлёт.

Когда задуют первые ветры-листодёры и с лещины (орешника) и берёз начнут падать листья.

* * * *

Не прилетит ли скворец к своей скворешне — спеть прощальную песенку (перед отлётом).

Когда начнётся листопад у клёнов, осин, у вязов и лип.

Не прилетают ли теперь к твоему дому такие птицы, каких тебе не приходилось видеть летом близ жилья.

* * * *

Когда начнётся листопад у рябины, ясеня, дуба, ольхи, тополя и начнут осыпаться иглы у лиственницы.

Когда колхозники начнут пахать, сеять озимь; когда они начнут рыть картошку. Когда зазеленеет озимая рожь.

* * * *

Не собираются ли комары-толкуны снова облачками над водой.

Когда появились летающие паутинки.

Октябрь

Не зацветут ли вдруг одуванчики, колокольчики, васильки и другие растения.

Когда кончится листопад с берёз, клёнов, осин, вязов, лип.

Когда стая за стаей полетят с севера на юг дикие гуси.

Когда закружатся в воздухе первые снежинки.

Когда покажутся первые перелётные гости с севера: красногрудые снегири, серенькие чечётки с красной головкой и грудкой.

Когда ночью подёрнутся лужи, пруды первым тонким ледком.

* * * *

Когда кончится листопад с ольхи, рябины, ясеня, дуба, тополя и осыплются все иглы у лиственницы. Когда весь лиственный лес станет голым.

Когда исчезнут грачи (а на Севере вороны, а в Сибири — белоглазые галки).

Когда замёрзнут большие лужи, и пруды, и озёра.

Ноябрь

Когда окончательно замёрзнут пруды, озёра, а потом и реки (не забудь записать их названия).

* * * *

Когда исчезнут комары-толкунчики.

С какого числа начнут ездить на санях.

* * * *

Устрой против своего окна (или на окне) кормушку для птиц и наблюдай, какие птицы станут прилетать.

Расчисти снег между деревьями, загляни в дупло: не зимует ли там кто?

* * * *

Когда начинают рыбаки лов из прорубей окуня и ерша.

В. Бианки и А. Клыков

Рассказы и сказки

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЯБЛОНЬКИ

Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с неё кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки. Одно только зёрнышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко под снегом, а весной, когда солнышко пригрело мокрую землю, зерно стало прорастать, пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первые листика. Из-промеж листочков выбежал стебелёк с почкой, а из дочки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой, и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зёрнышко.

Пришёл в лес садовник с заступом, увидел яблоньку и говорит: «Вот хорошее деревцо, оно мне пригодится». Задрожала яблонька, когда садовник стал её выкапывать, и думает: «Пропала я совсем!» Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенёс её в сад и посадил в хорошую землю.

Загордилась яблонька в саду. «Должно быть, я редкое дерево, — думает она, — когда меня из лесу в сад перенесли», — и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками; не знала она, что попала в школу.

На другой год пришёл садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать. Задрожала яблонька и думает: «Ну, теперь-то я совсем пропала!»

Срезал садовник всю зелёную верхушку деревца, оставил один пенёк, да и тот ещё расщепил сверху: в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони, закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепу колышками и ушёл.

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой. Пьёт веточка соки сильной яблоньки и растёт быстро: выкидывает почку за почкой, лист за листиком, выгоняет побег за побегом, веточку за веточкой. И года через три зацвело деревцо бело-розовыми душистыми цветами. Опали бело-розовые лепестки, и на их месте появилась зелёная завязь, а к осени из завязи сделались яблоки, да уж не дикие кислицы, а большие, румяные, сладкие, рассыпчатые! И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп.

К. Ушинский

СКВОРЕЦ

Скворцу, отнятому у кота, бабушка обрезала сломанное крыло, а на место откушенной ноги ловко пристроила деревяшку и, вылечив птицу, учила её говорить:

Ну, проси: «Скворушке — кашки!»

Скворец, скосив на неё круглый, живой глаз юмориста, стучит деревяшкой о тонкое дно клетки, вытягивает шею и свистит иволгой, передразнивает сойку, кукушку, старается мяукнуть кошкой, подражает вою собаки, а человечья речь не даётся ему.

— Да ты не балуй! — серьёзно говорит ему бабушка. — Ты говори: «Скворушке — кашки!»

Чёрная обезьяна в перьях оглушительно орёт что-то похожее на слова бабушки, — старуха смеётся радостно, даёт птице просяной каши с пальца и говорит:

— Я тебя, шельму, знаю; притворяшка ты, — всё можешь, всё умеешь!

И ведь выучила скворца: через некоторое время он довольно ясно просил каши, а завидя бабушку, тянул что-то похожее на —

— Дра-астуй...

Сначала он висел в комнате деда, но скоро дед изгнал его к нам, на чердак, потому что скворец выучился дразнить дедушку.

М. Горький

СУРКА

Один раз, сидя на окошке, услышал я какой-то жалобный визг в саду. Мать тоже его услышала. Когда я стал просить, чтобы послали посмотреть, кто это плачет, что «верно, кому-нибудь больно», — мать послала девушку, и та через несколько минут принесла в своих пригоршнях[1] крошечного, ещё слепого, щеночка, который, весь дрожа и нетвёрдо опираясь на свои кривые лапки, тыкаясь во все стороны головой, жалобно визжал.

Мне стало так его жаль, что я взял этого щеночка и закутал его своим платьем. Мать приказала принести на блюдечке тёпленького молочка, и после многих попыток, толкая рыльцем слепого кутёнка в молоко, выучила его лакать[2]. С этих пор щенок по целым часам со мной не расставался, кормить его по нескольку раз в день сделалось моей любимой забавой. Его назвали Суркой, он сделался потом небольшою дворняжкой[3] и жил у нас семнадцать лет, разумеется, уже не в комнате, а на дворе, сохраняя всегда необыкновенную привязанность ко мне и к моей матери.

С. Аксаков

---

[1] В своих пригорошнях — в своих руках.
[2] Лакать — пить (так говорят о собаке и кошке).
3 Дворняжкой (дворняжка) — дворовой собакой.

ПРОНСКАЯ БУРСА

(Из повести о Мичурине «Обновитель природы»)

С Ваниным отцом вскоре случилась беда. Когда в один кислый, дождливый день хоронили его жену, съеденную чахоткой, неудачливый человек повёл себя так, что пришлось его отправить в Рязань...

Время от времени отец появлялся то из Рязани, из лечебного заведения, то из Тулы, то из Тамбова, где у него были какие-то дела, и снова начинал возиться с садами... Ваня всегда бывал рад отцовским наездам и торчал возле него в саду. От него он узнал, что штамб — это ствол, а крона — это ветви, что пикировка — это пересадка молодых всходов со слегка подрезанными корешками в нарочно наделанные для этого колышком ямки. От пикировки корешки лучше разветвляются.

Ваня узнал незаметно для себя, что если ветки идут сильно в рост, в длину, — их надо подрезывать, укорачивать. Тогда больше питательных соков пойдёт на цветы, а стало быть, и на плоды, плод будет крупней и слаще.

Узнал Ваня и про то, какие сорта яблок, груш, вишен, слив имеются в пронских садах. Он уже мог легко отличить буровато-красную толстомясую титовку от меньшей по размерам грушовки с нежно-розовой росписью. Румяный анис он сразу отличал от полосатой харламовки, а пузатое, жёлтое, на маленькую тыкву похожее бабушкино не смешивал с ровной, зеленоватой антоновкой. На китайке он уже не искал больших яблок, хоть и по-прежнему жалел эту садовую золушку.

Помощи от него отцу было, правда, в ту пору не очень много. Однако общипывать лист с глазковых черенков он умел уже и тогда и делал это не без удовольствия.

Когда он следил за ловкими отцовскими прививками, у него и у самого руки чесались так же хватить наискось ножом по ветке или расщепить стволик, или кору отогнуть... Иной раз незаметно для отца он такие штуки проделывал, но чаще всего невпопад: где надо было расщепить, там кору отвернёт, а там, где надо было сделать прямой срез, он норовил косой сделать, лихой, с заусеницей...

Отец дал ему совет практиковаться не на живых деревьях, а на разных обрезках и палках или на речном да лесном тальнике. С этого и пошла у Вани страсть всё точить, да обстругивать, да сверлить, да изобретать разные вещи. Когда отца не было, а особенно в домоседное зимнее время, Ваня без конца всё что-нибудь мастерил.

Смастерил он, например, салазки на полозьях из узкой, сундучной жести. На этих салазках он катался не как все, а с отлогой крыши сенника. Летя сажень по воздуху, перед тем, как врезаться в пухлый сугроб, Ваня чувствовал себя бесстрашной птицей. Домой после этих полётов он приходил мокрый, как лягушка, и получал

по заслугам. Но на следующий день снова взбирался со своими салазками на сенник, чтобы снова лететь в снег, раскинув руки.

Потом Ваня изобрёл часы. Пусть часы были уже давно изобретены — он изобрёл свои часы.

Часы его состояли из одного лишь зубчатого колеса с перекинутой через него собачьей цепочкой. К цепочке были привязаны гирьки — одна побольше, другая поменьше. Гирька, что побольше, тянула вниз. Гирька поменьше её задерживала. Стрелками были две старательно обструганные лучинки. Колёсико медленно двигалось на оси, но всё-таки стрелки за полчаса обходили половину циферблата. Тут Ваня подоспевал на подмогу и перекидывал цепь, чтобы стрелки могли обойти и вторую половину своей дороги.

Часы эти явно нуждались в усовершенствовании.

Сначала он разъединил стрелки. Ему надоело всегда видеть стрелки своих часов на одном и том же расстоянии одна от другой. Пришлось повесить ещё зубчатое колесо и ещё цепь с двумя гирьками, но теперь часы стали совсем ни на что не похожие. Четыре гири мешали друг другу. Их нужно было разнимать, оттягивать пальцами в стороны, когда они проходили одна мимо другой. По целым дням возился Ваня со своим недоношенным механизмом. Надо было придумать, как обходиться двумя гирьками. Для этого он сначала привязал меньшее зубчатое колесо к большему, но меньшая стрелка пошла сразу так быстро, что за какие-нибудь десять минут успевала несколько раз убежать и снова вернуться к своей длинной помощнице.

Отец увидел однажды эти часы и сам присел с ним рядом на корточки.

— Ишь ты, щегол, чего придумал... — прогудел он. Ваня впервые увидел лицо отца на одном уровне со своим...

— Ты механик, я вижу... — продолжал отец. — В Фультоны метишь... Семь лет всего, а вишь что выдумал...

С этого дня Владимир Иваныч начал лелеять мысль, что сына надо пустить по учебной части.

Из кожи вылезу, а дам Ивану образование. Из него, может, Ломоносов новый получится...

Подошли годы ученья, годы школы. Чтение, счёт, каракульки — вся эта премудрость Пронского уездного училища без особого труда давалась Ване, но он ею не увлекался...

Ученье в Пронской бурсе отталкивало Ваню, но книги неизъяснимо притягивали к себе маленького мечтателя. Ему хотелось поскорей разгадать загадку человеческого труда, тайну удач и неудач человека. Ни одного печатного клочка бумаги, ни одной книги не пропускал Ваня. Он прочёл и то, что осталось от отцовских книг, и скудный школьный запас, и заплесневелые старинные фолианты, найденные в чуланах и на чердаке в домике тётки Татьяны Ивановны...

Но вот однажды после обеда отец задержал сына на табуретке, когда тот хотел мчаться к своим прививкам и книгам.

— Надо мне с тобой, Иваша, потолковать.

Ваня приготовился к разговору.

— Так-то, брат... Думали мы, гадали, что с тобой делать... В уездном училище как бы тебя болваном не сделали. Способности твои развивать надо. Я из тебя решил учёного человека сделать... А посему нужно тебя пристроить в гимназию...

— А где она? — пробурчал Ваня.

— Гимназия, что ль? — переспросил отец. — В Рязани, братец... Туда и придётся тебя везти...

В один из ближайших дней Ваня был снаряжён в дальний путь. Его усадили в мягкое, душистое, свежее сено, обложили корзинками и узелками с разной снедью. Яблок и груш навалили прямо навалом. Даже и руку не надо было протягивать. Отец сел в передок телеги, накрутил на руку вожжи и, сняв шапку, тронул.

Ваня тоже помахал шапчонкой, и дом славных изобретений, качнувшись, остался позади.

Августовское небо безоблачно синело над головой. Горячая пыль вспыхивала из-под копыт лошади.

На полях стояли желто-розовые суслоны хлеба. Над запылёнными межниками замирали в воздухе бронзовые стрекозы с невидимыми, прозрачными крыльями. Отец задумчиво чмокал;

— Н-но, н-но...

Дорога была обсажена ровными белоногими берёзками.

По оврагам ярко рдела рябина. Тончайшая паутина дрожала в расплавленном стеклянном воздухе.

Близилась осень. И, как седой волос на голове ещё не старой, то там, то сям проглядывал в ровной зелени жёлтый листочек.

— Н-но... н-но... — покрикивал отец.

Ваня ехал учиться в таинственную Рязань.

В. Лебедев

РУКОПОЖАТИЕ РЕСПУБЛИКИ

(Из повести о Мичурине «Обновитель природы»)

Вождь первого в мире социалистического правительства — Ленин — смотрел далеко в будущее.

Он видел огромную страну переделанной наново. Он видел пашни и сады там, где пузырились и фыркали стокилометровые трясины. Он видел железные дороги там, где лесистые увалы громоздились над сонными озёрами. Он видел рощи на месте песков и солончаков, города в диких киргизских степях, электропахоту на берегах Волги, города в Якутской тайге и Верхоянской тундре, сев с самолётов на чернозёмах Сибири... Он видел гигантские электростанции на туманных торфяниках и на безвестных горных речонках, на валунастом суровом Волхове и на голубых предательских порогах Днепра...

Его замыслы не были простыми мечтами. Владимир Ильич Ленин был твёрдо уверен, что человек может и должен постигать

самые сокровенные законы природы, чтобы переделывать её по своим планам...

Упорный козловский новатор как раз и старался переделывать природу. Когда Владимир Ильич, по разным статьям и отрывкам, разбросанным в журналах, познакомился с методами и принципами козловского садовода, он увидел в нём настоящего революционера-естествоиспытателя.

Именно таких людей, быть может, даже и совсем ещё никому не известных, разбросанных по необъятной стране, должна была обнаружить намеченная на тысяча девятьсот двадцать третий год первая сельскохозяйственная выставка республики.

Во все концы страны были разосланы призывные письма:

«Всё лучшее, что выращено вами на земле, что отвоёвано в борьбе с природой, готовьте и шлите на сельскохозяйственную выставку. Крупный, тяжёлый колос, тонкий лён, большую картофелину и морковь, сахаристую свёклу... Тугой, расписной тюменский катанок и пышную владимирскую набойку, и вятский ведерный туес. И самодельный ветряный двигатель, и самодельную же молотилку, и всякое яблоко послаще и всякую грушу посочнее. Шлите узоры рукодельниц, скрашивающие деревенские зимние досуги, и певцов с песней, помогающей жить и работать».

Получил такое приглашение и упорный козловский учёный-новатор... В том же памятном для него двадцать втором году город был взбудоражен большим событием. Сам председатель ЦИК советской республики, Михаил Иванович Калинин, приехал с визитом к старому учёному, на его полуостров. С вокзала он проехал прямо на полуостров, не замеченный никем. Мичурин никак не ждал его.

— Здравствуйте, Иван Владимирович, — сказал, крепко пожимая ему руку, Калинин. — Рад познакомиться лично с русским Бербанком.

— Здравствуйте, товарищ Калинин, — ответил с волнением садовод, совсем не зная, как ему держаться, первый раз в жизни.— Только простите... всё-таки не Бербанк я, а у меня и система своя есть, и методы свои тоже разработаны...

Михаил Иванович дружески, понимающе улыбнулся и сказал:

— Ну вот и хорошо будет, Иван Владимирович, если сразу меня в суть вашего метода посвятите... Сами понимаете — век живи, век учись. Вот и приехал к вам поучиться...

— Милости прошу... С удовольствием, — почувствовав в приезжем нечто совершенно для себя новое и вместе с тем близкое, начал улыбаться и старый учёный. — Гостем будете... Ведь вы и сами, слыхал я, из сельских жителей... Вам объяснять долго не придётся...

И он повёл Михаила Ивановича по всему саду, от дерева к дереву, показывая с особым воодушевлением и подъёмом живую историю своей борьбы, своих трудов.

— Отдалённое скрещивание пыльцой — вот первое звено моего метода, — объяснял великий садовод. — Воспитание гибрид-

ного сеянца — вот второе его звено. И способ ментора, то есть подправка деревца-сеянца прививками в пору его юности, иначе говоря — вегетативная гибридизация — вот третье звено моего метода... — Он рассказал Михаилу Ивановичу и про «кандиль-китайку», и про кальвилевый гибрид китайки «шампанрен», и про гибрид уссурийской груши с «бере рояль», и сразу, как на ладони, стал ясен гостю весь его трёхзвеньевой замечательный метод.

О многом поговорили эти два человека. И о природе, и о политике, и о старости, и о молодости. На том и расстались — добрыми друзьями. Михаил Иванович просил побольше прислать экспонатов на сельскохозяйственную выставку. «Ваши работы, Иван Владимирович, украшением всей выставки должны быть...».

Летом, перед открытием выставки, из Москвы прислано было человек шесть студентов, чтобы познакомиться как следует с необыкновенным садом на полуострове и после — во время выставки — могли давать посетителям точные объяснения.

— Вы кто такие? — спросил хозяин сада, когда студенты к нему явились.

«Будущие профессора», — гаркнул гордо один из приехавших, и хозяин не мог удержаться от смеха вместе со всеми. Самый рослый из студентов — по фамилии Щиров — доставал рукой до любой яблоневой ветки, а самый маленький — Ребров, — становясь Щирову на плечи, мог обследовать даже верхушки яблонь. Весёлая и дотошная компания не оставила в покое ни одного деревца. Обмерены были и корни, и стволы, и листья, и побеги. Яблони и груши, правда, ещё не созрели, но уже вполне ясно видно было, что должно было получиться. Студенты тормошили не только деревья. Они всё время осаждали расспросами и самого «отца яблок». «Иван Владимирович, а как это у вас получилось? Иван Владимирович, а как это у вас вышло?» — только и раздавалось с утра до вечера по саду, пока гостили «будущие профессора» на Зелёном полуострове. Хозяин не отмалчивался, отвечал на все вопросы, терпеливо объяснял и даже снялся с молодыми гостями в день их отъезда.

. . . .

Павильон был уже готов к приёму экспонатов. Пышной цветастой грудой легли «бельфлёры», «кандили», «шампанрены», «пепины», не овинарюсовские, не фальшивые, а крепкие, добротные, не боящиеся ни червя, ни мороза, ни сердитых ветров. Легли душистыми пирамидами «беры», хоть и не дошедшие ещё до полной зрелости, но уже для каждого заметные по размерам и красоте. Лежали огромные сливы, выращенные на теле тёрна, «ренклоды» тончайших золотистых оттенков, лежали первые тамбовские абрикосы, огромный осеверённый виноград и оюжнённая сладкая рябина величиной с вишню... Богатые дары земли лежали перед глазами. Толпы людей теснились возле сокровищ великого садовода.

Жюри выставки немало посовещалось по поводу необыкновенных экспонатов. С трудом верилось людям, главным образом кабинетным, книжным, что один человек мог создать за полсотни лет больше чем сто таких сортов. «Если бы он вывел даже десятую часть, и того было бы вполне достаточно, чтобы включить его в число мировых светил». Наконец после целого ряда осмотров новатору-учёному была присуждена высшая премия.

Однажды И. В. Мичурин позвал к себе секретаря и сказал ему так:

— Вот что, Андрюша... Немало я последнее время думал над своей жизнью и трудами... Припоминал всё до мельчайших подробностей, и стало мне на себя досадно... Кто ко мне заглядывал до революции? Да никто, кроме ревизоров каких-нибудь непрошеных... Куда сорта мои расходились?.. Да по таким же одиночкам-чудакам, как и сам я... Теперь всё стало по-другому... Правительство обо мне без конца заботится, дело моё всё расширяют, автомобили мне дарят, юбилеи устраивают, сорта мои по всей стране продвигают... А я всё это будто должное принимаю и ухом не веду... Так, дескать, мне всё это и полагается...

— Что же вас заботит, Иван Владимирович? — удивился секретарь. — Вам всё это действительно полагается: и почёт, и внимание, и забота... Заслуженно всё это...

— Нет, Андрюша... Давай-ка садись да перепиши набело что я тут вот стариковскими каракульками нацарапал...

Андрей Никитич взял в руки протянутую ему бумажку и прочитал на ней следующее:

«Москва, товарищу Сталину.

Дорогой вождь народа! Разрешите Вам написать вот что: Советская власть превратила начатое мною 60 лет тому назад дело выведения новых сортов плодов во всенародный центр промышленного плодоводства с тысячами гектаров садов, с великолепными лабораториями, с хорошими научными работниками. Советская власть и руководимая Вами партия превратили и меня самого из опытника-одиночки, не признанного и осмеянного официальной наукой и царскими чиновниками, в руководителя работы над сотнями тысяч растений. Партия коммунистов дала мне всё необходимое, всё, что может желать экспериментатор в своей работе. Сбылась мечта моей жизни; выведенные мною сорта двинулись с опытных участков не к богатеям-кулакам, а в колхозные и в совхозные сады, заменяя там отжившую своё время кислятину.

Советское правительство наградило меня высшими орденами, переименовало даже в честь меня город, в котором я живу, издало и переиздало мои труды.

Знайте же, что я всё это принимаю не как мне следуемое, а за всё приношу Вам, как вождю трудовых масс, благодарность,

преданность и любовь от имени того дела, которому я отдал шестьдесят лет жизни и работы.

Дорогой вождь страны! Мне уже восемьдесят лет, но та энергия, какую я вижу во всех окружающих, и в меня, старика, вселяет жажду жить и работать для того народа, которому я отдал свой сад во владение и распоряжение. Горжусь тем, что народ мне доверил управлять этим расширенным, разросшимся садом, продолжать в нём свои опыты и эксперименты...»

Ответ на письмо пришёл такой:

«От души приветствую Вас, Иван Владимирович, в связи с шестидесятилетием Вашей плодотворной работы на пользу нашей великой Родины. Желаю Вам здоровья и новых успехов в деле преобразования плодоводства. Крепко жму руку...»

Под телеграммой стояла подпись того, кому он писал, — подпись вождя людей, перестраивающих мир, — Сталина.

Обновитель природы обменялся заочным рукопожатием с обновителем жизни народов.

В. Лебедев

ПОЕХАЛИ!

Чистотел всем хвастался, что когда его дети вырастут, их увезут.

А дети у чистотела были, конечно, простые семена. Ведь сам-то он был травкой. Травкой с волосатыми изрезанными листочками и жёлтыми цветочками.

Ну, не очень-то красивой, простой травкой.

Поэтому ни одна травка не верила его словам.

— Мои дети особенные, необыкновенные, — говорил чистотел.

А дети чистотела сидели в длинных узеньких стручках, и их, конечно, не было видно.

И потому, когда стручки, наконец, раскрылись, раскрылись двумя створками, все травки так и замерли.

Они увидели зелёную петельку с чёрными точками. Это сидели дети чистотела: маленькие чёрненькие семена с белыми гребешками. У каждого семечка гребешок.

— Зачем детям гребешки? — удивились травки. — Если у малютки есть белая борода, это очень хорошо: подует ветер, подхватит бородатого малютку и унесёт на новое место. Ну, а зачем ребёнку гребешок?

— Чтобы его взял извозчик, — сказал чистотел.

Тут травки засмеялись, думали, что чистотел шутит.

А он не шутил. Как только его дети упали на землю, к ним подбежали муравьи. Пошевелили, пошевелили над ними усиками. Потом вцепились в белые гребешки и потащили семена за собою по муравьиной дорожке.

— Счастливо, детки! — крикнул чистотел.

— Поехали, поехали, глядите-ка, и, правда, поехали! — залопотали травки.

А муравьи втащили деток чистотела в свои норки. Там они пролежали всю зиму. А весной проросли. Муравьи отгрызли у них белые гребешки. Ведь они и притащили-то их к себе, чтобы скушать гребешки. Но семенам это ничего. Проросли весёлыми зелёными травками-чистотелами.

Н. Павлова

СЕНОКОСЕЦ

Наступила осень, листья с деревьев все облетели, ни жуков, ни бабочек нет, даже мухи, и те пропали.

Пошли ребята на прогулку, стали в прятки играть, за сарай забежали — спрятались, вдруг Лёля ка-ак взвизгнет, — смотрим, а на стене паук, только какой-то особенный, брюшко круглое, серое, маленькое, а ножки длинные-длинные, не ножки, а ножищи, бежит на них паучок, как на ходулях.

Владик пауков не боится, схватил его за ножку, хотел поймать, да не тут-то было, оказалось, ноги у паука еле держатся, только дотронулся, они уже оторвались, а паук как ни в чём не бывало дальше побежал и скрылся куда-то.

Положил Владик ножку на ладонь и запел: «Коси-коси, ножка, выкоси дорожку», а ножка, как живая, туда-сюда, туда-сюда дёргается, словно косит. Недаром этого паука и называют «сенокосец».

Л. Чудинова

ОПЁНКИ

Мы раз с Маринкой пошли за черникой. А уж осень была. Давно все листики с деревьев опали. И, конечно, никакой черники уже не было, но мы всё-таки пошли.

А там раньше был лес, но потом срубили, и остались одни пенёчки. Всё пенёчки и пенёчки. И вот мы идём между пенёчками, а Маринка как закричит:

— Наташка, опёнков-то сколько! Опёнков-то! Все мои!

Кинулась на коленки, руки растопырила и хотела все опёнки накрыть. Да не удалось! Там их столько наросло, столько, почти как листьев на земле! Точно это листья оживают, закругляются такими шляпками и встают на ножки.

И так тесно растут, даже шляпки друг на дружку наползают. У больших шляпки как блюдечки перевёрнутые и посерёдке тёмненькие. А если одна шляпка наползла на другую, так нижняя точно чем-то посыпана. Или это плесень такая, или я не знаю что.

А маленькие опёночки хорошенькие, хорошенькие! Шляпки у них как половинки грецких орехов и светленькие и все в махорышках, как у папиного купального полотенца. А под шляпкой — воротничок. Я хотела собирать маленькие, а Маринка закричала.

— Маленькие — все мои! Собирай, Наташка, большие. Ведь не ты их нашла.

Мы набрали полные подолы. Даже горкой, даже платье уж больше не натягивалось. А когда побежали, грибы сверху соскальзывали и падали. А станешь поднимать, другие валятся, измялись все, искрошились, и платья насквозь промокли!

А мамы дома не было. Она ушла к соседям занимать посуду для гостей. И мы без мамы не знали, куда сложить. И вывалили все грибы в корзинку и в вёдра.

Но Маринка сказала:

— Лучше мы корзинку и ведро возьмём и побежим поищем опёнков ещё. Переваливай из ведра в самовар!

И мы перевалили Маринкины — в самовар, а мои — в папину шляпу и в его калоши. Но только мои большие грибы совсем раскисли.

Потом мы побежали опять туда. И тут нашли место, где опёнков — прямо ужас. Прямо ужас: не только около пеньков, а даже просто на земле, между жёлтыми листьями. А некоторые забрались на дерево, и высо-око! Мне до груди, а растут прямо из дерева, как сучки.

Мы с Маринкой скорей, скорей нахватали и побежали домой. А Маринка по дороге зацепилась ногой за ветку, шлёпнулась и все свои грибы выкатила в канаву. Шляпки у них отдельно, ножки отдельно, смех!

Прибежали домой. Скорее, скорее грибы пораспихали куда попало, даже в абажур от лампы. А Маринка говорит:

— В ведре и корзинке слишком мало места, а сколько их там ещё осталось! Давай, бери, Наташка, зонтик. Раскроем зонтик, насыплем в него опёнков, да так и понесём.

И мы понесли полный зонтик домой за спицы. А зонтик шишечкой всё время цепляется за Иван-чай и за всё такое.

Так неудобно! А спицы всё время ломаются. Пока несли, все спицы поломались. Ну, еле-еле дотащили. Вывалили уж прямо на пол.

А тут пришла мама с большой корзинкой. А в ней разная посуда для гостей. Маринка кинулась к маме и кричит:

— Мама, давай скорей сюда корзину, вывали посуду тоже на пол. Там ещё столько грибов осталось — ужас!

А мама на нас:

— Девочки, да вы что, с ума сошли?!

И давай нас ругать.

Хотела даже все наши грибы выкинуть. Но тогда пришла молочница и сказала, что опёнки можно солить. И мы с Маринкой упросили маму, чтобы она позволила нам самим посолить. Всё прибрали, тогда она позволила. Мы насолили целую кадушку, только одних шляпок! Разложили их в кадушке по дну, потом посолили, сверху опять разложили и снова посолили. Потом, когда сложили все грибы, закрыли их круглой дощечкой, а сверху положили камень.

И грибы вышли замечательные! Такие вкусные, что папа даже не отгадал, какие это грибы. Но, правда, наш папа не знает ни одного гриба, потому что он всю жизнь до нас с Маринкой жил на юге и вместо грибов собирал ракушки.

Н. Павлова

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

Жил да был на белом свете один маленький жучок.

Где он жил — кто его знает! То носился по лесу, то вылетал в луга. Где ночь застанет, там и заснёт. Да и много ли такому маленькому нужно! Вы хотите знать, какого цвета был этот жучок? Но ответить на этот вопрос не так просто. Если он садился на ветку, птички говорили:

— Вон зелёный жучок, давайте поймаем его!

И — порх-порх к нему. Но жучок не настолько глуп, чтобы дать себя съесть. Он — дж-дж — расправлял крылышки и улетал.

Он летел прямо против солнца, и тогда цветы перешёптывались:

— Какой красивый золотой жучок!

А вечером, где-нибудь в холодке, он казался лягушкам совсем чёрным. Так что никто и не знал, какой он был на самом деле. Впрочем, это и не важно. Жить ему было весело, еды сколько угодно. Всю округу он давно облетел, со всеми познакомился. Солнце грело, птицы пели. Вот бы прожить так всю жизнь!

Как-то рано утром проснулся он и полетел через лужайку к озеру. На лужайке было много цветов. Старые деревья вели у берега спокойные беседы, а молодые играли с ветром, будто манили его своими лёгкими листьями.

— Ой, что это? — вдруг вскрикнул жучок. — Кто это меня ловит?

Правда, как будто что-то вдруг опутало его ножки. Он быстро заработал ими в воздухе, рванул — и невидимые путы порвались.

Жучок всегда всем интересовался, и сейчас он тоже захотел узнать, что же это такое. Поэтому он начал оглядываться во все стороны. Он увидел какие-то тоненькие серебряные ниточки в воздухе.

— Интересно, интересно, — проговорил жучок. — Этого я никогда ещё не видел!

— Разве ты не знаешь, что это такое? — спросила мошка. — Лучше не знать! Ненасытные пауки ткут свои сети, чтобы ловить нас, маленьких, невинных мошек, и выпивать нашу кровь. Так погибли две мои сестры. Надо сейчас же убегать, как только увидишь эту ужасную паутину.

— Вы ошибаетесь, — возразил старый жук с рогами.

Но мошка его не слушала: она исчезла так быстро, что через мгновение её не стало видно. Она была маленькая — её вообще трудно было заметить.

— Она ошибается, — обратился старый жук к маленькому жучку. — Можешь мне поверить, что это сети совсем другие. Те, о которых говорит мошка, плетут старые крестовики. А эти плетутся для воздушных путешествий.

— Для воздушных путешествий? — удивился жучок.

Но не поверить он не мог. Жук с рогами был самый умный из жуков. Его слушались даже цветы, потому что он всегда знал, какая предстоит погода — будет ли дождь или солнце.

— Если хочешь, ты можешь сам увидеть, — предложил старый жук. — Смотри!

Немного ниже на сучке копошился маленький паучок. Он прикрепил свою паутинку к листку, потом перекусил её у самого основания, и когда подул ветерок, он, подобрав все свои восемь ножек, полетел на серебряной тоненькой паутинке.

— Ой, и я хочу покачаться на такой ниточке! — закричал жучок, подлетел, ухватился за серебряную нить (их летало множество в воздухе), сложил ножки и крылья и... тяжело упал на землю. Ох, на этих ниточках, наверно, только пауки и умеют летать!

Поднялся он с земли, почесал ножкой бочок, поглядел на клён под которым сидел, и чуть не вскрикнул от удивления: этот клён, всегда такой зелёный, сейчас был совершенно золотым.

— Дядя, — спросил жучок старого жука, — что же это такое? Какие-то нитки летают, листья желтеют — что такое?

— Осень, сынок, осень! — сказал старый жук и покачал рогами.

— Хм, — сказал жучок, — посмотрим, что это за осень.

В самом деле, лето прошло, наступила осень. В лесу шуршали листья, и казалось, будто кто-то ходит под клёнами и берёзами, и там, где пройдёт, листья краснеют и золотятся. Наверно, это осень бродит по лесу так тихо, что её никто не видит.

Теперь и не узнать родного леса, родной полянки, родного озера. Цветы увяли и засохли, трава пожелтела. Все были заняты,

все готовились к зиме. Жучок летал то туда, то сюда и не знал, что ему делать. Птицы снимались с мест и стаями летели к тёплым синим морям:

Осень золото роняет.
Холод пташек угоняет...
До свиданья, лес и луг,
Мы летим на тёплый юг!

Вот ещё одна стая снялась, исчезла в высоких облаках. С каждым днём птиц становилось всё меньше и меньше.

— Неужели все птицы улетят? — волновался жучок. — А как же я? Наверно, и мне нужно улетать?

Опали листья. Жучок полетел к озеру. Толстая лягушка и пять лягушат сидели на кочке. Жучок присел на пенёк (всё-таки осторожность не мешает) и спросил вежливо:

— А когда вы собираетесь улетать?

— Улетать? Ква-ква! Какая глупость! Улетают дураки. Мы ляжем спать на самое дно, в мягкий ил, у себя дома. Правда, детки?

— Так-так! Ква-ква! — заквакали дети в знак согласия.

— Если хочешь, можешь и ты спуститься к нам — места в нашем доме всем хватит. И не бойся: таких, как ты, мы не едим. Ну, идёмте, детки.

И она прыгнула в озеро, а за нею и пять её ребят-лягушат.

Жучок посмотрел на воду и испугался: ведь он утонет, если нырнёт глубоко. И потом вода такая неприветливая, холодная!

Сидит жучок и печально напевает:

С птицами высоко,
С лягушками глубоко.
Где приют мне добывать?
Где мне зиму зимовать?

А тут ещё ветер подул, и жёлтые листья вихрем понеслись подороге. Холодно, невесело жучку.

«Полечу, поищу себе хатку», — решил он.

Под корнем пня он заметил небольшую дырочку.

«Посмотрю: может, это и есть моя хатка!»

Он просунул головку и увидел, что это не дырочка, а настоящая норка. Он смело туда влез и вдруг остановился. Он увидел в норке штук тридцать змей. Они спали, переплетясь друг с другом. В самом конце, свернувшись, лежала старая большая змея, а около входа — маленькая. Но и эта маленькая казалась великаном по сравнению с жучком.

Жучок испугался и выскочил из норы. Маленькая змейка вдруг зевнула и посмотрела прямо на жучка. Но не успела она и пошевелиться, как жучок убежал. Он бежал так быстро, как только могли унести его ножки.

— Куда ты пропал, малыш? — услышал он знакомый голос. Обернулся и увидел старого жука с рогами.

— Дедушка! Я попал к страшным змеям! Они тоже спят, я их разбудил. Убежим, не то они съедят нас!

— Не лезь, куда не следует, — засмеялся жук. — Это веретеницы — большие безногие ящерицы. Очень ты им нужен! Они легли спать на всю зиму.

— А что мы будем делать?

— Мы тоже ляжем. — И старый жук показал жучку щель в коре старого дуба: — Вот здесь мы и поспим! Пора, становится холодно.

— И долго будем спать? — спросил жучок. — Я не люблю долго спать, я больше люблю летать.

— Когда холодно, не полетаешь ,— засмеялся старик. — Поспи до весны, пока птицы не возвратятся и цветы не расцветут.

— Хм... — покачал головою жучок. — Что же, спать так спать, — проговорил он и сложил крылышки. Он устал от своих путешествий и охотно заснул на всю зиму.

А старый жук потихоньку напевал:

Баю-баю, жучок,
Спи, засни!
До тепла!
До красны
До весны!

А потом он заснул.

Спокойной ночи, жуки!

О. Иваненко

НЕПОСЕДА-ВЕТЕР

Осень. Ветер куда-то мчится и другим не даёт покоя: теребит и срывает с тёмных ветвей мёртвые листья. Он гонит стаи грачей за море — в дорогу, в дорогу! И раскидывает повсюду живые семена растений.

Вот куст — сухой и круглый, точно лёгкий мяч, чуть держится своим коротким корешком за обнажённую землю. Ветер легко отрывает его от родного места, и, полное спелых семян, перекати-поле мчится по безлесному простору: кувыркается через гривки, перепрыгивает борозды, подскакивает, словно заяц, на кочках.

Но сколько бы ни старался ветер унести с собой одинокий кустик клевера, это ему не удастся. Растение очень крепко вросло в почву. Непоседа-ветер начинает бросаться и трясти кругленькие головки цветка, где, словно в крошечных лодочках, сидят его детишки-семена.

Высыпаются лёгкие лодочки из головок клевера, и ветер шутя несёт их с собой. Он рассыпает лодочки по лесистым лугам, по полям, около дорог, и, неравномерно кружась, они падают также на быстрые воды потемневшей реки. И уже плывут в своих лодочках семена клевера по течению. Куда? Неизвестно. Одних река

скоро вынесет на песчаный берег, других унесёт далеко от их родины. Перезимовав на новых местах, лодочки рассыплются, семена попадают в землю и клевер вырастет там, где его не было раньше.

Иногда вихрь несётся впереди низкой тучи. Это смерч; он тащит книзу в виде воронки часть тёмного облака и крутит столбом песок и пыль на дороге. Поднимает с земли всё, что попадается ему на пути: плоды растений, яички насекомых, мельчайшие зародыши животных, листья, солому.

И разбушевавшись, пролетая над озером, поднимает к облаку вместе с водой лягушат и рыбёшек. Вихрь гонит облако день и ночь за сотни, за тысячи километров.

И вдруг ослабеет, словно устанет, а все поднятые им животные, растения, семена, песок и вода «дождём» падают на землю, где-нибудь в другом краю света.

А. Клыков

СКВОРЕЦ ПОЕТ ПРОЩАЛЬНУЮ ПЕСНЮ

Осенним ясным утром старый огородник услышал возле дома песню скворца. Забавная эта песня! То в ней слышится звучная флейта иволги, то щебетанье ласточки, то серебряная трель жаворонка. Всё, что подслушал, всё, что запомнил, — скрип телеги, щёлканье пастушьего кнута, мерный стук мельничного колеса — всё перенял скворец и вплёл в свою песню. А порой повторяет певец и чужие, не знакомые нам звуки, верно, запомнившиеся ему на зимовке в далёкой Африке.

С мартовских дней до середины лета мы слышим возле дома скворчиную скороговорку. А потом становится тихо. Вырастив детей, скворец кочует по полям. Там пирует с шумной стаей приятелей. И только собираясь в отлёт на юг, бродяга заглянет домой. Сядет на шесток перед скворешней и заскрипит, засвистит, защёлкает, запоёт, по обычаю скворцов, у порога родного дома свою прощальную песню.

— Скворушка прилетел прощаться — осень пришла.

Старик огородник взял лопату и пошёл перекапывать свои грядки. А за ним побежал внук, подбирая на ходу опавшие за ночь золотые листья клёна.

Надо сказать, что рядом с участком огородника был большой, заросший бурьяном пустырь. И неплохая была здесь земля, но давно её не трогала ничья лопата. Тут гулял ветер, да ребята, играя, прятались в бурьяне. Если бы ребята узнали, что по соседству с ними живёт волшебник, ему не стало бы прохода от любопытных. Но на человека, копающего землю, ни Валя, ни Петя, ни Маринка — никто из игравших на пустыре ребят не обратил внимания. Хотя лопата огородника совершала в земле чудеса не менее удивительные, чем палочка сказочного волшебника.

Вот послушай.

Если бы ты стал маленьким-маленьким, как мальчик-с-пальчик, и опустился под землю всего на несколько сантиметров в глубину, ты увидел бы множество подземных ходов — коридоров. Будто пустых. Но вот подземный коридор расширяется, переходит в пещерку — убежище. И лежит в этом убежище оцепеневшая в зимнем сне гусеница. Так многие вредные насекомые — гусеницы, личинки, жуки — прячутся на зимовку в землю. Те, которые боятся духоты, затаиваются в верхнем слое земли, поближе к поверхности, или просто под палыми листьями. Те, которым страшнее всего зимний холод, уходят поглубже в землю, в нижние этажи.

Так спокойно проспали бы они зиму в тёплом подземном убежище, а весной, выбравшись на поверхность, стали бы портить, губить посевы.

И вдруг... подземное убежище поднялось на воздух, перевернулось и рухнуло. Вот что сделала лопата огородника!

Запомни, как он копал: на всю глубину вонзал лопату в землю, переворачивал каждый отрезанный пласт и тут же закладывал в землю навоз. Огородник не разбивал лопатой отрезанные пласты, они ложились один на другой буграми.

На свежевскопанную бугристую землю опустился скворец и побежал по ней, ныряя, как на волнах. Зорким глазом птица заметила извивавшуюся гусеницу — жителя разрушенного лопатой подземного убежища. Удар клюва — и одним вредителем огорода стало меньше.

— Смотри, — показал огородник внуку на работу скворца, — ещё нам помощник. Счастливой охоты, доброго аппетита, скворушка!

Плотно наевшись, скворец почистил клюв, расправил крылья и с весёлым свистом поднялся в воздух.

И больше в эту осень его не видели возле дома. Пришёл положенный срок, и стая скворцов улетала на зимовку в тёплые края.

Н. Надеждина

НЕВИДИМЫЕ ПОМОЩНИКИ

На огороде стало пусто и тихо. Будто бы ничего не происходило. Но в земле совершались события, начало которым положила работа человека.

Когда огородник, перекапывая землю, переворачивал пласты, иных личинок разрезала лопата, иных, выброшенных на поверхность, склевали птицы, но большинство из них остались живы.

Однако и эти, уцелевшие, уже не могли жить прежней, привычной жизнью. Ведь их подземные убежища перевернулись: насекомые, жители верхних слоёв, очутились внизу, в глубоком подземелье. Здесь для них было слишком сыро и душно. И отряд врагов, готовых весной напасть на посевы, стал погибать.

А личинки и гусеницы, искавшие спасения от холода поглубже в земле, они-то при перекопке как раз и очутились наверху. Пришёл мороз и расправился с ними по-своему.

И ещё другая, не заметная глазу работа шла в перекопанной земле. Старый огородник, посматривая в окно на участок, приговаривал в усы:

— Работайте, работайте, мои верные помощники.

И внук из-за его плеча тоже выглядывал в окно, чтобы хоть краем глаза увидеть помощников деда. Но никого не было видно. Только ветер шумел за окном да лил осенний скучный дождь.

Но скажу тебе: если весной исследовать землю, перекопанную с осени, то окажется, что она изменилась — стала лучше, рыхлее, богаче влагой и питательными веществами. Будто и вправду работали над ней невидимые помощники.

Хочешь знать, кто такие они? Это — ветер, обдувавший пласты земли, это — дождь и снег, поившие её влагой. Это — миллионы невидимых глазу мельчайших существ — микробов, благодаря работе которых навоз и перегной, разлагаясь, насытили землю питательными веществами.

Н. Надеждина

Народные приметы

В осеннее ненастье
семь погод на дворе —
сеет, веет, крутит,
мутит, и ревёт, и льёт,
и снизу метёт!

Народные загадки

1. *Без рук, без ног стучит — в избу просится.*
2. *Лежит на земле, а нельзя её ни поднять, ни срубить, ни закрасить, ни соскоблить.*
3. *Сидит — зеленеет, лежит — пожелтеет, падёт — почернеет.*
4. *Долговяз в траве увяз.*
5. *Слышать слышу, а видеть не вижу.*
6. *У бабушки над избушкой висит хлеба краюшка, собаки лают, достать не могут.*
7. *У нас в печурочке золотые чурочки.*
8. *Вьётся, взвивается, в небо устремляется.*
9. *Стоит Ермошка на одной ножке, на нём сто одёжек, не шиты, не кроены, весь в рубцах.*
10. *Сидит дед, многими шубами одет, кто его раздевает, слёзы проливает.*

Народные пословицы и поговорки

Своя земля и в горсти мила.
Не гони коня кнутом, гони коня овсом.
Лето со снопами, осень с пирогами!
Повадился козёл в огород капусту глодать, как бы ему рога не сломать.
Не учи козу: сама стащит с возу.
Назад только раки лазят.
Заяц трус, а и тот на капусту охотится.
За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.
На мышку и кошка зверь.
Курочка по зёрнышку клюёт, да сыта бывает.
И петух на своём пепелище храбёр.
Пуганая ворона куста боится.
Пошла репа в землю блошкой, а назад пришла лепёшкой.
Ржаной хлебушко пшеничному калачу дедушка.
Холоден сентябрь, да сыт.

Скороговорки

Сыворотка из-под простокваши.

Была свинья тупорыла, полдвора рылом изрыла.

Шли сорок мышей, несли сорок грошей; две мышки поплоше несли по два гроша.

На нашем дворе-подворье погода размокропогодилась.

ГУЛЯЙ ДА ПРИСМАТРИВАЙСЯ

1. Куда зайцу бежать удобней — с горы или в гору?
2. Какой лесной житель сушит себе на деревьях грибы?
3. Какой зверь летом живёт в воде, а зимой в земле?
4. Как готовятся к зиме муравьи?
5. Можно ли назвать паука насекомым?
6. Куда исчезают на зиму лягушки?
7. Где раки зимуют?
8. Что птицам страшнее — холод или голод зимы?
9. Где зимой и осенью спят вороны?
10. Когда улетают от нас последние чайки и утки?
11. С какими птицами осенью и зимой водят компанию дятлы?
12. Одинаковы ли глаза у кошки днём и ночью?
13. У какого зверя осенью в листопад ещё родятся детёныши?
14. Листья каких деревьев осенью краснеют?

ИГРЫ

ЗАЯЧИЙ ПИРОГ

(Играют 6 — 8 человек)

Каждый берёт себе лист от какого-либо дерева, например, берёзы, тополя, липы. Один из играющих — зайка; у него листа нет. Все говорят:

Зайка, зайка,
Испеки пирожок.

Заяц кладёт свою руку на колени, ладонью вверх — это «нижняя корка» пирога. Затем спрашивает по очереди всех: «С какой начинкой испечь?»

Каждый отвечает в зависимости от того, какой у него лист («с тополевой», «липовой», «берёзовой» и т. п.), и кладёт руку с листом ладонью вверх на «нижнюю корку» пирога.

Когда весь «пирожок начинён», заяц закрывает его «верхней коркой», т. е. другой своей рукой, ладонью вниз.

Все просят:

Зайка, зайка,
Угости пирожком!

— С какой начинкой? — спрашивает заяц у кого-либо из играющих. Тот должен назвать свою «начинку», например, тот лист, который у него «с берёзовой», «с тополевой» и т. д., и вынуть свою руку с листом из «пирога». Если правильно, то заяц продолжает его спрашивать дальше; он должен показать чью-либо руку и назвать «начинку» и берёт себе лист. Если играющий ошибся, — все кричат: «Сгорел пирожок!» Он выходит из игры, а заяц продолжает спрашивать других. Кто больше всех набрал «пирожков с начинкой» (т. е. листьев), тот становится зайцем.

ДЕТКИ НА ВЕТКЕ

(4 — 6 лет)

Вариант 1-й

Отгадать, «какие детки у этой ветки».

Дети сидят в кружке на лужайке или площадке. Воспитательница кладёт перед ними несколько еловых и сосновых шишек, жёлудь, орехи, летучки клёна, берёт ветки от этих плодов и, показывая детям по одной, говорит: «Где детки сосновой ветки?» Угадавший поднимает руку, выходит, берёт сосновую шишку и подаёт воспитательнице. Если подобрано правильно, ему отдают ветку с этой шишкой; если неправильно — кладёт плод обратно.

В а р и а н т 2-й

Каждому из играющих детей дают шишку, жёлудь, орех и т. п. Они их кладут перед собой так, чтобы не было видно. Затем воспитатель показывает какую-либо ветку и говорит: «У кого детки от этой ветки?»

Тот, у кого данный предмет, поднимает руку и достаёт спрятанный плод. Если верно — ветку с предметом отдают ему; если нет — предмет отбирают и кладут посредине. Следующий раз, когда задают вопрос, играющий уже берёт свой плод с этого места.

ВЕРШКИ И КОРЕШКИ

В в е д е н и е. Собрали ребята овощи с огорода, стали мыть, очищать, хотят всех угощать; заспорили, кому это делать. Спорили-спорили и порешили: кто верно угадает по ботве, какой корешок на этот вершок, тот и будет всех угощать.

В а р и а н т 1-й

Воспитательница кладёт в ряд несколько штук овощей с ботвой. Затем раздаёт детям такую же ботву (по 2 или по 3 шт.). Отдельно в мешочке лежат овощи без ботвы. Она вынимает по одному и говорит: «Корешок, корешок, где твой вершок?» У кого есть такой «вершок», должен ответить: «Вершок репки у меня» или «Вершок моркови у меня». Если неправильно, воспитатель показывает репку с ботвой и спрашивает всех — верно или нет и говорит: «Вершок, вершок, я не твой корешок». Кто все подобрал правильно, тот угощает всех.

«КТО ОТГАДАЕТ, ТОТ УГОЩАЕТ»

В а р и а н т 2-й (для 5—6 лет)

Срезанная ботва лежит в ряд на столе. Сбоку или повыше разложены в любом порядке корешки. Воспитатель предлагает детям закрыть глаза; убирает один корешок, затем спрашивает: «У какого вершка не хватает корешка?»

Дети путём сравнивания угадывают; кто подряд 3 раза угадал, тот всех угощает.

Л. Чудинова

З И М А

ЗИМНЕЕ УТРО

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит:
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит...

А. С. Пушкин

ВОЛШЕБНИЦА ЗИМА

...Идёт волшебница зима.
Пришла, рассыпалась, клоками
Повисла на суках дерёв,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов.

Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою,
Блеснул мороз — и рады мы
Проказам матушки-зимы.

А. С. Пушкин

* * * *

Где сладкий шёпот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковёр зимы
Покрыл холмы,
Луга и долы.

Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет;
Лишь ветер злой,
Бушуя, воет
И небо кроет
Седою мглой.

Е. Баратынский

ЗАЙЦЫ

Зайцы лесные по ночам кормятся корою деревьев, зайцы полевые — озимыми и травой, гумённики — хлебными зёрнами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий видный след. До зайцев охотники — и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но заяц труслив, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются; заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страху метаться из стороны в сторону. Проскачет вперёд, испугается чего-нибудь и побежит назад по своему следу. Ещё услышит что-нибудь и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь — опять заяц повернётся назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

На утро охотники начинают разбирать заячий след; путаются по двойным следам и далёким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Л. Н. Толстой

НОЧЁВКИ ЗАЙЦА

Утром со мной шла Зиночка по заячьему следу. Вчера моя собака пригнала этого зайца сюда прямо к нашей стоянке из далёкого леса. Вернулся ли заяц в лес или остался пожить около людей где-нибудь в овражке? Обошли мы поле и нашли обратный след. Он был свеженький.

— По этому следу он возвратился к себе в свой старый лес,— сказал я.

— Где же он ночевал, заяц? — спросила Зиночка.

На мгновение вопрос её сбил меня с толку, но я опомнился и ответил:

— Это мы ночуем, а зайцы ночью живут: ночью он прошёл здесь и дневать ушёл в лес; там теперь лежит, отдыхает. Это мы ночуем, а зайцы днюют, и им днём куда страшнее, чем нам ночью. Днём их всякий сильный зверь может обидеть.

М. Пришвин

ДЯТЕЛ

Видел дятла: короткий — хвостик ведь у него маленький,— летел, насадив себе на клюв большую еловую шишку. Он сел на берёзку, где у него была мастерская для шелушенья шишек. Пробежал вверх по стволу с шишкой на клюве до знакомого места. Вдруг видит, что в развилине, где у него защемляются шишки, торчит отработанная и несброшенная шишка и новую шишку ему некуда девать. И, горе какое. Нечем ему сбросить старую, клюв-то занят.

Тогда дятел, совсем как человек бы сделал, новую шишку зажал между грудью своей и деревом, освободил клюв и клювом быстро выбросил старую шишку. Потом новую поместил в свою мастерскую и заработал.

Такой он умный, всегда бодрый, оживлённый и деловой.

М. Пришвин

НАСТУПЛЕНИЕ ЗИМЫ

Белый снег пушистый
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.

И под утро снегом
Поле забелело,
Точно пеленою
Всё его одело.

Стали дни короче,
Солнце светит мало.
Вот пришли морозы,
И зима настала.

И. Суриков

МОРОЗНЫЙ ВЕТЕР

Скоком-боком, боком-скоком
Ходит галка мимо окон.
Ветром вся взъерошена,
Снегом запорошена.

Тяжелы, мохнаты
Провода-канаты.
Каждый звонок, как струна;
Загудела вся страна.
Сразу градусник отметил —
Прилетел морозный ветер:
Между чёрточек и точек
Синий столбик стал короче.

Е. Трутнева

РАЗГОВОР ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Занятна охота на лисиц с флагами. Обойдут лисицу, узнают её лёжку и по кустам на версту, на две вокруг спящей развесят верёвки с кумачёвыми флагами. Лисица очень боится цветных флагов и запаха кумача; спугнутая, ищет выхода из страшного круга. Выход ей оставляют, и около этого места под прикрытием ёлочки ждёт её охотник.

Такая охота с флагами много добычливей, чем с гончими собаками. А эта зима была такая снежная, с таким рыхлым снегом, что собака тонула вся по уши, и гонять лисиц с собакой стало невозможно. Однажды, измучив себя и собаку, я сказал егерю Михал Михалычу:

— Бросим собак, заведём флаги, — ведь с флагами можно каждую лисицу убить.

— Как это каждую? — спросил Михал Михалыч.

— Так просто, — ответил я. — После пороши возьмём свежий след, обойдём, затянем круг флагами, и лисица наша.

— Это было в прежнее время,— сказал егерь. — Бывало, лисица трое суток сидит, не смеет выйти за флаги. Что лисица! Волки сидели по двое суток. Теперь звери стали умнее, часто с гону прямо под флаги, и прощай.

— Я понимаю, — ответил я, — что звери матёрые, не раз уже бывшие в переделке, поумнели и уходят под флаги, но ведь таких

сравнительно немного; большинство, особенно молодёжь, флагов и не видывало.

— Не видывало! Им и видеть не нужно. У них есть разговор.

— Какой такой разговор?

— Обыкновенный разговор. Бывает, ставишь капкан, зверь старый, умный побывает возле, не понравится ему и отойдёт. А другие потом и далеко не подойдут. Ну вот, скажи, как же они узнают?

— А как ты думаешь?

— Я думаю, — ответил Михал Михалыч, — звери читают.

— Читают?

— Ну да, носом читают. Это можно и по собакам заметить. Известно, как они везде — на столбиках, на кучках, на кустиках — оставляют свои заметки, другие потом идут и всё разбирают. Так лисица, волк постоянно читают; у нас глаза, у них нос. Второе у зверей и птиц я считаю голос. Летит ворон и кричит; нам хоть бы что, а лисичка навострила ушки в кустах, спешит в поле. Ворон летит и кричит наверху, а внизу по крику ворона во весь дух мчится лисица. Ворон опускается на падаль, а лисица уж тут как тут. Да что лисица! А разве не случалось тебе о чём-нибудь догадываться по сорочьему крику?

Мне, конечно, как всякому охотнику, приходилось пользоваться чекотанием сороки, но Михал Михалыч рассказал особенный случай. Раз у него на заячьем гону скололись[1] собаки. Заяц вдруг будто провалился сквозь землю. Тогда совсем в другой стороне зачекотала сорока. Егерь, крадучись, идёт к сороке, чтобы она его не заметила. А это было зимой, когда все зайцы уже побелели, только снег весь растаял, и белые на земле стали далеко заметны. Егерь глянул под дерево, на котором чекотала сорока, и видит: белый просто лежит на зелёном мошку, и глазёнки чёрные, как две бобины, глядят...

Сорока выдала зайца, но она и человека выдаёт зайцу и всякому зверю, только бы кого ей первого заметить.

— А знаешь, — сказал Михал Михалыч, — есть маленькая жёлтая болотная овсянка. Когда выходишь в болото за утками, начинаешь тихонечко скрадывать. Вдруг, откуда ни возьмись, эта самая жёлтая птичка садится на тростинку впереди тебя, качается на ней и попискивает. Идёшь дальше, и она перелетает на другую тростинку и всё пищит и пищит. Это она даёт знать всему болотному населению; глядишь, там утки догадались о приближении охотника и улетели, а там журавли замахали крыльями, там стали вырываться бекасы. И всё это она, всё она. Так по-разному сказывают птицы, а звери больше читают следы.

М. Пришвин

[1] Спутались.

ДЕРЕВЬЯ ЗИМОЙ

Все зелёное, что так радовало глаз весною и летом, исчезло или спрятано глубоко под снегом.

Сосны, ели да оголённые кроны спящих лиственных деревьев — вот и всё, что можно сейчас наблюдать из растительного мира. Ну, что же! И это лучше, чем ничего.

Если приятно увидеть липу, клён или дуб летом, вдвое приятнее узнать их при встрече зимою.

Узнать издалека, как узнаёшь старого знакомого по походке, по какому-нибудь одному ему свойственному жесту.

Вот вдали дерево, у которого все ветки изогнутые, плавноокругло изогнуты — в середине прогибаются книзу, наверху опять поднимаются. Это липа. Можно проверить, на ней или под нею на снегу, наверное, ещё сохранились крылатые липовые орешки.

А вот мощное дерево с засохшими листьями на верхушках ветвей. Это дуб. Он никогда не успевает сбросить всю листву до морозов, и убитые листья остаются на ветвях.

А это небольшое дерево издали узнать, может, и не так легко, но вблизи уже не ошибёшься: ни у одного другого нет таких маленьких чёрных шишечек, как у ольхи.

А у ясеня на ветвях висят целые грозди длинных узких плодов крылаток. Благодаря этим длинным крылаткам ясень не спутаешь с клёном. А так у них есть общая черта, которая у других наших деревьев не встречается: все ветки у них расположены попарно.

Это самый хороший признак для того, чтобы отличить клён. Ведь разных клёнов в садах и парках очень много, и листья у них до того разнообразны, что иной раз не хочется верить, что это всё клёны.

Но стоит только посмотреть, как сидят эти листья, как расположены ветки, чтобы убедиться.

Вот парочка молодых побегов, над нею наперекрёст вторая, выше, опять наперекрёст...

Да, это клён несомненно!

А вот дерево...

Впрочем, каждый сам по-своему может научиться узнавать деревья и кустарники зимой. Это нетрудно, ведь у них ещё сохранилось столько примет!

А теперь хочется дать ещё совет тому, кто соскучился по красоте природы, кто жаждет вновь пережить радость, восторг и изумление.

Горячо советую встать на лыжи и отправиться в молодой еловый лес.

Никакими словами не передать очарования совершенно преображённого снежной скульптурой сказочно-великолепного волшебного леса.

Это не передать. Это надо увидеть самому.

Н. Павлова

КТО ЧТО УСПЕЛ

На снегу рыжеватым пятном выделяется раскидистая липа. Не листья на ней рыжеют, а маленькие длинные язычки — крылышки, которые прикреплены к орешкам. У каждой пары или тройки липовых орешков по крылышку. И все веточки липы в орешках и крылышках. Но не одна липа так разукрашена. Вот высокое дерево — ясень. Сколько же там, наверху, висит сухих плодов! Висят густыми тяжёлыми пучками, узкие, длинные, похожие на стручки.

И маленький татарский клён ещё не расстался со своими крылатками. Но он не нарядный. Наоборот, из-за этих больших, неряшливых, сгибающих ветки сухих пучков он кажется жалким, погибающим.

А уж кто красив, так это рябина, всё ещё увешенная яркими гроздьями ягод.

Сохранились ягоды и на кустах барбариса.

И на бересклете ещё красуются так удивительно похожие на цветы раскрытые розовые плоды с висячими жёлтыми семенами.

Да ведь и у берёзы ещё тут и там виднеются на ветках сухие серёжки, в которых спрятаны крылатые орешки.

И маленькие чёрные шишечки ольхи ещё не опустели. Но зато и берёза, и ольха успели приготовить кое-что для весны. У них на концах веточек сидят молодые серёжки. Придёт весна, серёжкам этим — только вытянуться, раздвинуть чешуйки и расцвести.

Прутья жёлтой акации торчат из сугроба. Они все в бугорках. На бугорках — почки. А кое-где висят закрученные винтом створки сухих стручков. Эта успела разбросать семена. Только память о них осталась.

Зато у соседней ивы уже никакой памяти о семенах не найдёшь: ветки да прутья с почками — только и всего.

И тополь, и осина, и дуб уже успели распроститься со своим потомством: голы-голёшеньки, только у дуба на верхушке остался пучок сухих листьев.

Но кто мне здесь нравится, так это орешник! Вот он стоит — раскидистый кустик. Об орехах не вспоминай. Но ветки у орешника не пусты. Толстенькие, красновато-серые серёжки свешиваются с коротеньких веточек. Парочками висят, по две пары на веточке.

И с осенью орешник распрощался, и к весне приготовился.

Н. Павлова

САМАЯ ЗИМОСТОЙКАЯ ЯГОДА

Пойдём-ка к нам в сад. Знаешь, у нас тут растут ягоды. А попробуй-ка, отгадай, что где посажено. Ну-ка, вот здесь? Не отгадать? Конечно! Ничего, кроме снега, не видно. А здесь растёт малина. И, знаешь, у малины какие кусты. Выше папы с мамой!

Куда же они подевались? Да мы их осенью пригнули к земле. Пригнули и связали друг с дружкой, чтобы не поднимались. Там они лежат под снегом.

Малине под снегом тепло.

А здесь что растёт? Раскопай-ка немного снег ногою. Видишь еловые лапки? И всё равно тебе не отгадать, что у нас здесь посажена садовая земляника.

Это мы её нарочно осенью накрыли еловыми лапками. Потом снег пошёл. И насыпался между лапками и сверху. Если будет сильный ветер, он может сверху весь снег сдуть, а между лапками всё равно останется.

И землянике под снегом тепло.

А тут что? Смородина? Отгадал! Да нетрудно отгадать — все кусты видны. Вон сколько прутиков торчит из-под снега.

Мы смородину никак не защищаем. Она мороза не боится. Так и стоит всю зиму и нисколечко не подмерзает. Папа говорит — смородина зимостойкая ягода. Самая из всех зимостойкая.

Н. Павлова

ЗИМОЙ ПОД ВОДОЙ

Наступил декабрь. Холодно. Крепкий мороз по утрам. Небо закрыто тучами. Опустились они над землёй, над рекой, над озёрами. Так идёт январь, февраль, до половины марта. Вода замёрзла. А лёд покрылся снегом. Иногда на метр толщиной. Темно под водой!

Одевшись потеплее в толстый слой слизи, спят почти все мирные и хищные рыбины. Спят все, кроме налима. Он как дома чувствует себя в холоде и темноте. У него толстая шкура, а под кожей, как шерстяная фуфайка, надета мелкая, мелкая чешуя. А чтобы разбираться в темноте, у налима имеется ус и прекрасно развитое обоняние. Усиком налим узнаёт, что съедобно, а носом чует, как охотничья собака.

Приходит январь, налим начинает метать икру. Найдёт ямку под камнем и кладёт туда золотые икринки: сто тысяч, двести тысяч, полмиллиона. А крупный, весом на 20 килограммов, налим отложит и миллион икринок.

Плохой зимой сон у ершей, да и окуни тоже спят чутко. Попробуйте добраться по снегу до середины речки. Или постарайтесь найти глубокое место на озерке, там, где летом в жару притаились налимы и караулили свою жертву усатые сомы.

Прибрежные ивы и высокие осины, как вехи, помогут вам зимой отыскать это место. В ясный морозный день на лыжах вы быстро доберётесь. Разгребите снег, сделайте во льду прорубь и вычерпайте из лунки прозрачные хрусталики льдинок. А затем, опустив блесну поближе ко дну, подёргивайте её почаще вверх.

Скоро вы привлечёте окуньков, а то и щучка попадётся!

Если вы сумеете достать навозных червей, смело насаживайте на крючок. Тогда попадётся плотичка или ёршик.

Особенно удачна может быть ловля в конце зимы, в феврале.

А когда через день или два вы снова отправитесь на ловлю, то подходите к проруби потихоньку, осторожно. Может быть, вам посчастливится увидать своего четвероногого соперника: водяную землеройку кутору — маленького, пяти-шести сантиметров, зверька. Чуткий зверёк одет в мягкую бархатную шубу, а на лапках и хвостике у него оторочка из длинных волос. Это чтобы ей легче плавать. Зимой кутора не спит, она ходит под снегом. Ищет полыньи. Как найдёт полынью, так и держится около неё, чтобы ловить рыбку. Нырнёт, увидит стайку — хап! Глядишь — в зубах окунь!

А как только заиграет мартовское солнце, то в полыньях чёрной пуговицей будет носиться водолюб, зимовавший в воде. Он первый из насекомых пускается в плаванье.

А. Клыков

ОБРАТИ ВНИМАНИЕ

ЗИМА

Декабрь

По следам полевой мышки найди её гнездо, раскопай, посмотри: какие запасы она сделала себе на зиму.

Как ведут себя воробьи, голуби, вороны, галки и другие птицы в сильные морозы и в оттепель.

Срежь кору с пня и посмотри, какие насекомые зимуют под ней.

* * * *

Какие следы оставляют на снегу разные птицы. Если поблизости есть незамерзающие воды, узнай, не зимуют ли там дикие утки и другие птицы.

Январь

Какие птицы прилетают в эти дни к тебе на двор и живут поблизости от твоего дома.

* * * *

Где собирают корм воробьи и голуби.

Когда появится первая сосулька, свисающая с крыши.

Солнечным утром обрати внимание на снег под кустами и деревьями: не покажутся ли на нём какие-нибудь насекомые.

Не зазвенит ли на солнышке птичья песенка. Нет ли поблизости незамерзающей воды и на ней — чернобрюхой птички оляпки или изумрудного зимородка. Не видно ли где диких уток или чаек.

Февраль

Когда в первый раз услышишь весёлую песенку — зинзиверзинзивер! — большой синицы (кузя, кузеван).

* * * *

Нет ли где на проезжих дорогах снежных подорожников (пуночек) — белых с чёрным и коричневым птичек. Когда они появятся и когда исчезнут.

Когда запоют красногрудые снегири.

* * * *

Когда прилетят (а на юге — улетят) чёрные с белыми носами грачи (а на севере — серые вороны, а в Сибири — белоглазые галки).

* * * *

Когда в полях покажутся первые проталинки, а воробьи начнут драться и весело кричать («чуть жив!») и таскать в клювах соломку и пёрышки, а вороны — сучки для гнёзд.

* * * *

Когда начинается лов воблы на юге (тарань).

В. Бианки и А. Клыков

Рассказы и сказки

ПРОКАЗЫ СТАРУХИ-ЗИМЫ

Разозлилась старуха-зима: вздумала она всех заморозить. Прежде всего она стала до птиц добираться — надоели они ей своим криком и писком. Подула зима холодом, сорвала листья с лесов и разметала их по дорогам. А птицы собрались, покричали и полетели за синее море, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под застреху забился.

Накинулась зима на зверей. Запорошила снегом поля, завалила сугробами леса и посылает мороз за морозом. Идут морозы, один другого злее, — зверей пугают. Не испугались звери. Белка в дупле орешки грызёт, заинька, прыгаючи, греется, а лошади, коровы в тёплых хлевах сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима. До рыб она добирается — посылает мороз за морозом.

Морозы бойко бегут, по озёрам, по рекам мосты строят.

Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла — под ледяной кровлей ей ещё теплее.

«Ну, постой же, — думает зима, — дойму я людей».

И шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами стёкла в окнах; стучат в стены и в двери. А люди затопили печи да над зимой посмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать, наденет тулуп, валенки, рукавицы да как примется топором махать, даже пот пробивает.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребятишки и те её не боятся. Катаются себе на салазках, в снежки играют, лепят из снега, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: «Приходи-ка пособить». Щипнёт зима со злости одного ребёнка за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снегу, давай тереть — и разгорится у него лицо, как огонь.

Никто не боится старухи-зимы.

К. Д. Ушинский

РАССКАЗ О СНЕЖИНКАХ

Жили-были снежинки. Родились они в снежном царстве — в снежном облаке, высоко над землёй. Росли они не по дням, а по часам. И с каждым часом делались всё прекраснее и наряднее.

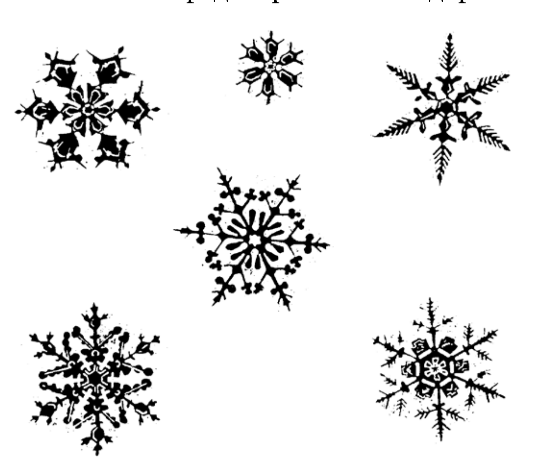
Все они были похожи друг на друга, как сёстры, но у каждой был свой наряд. Одна была совсем как звёздочка с шестью лучами. Другая напоминала цветок с шестью лепестками. А третья сверкала, как шестигранный драгоценный камешек.

Выросли снежинки и полетели к земле белой стаей. Их было так много, что никто не мог бы их сосчитать.

Земля была уже совсем близко, но ветер не давал снежинкам спокойно спуститься. Он кружил их в воздухе, подбрасывал, заставлял плясать под свою дикую музыку.

И всё-таки снежинки одна за другой достигали земли. Они словно только и думали о том, как бы поосторожнее спуститься и сохранить в целости свой хрупкий наряд.

Одни снежинки ложились на сжатое поле, другие находили себе ночлег в лесу — на ветках и под деревьями. Некоторые укладывались на крышах домов. А были и такие, которые неосторожно ложились посреди просёлочной дороги или на мостовой в городе. Этим пришлось хуже, чем всем.

Когда наступило утро, по дороге зашагали прохожие, покатились колёса телег и машин.

Снежные цветы и звёзды таяли под ногами, под колёсами, смешивались с навозом, с сеном, с грязью.

А в городе против снежинок повели настоящую войну: их сгребали лопатами, мели мётлами, убирали машинами. К полудню на улицах не осталось снега, словно зимы и не было. Только в садах ещё лежал снег. Но и там ему приходилось нелегко.

Дети делали из снежинок снежки, лепили из хрупких снежных цветов и звёзд неуклюжие головы и туловища снежных баб.

Не так часто с неба падают подарки. Надо было торопиться — ведь подарок мог и растаять.

Под вечер на помощь снежинкам пришёл мороз.

Он загнал, кого мог, под крышу, к тёплой печке. Но люди — народ непоседливый. Они достали из сундуков шубы, шапки, валенки. Они сменили колёса на полозья.

Зашагали валенки, поползли полозья по дорогам, по улицам.

Людям весело было слышать, как скрипит снег под ногами, как визжат полозья по снегу. И никто не догадывался, что это с треском, с хрустом обламываются лепестки, лучи, веточки снежных цветов и звёзд.

Спокойнее было тем снежинкам, которые улеглись спать не на улице, не на дороге, а в поле. Там их долго никто не тревожил.

Так бы и пролежали всю зиму на одном месте эти спящие красавицы, если бы не набрёл на них бродяга-ветер. Пошёл ветер гулять по полю, принялся поднимать, тормошить снежинки. Тут уж было не до сна.

Пришлось снежинкам сняться с места, пуститься вместе с ветром в путь.

Долго носились они по полю. Да на их счастье попался им навстречу овражек.

Спрятались они в овражек от ветра. Где найдёшь место спокойнее?

Но в овраге было ещё хуже, чем в поле. Там хоть было просторно, а в овраге была теснота. Каждую минуту прибывали всё новые и новые толпы беглянок. Они толкали, давили друг друга. Их лепестки и лучи ломались в давке, и никто уже не мог бы отличить одну снежинку от другой в этой плотной груде обломков.

Лучше всего было тем снежинкам, которые нашли себе пристанище в лесу.

Там деревья не пускали ветер, не давали ему разгуляться. Там никто не тревожил покоя снежинок. В лесу тихо. Разве только лесной зверь пробежит и отпечатает на снегу свои лапы.

Всё выше рос в лесу пушистый, рыхлый снег.

В поле он был только по колено, а в лесу, если пойти без лыж, можно было провалиться по пояс.

Но и в лесу снежинки не нашли себе покоя, не сумели навсегда сберечь свой наряд.

Что с ними стало после?

Чтобы это узнать, придётся подождать весны.

М. Ильин и Е. Сегал

СИНИЧКИН КАЛЕНДАРЬ

ЯНВАРЬ

Зинька была молодая синичка и своего гнезда у неё не было. Целый день она перелетала с места на место, прыгала по заборам, по ветвям, по крышам — синицы народ бойкий. А к вечеру присмотрит себе пустое дупло или щёлку какую под крышей, забьётся туда, распушит попышней свои пёрышки — кое-как и переспит ночку.

Но раз — среди зимы — посчастливилось ей найти свободное воробьиное гнездо. Помещалось оно над окном за оконницей. Внутри была целая перина мягкого пуха. И в первый раз, как вылетела из родного гнезда, Зинька заснула в тепле и покое.

Вдруг ночью её разбудил сильный шум. Шумели в доме, из окна бил яркий свет.

Синичка испугалась, выскочила из гнезда и, уцепившись коготками за раму, глянула в окно.

Там в комнате стояла большая — под самый потолок — ёлка, вся в огнях, и в снегу, и в игрушках. Вокруг неё прыгали и кричали дети.

Зинька никогда раньше не видела, чтобы люди так вели себя по ночам. Ведь она родилась только прошлым летом и многого ещё на свете не знала.

Заснула она далеко за полночь, когда люди в доме, наконец, успокоились и свет погас в окне.

А утром Зиньку разбудил весёлый, громкий крик воробьёв. Она вылетела из гнезда и спросила их:

— Вы что, воробьи, раскричались? И люди сегодня всю ночь шумели, спать не давали. Что такое случилось?

— Как? — удивились воробьи. — Разве ты не знаешь, какой сегодня день? Ведь сегодня Новый год, вот все и радуются — и люди и мы.

— Как это — Новый год? — не поняла синичка.

— Ах ты, желторотая! — зачирикали воробьи. — Да ведь это самый большой праздник в году! Солнце возвращается к нам и начинает свой календарь. Сегодня первый день января.

— А что это «январь», «календарь»?

— Фу, какая ты ещё маленькая! — возмутились воробьи. — Календарь — это расписание работы солнышка на весь год. Год состоит из месяцев, и январь, его первый месяц, — носик года. За ним идут ещё десять месяцев — столько, сколько у тебя пальцев на лапках: февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь. А самый последний месяц, двенадцатый, хвостик года, — декабрь. Запомнила?

— Не-ет, — сказала синичка. — Где же сразу столько запомнить! «Носик», «десять пальцев» и «хвостик» запомнила. А называются они все уж больно мудрено.

— Слушай меня, — сказал тогда Старый Воробей. — Ты летай себе по садам, полям и лесам, летай да присматривайся, что кругом делается. А как услышишь, что месяц кончается, прилетай ко мне. Я тут живу, на этом доме под крышей. Я буду тебе говорить, как каждый месяц называется. Ты все их по очереди и запомнишь.

— Вот спасибо! — обрадовалась Зинька. — Непременно буду прилетать к тебе каждый месяц. До свиданья!

И она полетела и летала целых тридцать дней, а на тридцать первый вернулась и рассказала Старому Воробью всё, что приметила. И Старый Воробей сказал ей:

— Ну вот, запомни: январь — первый месяц года — начинается с весёлой ёлки у ребят. Солнце с каждым днём понемножку начинает вставать раньше и ложиться позже. Свету день ото дня прибывает, а мороз всё крепчает. Небо всё в тучах. А когда проглянет солнышко, тебе, синичке, хочется петь. И ты тихонько пробуешь голос: «Зинь-зинь-тю! Зинь-зинь-тю!»

ФЕВРАЛЬ

Опять выглянуло солнышко, да такое весёлое, яркое! Оно даже пригревало немножко, с крыш повисли сосульки, и по ним заструилась вода.

«Вот и весна начинается», — решила Зинька. Обрадовалась и запела звонко:

— Зинь-зинь-тан! Зинь-зинь-тан! Скинь кафтан!

— Рано, пташечка, запела, — сказал ей Старый Воробей. — Смотри ещё, сколько морозу будет. Ещё наплачемся.

— Ну да! — не поверила синичка. — Полечу-ка в лес, узнаю, какие там новости.

И полетела.

В лесу ей очень понравилось: такое множество деревьев! Ничего, что все ветки залеплены снегом, а на широких лапах ёлок навалены целые сугробики. Это даже очень красиво. А прыгнешь на ветку — снег так и сыплется и сверкает разноцветными искрами.

Зинька прыгала по веткам, стряхивала с них снег и осматривала гору. Глазок у неё острый, бойкий — ни одной трещинки не пропустит. Зинька тюк острым носиком в трещинку, раздолбит дырочку пошире — и тащит из-под коры какого-нибудь насекомыша-букаришку. Много насекомышей набивается на зиму под кору — от холода. Вытащит и съест. Так кормится. А сама примечает, что кругом.

Смотрит: лесная мышь из-под снега выскочила. Дрожит, вся взъерошилась.

— Ты чего? — Зинька спрашивает.

— Фу, напугалась! — говорит лесная мышь

Отдышалась и рассказывает:

— Бегала я в куче хвороста под снегом да вдруг и провалилась в глубокую яму. А это, оказываетя, медведицына берлога. Лежит в ней медведица, и два махоньких новорождённых медвежонка у неё. Хорошо, что они крепко спали, меня не заметили.

Полетела Зинька дальше в лес — дятла встретила, красношапочника. Подружилась с ним. Он своим крепким гранёным носом большие куски коры ломает, жирные личинки достаёт. Синичке за ним тоже кое-что перепадает.

Летает Зинька за дятлом, весёлым колокольчиком звенит по лесу:

— Каждый день всё светлей, всё веселей, всё веселей!

Вдруг зашипело, зашипело по лесу, побежала по лесу позёмка, загудел лес, и стало в нём темно, как вечером. Откуда ни возьмись, налетел ветер, деревья закачались, полетели сугробики с еловых лап, снег посыпал, завился — началась пурга. Зинька присмирела, сжалась в комочек, а ветер так и рвёт её с ветки, перья ерошит и леденит под ними голое тельце.

Хорошо — дятел пустил её в своё запасное дупло, а то пропала бы синичка.

День и ночь бушевала пурга, а когда пурга улеглась и Зинька выглянула из дупла, она не узнала леса: так он весь был залеплен снегом. Голодные волки промелькнули между деревьями, увязая по брюхо в рыхлом снегу: собирались в стаю — делать налёт на деревню. Внизу под деревьями валялись обломанные ветром сучья, чёрные, с содранной корой. Зинька слетела на один из них — поискать под корой насекомышей.

Вдруг из-под снега — зверь! Выпрыгнул и сел. Сам весь белый, уши с чёрными точками держит торчком. Сидит столбиком, глаза на Зиньку выпучил...

У Зиньки от страха и крылышки отнялись.

— Ты кто? — пискнула.

— Я беляк. Заяц я. А ты кто?

— Ах, заяц! — обрадовалась Зинька. — Тогда я тебя не боюсь. Я синичка.

Она хоть раньше зайцев в глаза не видела, но слышала, что они птиц не едят и сами всех боятся.

— Ты тут и живешь, на земле? — спрашивает его.

— Тут и живу.

— Да ведь тебя тут совсем занесёт снегом!

— А я и рад. Пурга все следы замела и меня занесла, вот волки рядом пробежали, а меня не нашли.

Подружилась Зинька и с зайцем.

Так и прожила в лесу целый месяц, и всё было: то снег, то пурга, а то солнышко выглянет, денёк простоит погожий, а всё равно холодно.

Прилетела к Старому Воробью, рассказал ему всё, что приметила, он и говорит:

— Запоминай: вьюги да метели под февраль полетели. В феврале лютеют волки, а у медведицы в берлоге медвежатки родятся; солнышко веселей светит и дольше, а морозы ещё крепкие. А теперь лети в поле.

В. Бианки

ПРИКАЗ НА СНЕГУ

Пообещал я как-то сынишке взять его с собой на охоту — тропить зайцев. И с тех пор не стало мне покоя. Каждое утро, чуть свет, сынишка врывается ко мне:

— Вставай! Сегодня пойдём. Погода хорошая.

Ему на охоту идти — погода всегда хорошая. А зверя тропить, то-есть разыскивать по следам, — не всякий день удобно. След разный бывает, смотря по погоде.

Я откажусь, а сынишка хныкать:

— Опять не хочешь! Всё откладываем да откладываем... Когда же, наконец, пойдём.

И придумал я военную хитрость.

— Слушай, — говорю, — мою команду!

Он сразу руки по швам.

— Есть, — говорит.

— Ну вот: зря меня больше не буди. Утром, как встанешь, первым делом беги в садик. Там на снегу прочтёшь мой приказ — выходить в поход или нет.

— Есть, — говорит, — выходить утром в сад.

Он лёг спать, а я взял палку и вышел из дому. Дом у нас с палисадничком. Зимой в палисаднике никто не ходит. Снег там как выпадет, так и лежит нетронутый. Я просунул палку сквозь забор и написал на снегу печатными буквами — сынишка у меня ещё маленький, только по-печатному разбирает;

СЕГОДНЯ НЕ БУДИТЬ!

В ту ночь я выспался хорошо: сынишка не пришёл будить меня спозаранку. Я встал, оделся и посмотрел в окно. Моё окно выходит как раз в палисадник, и моя надпись видна мне прямо из комнаты. Утро было серенькое, безветренное, тёплое; градусник за окном показывал чуть выше нуля. Снег не блестел, казался грязноватым, как плохой мел. Тусклым, скучным лежал мой приказ на снегу.

Я порадовался своей выдумке: ведь по этой надписи мне каждый день будет видно, какие изменения происходят и со следами в поле.

Стенки букв подтаивали, буквы расплывались, как на промакашке. В такой хмурый день свежие следы быстро расплываются, а прежние следы кажутся все одинаково старыми.

Я спокойно сел за работу.

На второй день опять не пришёл будить меня сынишка.

Утро было солнечное; ещё с ночи завернул такой мороз, что снег стал как пастила; сверху подсохла толстая корка — наст. По нему не только лёгкий зайчишка — волк, и тот не провалится. И следа никакого не оставит — разве кой-где когтями царапнет. Надпись моя казалась нацарапанной ножом по льду. Стенки букв сверкали, как срезанный металл. Ямки наполнились мёрзлой крупкой. В такую погоду найдёшь одни старые следы, новых нет.

И третий день не принёс ничего хорошего.

Опять был мороз да ещё с ветром — позёмкой. Сухой крупичатый снег мело по земле — пудрило следы. Буквы точно кто столовой солью посыпал. Пойдёт заяц утром с поля, где кормился, — с жировки, — его следы сразу и припудрит. Как их отличишь от его вечерних следов?

Сынишка ходил насупленный, но молчал — приказ оставался в силе.

Я поздно засиделся в ту ночь за работой. Лёг под утро.

— Подъём! — вдруг кто-то крикнул мне в самое ухо, как бывало на военной службе. Но что-то больно уж тоненький голосок у дневального.

Я с трудом открыл глаза.

— Будись живо! — кричал сынишка. — Я уже чай пью.

Я только глянул в окно — и сразу убедился, что он не напрасно меня поднял: на оконной раме, на заборе лежал толстый, пухлый, как вата, снег.

Значит, перед рассветом выпала мёртвая пороша.

Так называют охотники выпавший ночью густой снег — лучший помощник следопыта. Он начисто засыпает все старые следы. Утром в поле глазам охотника открывается мёртвая белая пелена. И только самые свежие — утренние — следы зверей чётко отпечатываются в новеньком рыхлом снегу.

Я так заторопился на охоту, что забыл посмотреть на свою надпись. Да и ни к чему было: её, конечно, так же занесло, как и все старые следы.

Зимой зайца трудно увидеть — не только белоснежного беляка, даже серого русака.

Но только мы с сынишкой вышли за кладбище, сразу увидели след заячий.

— Ну, — спрашиваю, — куда заяц шёл?

Слышу, он шепчет про себя тихонько стишки собственного сочинения:

Лап от задних пяточки
Впереди.
От передних пяточки
Позади.

Он у меня уже знает, что заяц на бегу заносит длинные задние ноги вперёд передних. След от задних продолговатый, пяточкой впереди, от передних — круглый, как пятачок, — позади.

— Он на кладбище пошёл помирать, — уверенно доложил сынишка. — Поворачивать?

— Нет, постой, — предупредил я, занося лыжи немного вбок, и снял с плеча ружьё. — Это ведь русачий след, а русаку чащи не надо, чтобы залечь. Смотри: дальше след оборвался. Тут заяц сдвойку сделал: повернул и пошёл назад своим следом. А вот скидка, он прыгнул в сторону. Погоди-ка, вон не у того ли куста он залёг...

И только мы стали подходить к этому кусту, за ним мелькнули чёрные кончики длинных ушей.

Я выстрелил. Здоровый русачина подскочил выше куста, перекувырнулся через голову и пропал.

Когда мы подошли, он уже дрыгал, зарывшись в снег.

Без труда мы вытропили ещё трёх русаков и одного беляка. Но застрелить удалось ещё только этого беляка: остальные благополучно от нас удрали.

Мы отыскали длинную палку, привязали к ней за лапки обоих зайцев — серого и белого — и понесли их домой. Я держал палку в руке, а сынишка положил другой конец её себе на плечо.

У самого дома нам встретился сосед. Он посмотрел на нашу добычу и сказал:

— Дельно! Тропили?

— Тропили.

— Так. Хорошее дело. Я вот тоже своего парнишку от молодых ногтей приучаю к разным следам присматриваться. Следопыт-охотник и на войне всегда первый разведчик и партизан тоже.

Слово «война» напомнило мне про мой приказ на снегу.

— А тебя всё-таки наказать надо, — сердито сказал я сынишке. — Ведь приказ-то был не будить меня.

— Я не виноват, — заявил он, нисколько не испугавшись, — Что осталось на снегу от приказа, то я и сделал.

— Как так? — не понял я.

Я взглянул через забор в палисадник.

Там в ярком солнечном свете ослепительно блистало на снегу одно только короткое слово:

БУДИ.

Остальных букв не было и следа.

— Я вижу, — объяснил сынишка, — каждый день буквы всё хуже. Я взял дощечку и прикрыл эти четыре буквы, чтобы приказ совсем не замёрз.

Маленький, маленький, а какой хитрый!

В. Бианки

СУМАСШЕДШАЯ ПТИЦА

Когда мне было десять лет, я прожил целую зиму в деревне.

Я бегал по лесу, выслеживал птиц и узнавал разные интересные подробности их жизни. Это было моим любимым занятием, и я очень скучал, когда что-нибудь мешало моим прогулкам.

Но вот ударили февральские морозы. Поднялась сильная метель.

Отец долго не выпускал меня из дому. Время тянулось ужасно медленно.

Наконец, через несколько дней, я, проснувшись утром, увидал в окошко ясное голубое небо. Я сейчас же отпросился у отца, оделся и выскочил на двор.

На дворе было морозно, но тихо. Ярко светило солнце. Глазам было больно от блеска белого снега.

В лес нечего было и думать пробраться. Там намело такие сугробы рыхлого снега, что я на каждом шагу проваливался по пояс.

Пришлось направиться вдоль по реке. С неё, наоборот, ветром смело почти весь снег, так что местами был виден голубоватый лёд.

Птиц не было нигде. Передо мной тянулась длинная белая полоса реки. Справа и слева на её крутых берегах молчаливо стоял засыпанный снегом лес. Даже писка синиц не было в нём слышно.

Я подумал: «Верно, птицы плохо чувствуют себя после такой долгой метели».

Скоро я увидел перед собой на снегу чёрное пятно.

Оказалось, что это мёртвая ворона. Она лежала, уткнувшись головой в сугроб, распластав сбитые ветром крылья.

Я поднял её и осмотрел со всех сторон. Она уже окоченела. Нигде на всём её теле не было ни следа раны или ушиба.

Я понял, что ворону убил мороз.

Мне было очень жалко эту большую крепкую птицу, замёрзшую тут, посреди сугробов. Я утешал себя мыслью, что не все птицы погибли в эти дни. Наверно, мне удастся ещё сегодня поймать какую-нибудь полумёртвую птичку. Я снесу её домой, обогрею, накормлю и буду держать до весны.

Словно в ответ на мои мысли невдалеке послышалось тихое щебетанье.

Я поднял глаза. Впереди была прорубь. По краю её, у самой воды, прыгала белогрудая птичка. Она дёргала коротким хвостом и заливалась на все лады самой весёлой песней.

«Вот сумасшедшая! — подумал я. — Как она может радоваться в такой мороз?»

Белогрудая птичка не обращала на меня никакого внимания. Мне захотелось ближе рассмотреть её. Но едва я сделал несколько шагов к ней, как птица с размаху бросилась в прорубь вниз головой. Одно мгновение я ещё видел, как она быстро двигала крыльями, словно летела в воде. Потом она исчезла подо льдом.

Я так и остался стоять с выпученными глазами и открытым ртом.

«Утопилась!» — мелькнула вдруг у меня страшная мысль. Я бросился к проруби. Мелкая вода текла здесь очень быстро. Утопленницы нигде не было видно.

Слёзы навернулись мне на глаза.

Я прибежал домой, к отцу, с мёртвой вороной в руках и с удивительным рассказом про белогрудую птицу-утопленницу.

Ворону отец велел мне сейчас же выкинуть, а над моим рассказом долго смеялся. Я не понимал, что тут смешного и очень сердился на отца.

— Дурачок! — сказал он. — Ведь это была оляпка. Она вовсе не утонула, а прыгает теперь снова по льду и радуется, что обманула тебя.

— Неправда! — горячился я. — Она сошла с ума и утопилась. Я сам видел, как её утянуло под лёд. Течение там такое быстрое.

— Ну, вот что, — остановил меня отец, — беги-ка опять на то место, где ты её видел. Она будет там. А если её там нет,

значит, неподалёку от первой проруби есть вторая. Должно быть, из этой второй проруби оляпка и выскочила, нырнув от тебя под лёд.

Я побежал на реку. Отец мой любил и хорошо знал птиц. Если он говорит, что оляпка бросилась в прорубь нарочно, значит, есть ещё надежда, что моя белогрудая птичка жива.

У проруби оляпки не было. Но дальше на реке я увидел вторую прорубь, пошёл к ней и вдруг заметил мою утопленницу на обрывистом берегу реки. Она была жива и здорова, бегала по снегу и распевала свою негромкую песенку, похожую на плеск и журчание ручья.

Я побежал к ней. Она слетела к проруби, закачалась на тонких ножках, словно кланялась мне, а когда я приблизился, бухнула в воду, точно лягушка в болото.

Стоя над прорубью, я видел, как она гребла под водой крыльями, словно пловец руками. Потом она побежала по дну, цепляясь изогнутыми коготками за все его неровности. В одном месте она даже задержалась немножко, на моих глазах перевернула клювом камешек и вытащила из-под него водяного жука.

А через полминуты она уже выскочила из другой проруби. Я с трудом верил своим глазам. Мне всё хотелось ещё поближе рассмотреть её. Несколько раз подряд я заставлял её кидаться в воду.

Меня очень удивляло, что под водой она блестит, как серебряная рыбка. Я не знал ещё тогда, что перья оляпки смазаны тонким слоем жира. Когда птица погружается в воду, воздух пузырится на её жирных перьях и блестит. Наконец, ей надоело нырять. Она поднялась на воздух, полетела над рекой прямо, как по ниточке, и в одну минуту скрылась у меня из глаз.

* * * *

Прошло почти два месяца со дня моей первой встречи с оляпкой. За это время я очень полюбил её. В хорошую погоду я отправлялся на реку следить за ней. Она всегда успевала юркнуть от меня в прорубь. И всегда при этом вид у неё был такой весёлый, словно мы играли с ней в «кошки-мышки».

Вся деревня знала эту забавную маленькую птицу. Крестьяне звали её водяным воробьём. А некоторые из них уверяли, что это совсем не птица, а оборотень или сам водяной. Они не хотели верить, что птица может остаться живой после купанья в проруби.

* * * *

В конце зимы снова затрещали морозы, ещё крепче февральских. В эти дни моя оляпка уже не пела больше.

Теперь мне приходилось долго разыскивать её, прежде чем я находил её где-нибудь под ледяным навесом берега. Тут она сидела нахохлившись. Вид у неё был грустный и недовольный.

Когда я подходил к ней, она молча снималась и улетала куда-то далеко, всегда в одну и ту же сторону.

И вот, наконец, настал день, когда она улетела с этого места: проруби замёрзли. Лёд мешал оляпке нырять в воде за жуками.

Я очень тревожился о своей белогрудой приятельнице.

«Может быть, — думал я, — она лежит теперь где-нибудь в снегу, как та ворона, что я нашёл на реке после метели».

Дома отец сказал мне:

— Скорее всего, твоя оляпка попала в когти какому-нибудь хищнику. А всего верней, она просто отправилась искать себе другое место на реке, где вода не замерзает даже в самые крутые морозы.

На следующее утро опять выглянуло солнце, и я отправился на розыски оляпки.

Миновав знакомые проруби, я взобрался на обрывистый берег и пошёл вдоль реки.

Скоро путь мне преградила маленькая речка. Она быстро неслась с горки и круто обрывалась с берега, по которому я шёл, в большую реку.

Это был настоящий водопад. Речка широкой струёй хлестала с обрыва и пенилась внизу, крутясь в бурном водовороте. В этом месте на большой реке была широкая полынья.

Я никогда прежде не видал водопада. С восторгом и страхом смотрел я на бешеный поток, готовый смять под собой всякого, кто неосторожно к нему приблизится.

Вдруг я заметил двух птиц, летевших прямо к водопаду. Впереди неслась, сверкая белой грудью, моя оляпка. Сзади быстро настигал ее серый ястреб.

Не успел я опомниться, как сумасшедшая птичка исчезла в стремительной струе водопада.

Ястреб круто взмыл кверху перед падающей стеной воды, на одно мгновение повис в воздухе, повернулся и медленно полетел прочь. Добыча ускользнула из его когтей.

Ястреб не знал, что сталось с оляпкой. Но я видел, как она стремглав пронеслась сквозь стену водопада, сделала небольшой полукруг и как ни в чём не бывало уселась на камне под обрывом, с которого падала вода.

Сквозь шум водопада не было слышно её голоса. Но по её движениям я понял, что она поёт свою весёлую песенку.

Домой я возвращался с прогулки вприпрыжку. Теперь я был уверен, что моей смелой маленькой приятельнице не страшны ни когти ястреба, ни холод, ни голод зимы.

Да зиме уж недолго оставалось мучить птиц. День был по-весеннему тёплый. Солнце припекало, и вокруг меня с лёгким звоном рушился снег. Был уже конец февраля. Скоро должны были кончиться морозы.

С такими весёлыми мыслями бежал я домой. У знакомой

проруби мне вдруг пришло в голову: хорошо бы попробовать, очень ли холодна вода, в которой так любит купаться оляпка.

Недолго думая, я подбежал к проруби и сильно топнул ногой по тонкому льду.

Я хотел только сломать лёд, чтобы потом попробовать воду рукой. Но тонкий ледок, затянувший прорубь, уже подтаял. Он легко проломился под моим ударом. Я с размаху влетел в прорубь, сначала одной ногой, а потом, не удержав равновесия, и всем телом.

К счастью, воды в этом месте было мне всего по колено.

Как ошпаренный, выскочил я на лёд и, стуча зубами от холода, сломя голову, помчался домой. Вода, в которой так любила купаться оляпка, оказалась очень холодной.

В тот же день я слёг в постель в сильном жару. Я проболел целых два месяца. А когда выздоровел, мне ещё досталось от отца за то, что я искупался в проруби.

— Только сумасшедшие, — говорил отец, — нарочно лезут в воду зимой...

— А оляпка? — перебил я.

Отец рассмеялся и больше не стал бранить меня.

В. Бианки

СОСУЛЬКА

(Сказка)

Утром снег сверкал и искрился так, будто зима полными пригоршнями разбросала весёлые блёстки.

Красавица-сосулька переливалась всеми цветами радуги на солнце. Она висела у края старой водосточной трубы большого дома.

— Вы, наверно, из драгоценных камней? — спросила с уважением синичка.

«А может быть, она сладкая, как конфета»,— подумал мальчик, который шёл мимо. Ведь всем маленьким детям сосульки кажутся сладкими, и им хочется их пососать.

Он схватил палку и стал кидать ею в сосульку.

Но как испугались деревья и птицы и больше всех сама водосточная труба, которая очень боялась, что мальчик попадёт нечаянно и в неё! Кроме того, она считала, что сосулька очень украшает её.

Вдруг — тр-рах! Мальчик попал в сосульку, она отломилась и упала.

— Моя сосулька! Моя сосулька! — радостно закричал он и схватил сосульку руками без рукавичек.

Рукавички он снял, потому что ему было неудобно бросать палку, да и жарко — руки его стали совсем тёплыми.

Мальчик поднёс сосульку ко рту и хотел было пососать её. И вдруг заметил, что на него смотрят ясные голубые глазки.

— Не ешь меня, — услышал он тихий голос. — Я расскажу тебе много интересного.

Мальчик удивился, и, конечно, ему захотелось послушать, что же расскажет ему сосулька.

— Ты, наверно, волшебная? — спросил он её.

— Да, да, — грустно ответила она. — Я заворожена, я заморожена — ты спас меня, и я тебе благодарна за это... Я прошу: не губи меня! Я очень люблю бегать, как ты, прыгать, как ты! Я не люблю сидеть на месте.

— Ты любишь бегать? — ещё больше удивился мальчик.— Ведь ты висела на старой водосточной трубе.

— Да, да! Наверно, я провисела бы здесь до весны, покамест солнце не растопило бы меня. Ведь я не из драгоценных камней и не из сладкого сахара! Я — из капелек чистой воды. Мне боязно, мальчик, что зима заметит нас с тобой и заморозит обоих. Поэтому я расскажу тебе свою историю очень коротко.

— Вот слушай! Мы были весёлыми капельками воды и жили в Днепре. Вместе с миллионами своих сестёр-подружек мы плыли да плыли к Чёрному морю. Это были самые лучшие дни нашей жизни. Только ветер не давал нам ни минуты покоя. Чего он хотел от нас, я не знаю. Когда мы попали, наконец, в море, он поднял волны выше этого дома. Он подбрасывал корабли то вверх, то вниз, переворачивал лодки. А мы, капли, всегда убегали от него.

Как-то в тихий летний день ветер рассердился, когда мы этого совсем не ожидали, и выплеснул нас на берег. Мы попали на горячий камень, превратились в пар и унеслись высоко-высоко. Высоко над землёй плавали мы в белых облаках, и вдруг снова налетел ветер, облака не удержали нас — уронили тёплыми дождинками на землю. И потекли мы весёлым ручьём под землёй. Нам не было страшно, потому что всё новое интересно. И мы спешили и спешили. И вдруг оказались в тёмных длинных трубах. В них было много воды — целая речка.

— Не бойтесь, не бойтесь! — говорили старшие капли.

И мы бежали, бежали по трубам, лопоча и переговариваясь и рассказывая каждый о своём.

Одни капли рассказывали, как их наливали в паровозы, подогревали, как потом они превращались в пар и двигали целые поезда. Другие — как их зимой посылали в дома к людям, чтобы обогревать комнаты.

Нам очень хотелось узнать, что ожидает нас.

Вначале нам нравилось, что мы не одни, что опять течём целой маленькой речкой. И ветер не подгоняет, не дразнит нас.

Потом нам всем надоело течь по тёмным узким трубам, и мы обрадовались, когда побежали быстро-быстро — быстрее прежнего. И тут раздался какой-то звук.

— Кран открывают! — закричали те мои подружки, которые бежали впереди. — Сейчас на волю! На солнышко!

Сказать по правде, нам больше всего хотелось бы попасть в родной Днепр. Но мы были рады и другому месту. Только нам очень хотелось тоже двигать поезда и большие машины.

А вышло куда проще. Нас налили в чайник. Да, в обыкновенный большой чайник! И поставили на огонь!

— Что с нами будет? Горячо, горячо! — плакали мы.

— Слышишь, чайник уже булькает! — сказал кто-то из людей. — Сейчас будем пить чай.

— Как бы не так! Убежим!

Мы подобрались к самому носу чайника.

— Вы куда? — зашипел он. — И что это меня не снимают? Я весь выкипаю!

— До свиданья, дяденька чайник! Полетать хочется! — крикнули мы, легко вылетели через открытую форточку и поднялись высоко кверху.

— А, вот вы где! — послышался вдруг знакомый голос.

Ой, беда, это злюка-ветер! Он служил у холодной Зимы, а Зима любит морозить всю воду на свете — все реки, ручейки, озёра. Даже Днепр она заковала в крепкий лёд!

Много ли нам нужно, чтобы замёрзнуть! Зима сказала только одно слово, и подул ветер. Мы мгновенно превратились в холодную, замороженную сосульку и примёрзли к этой старой водосточной трубе.

Злой ветер смеялся:

— Вы любите солнце, любите цветы! Так повисите же на трубе, а я буду дуть на вас, сколько захочу!

Вот так заколдовала нас лютая Зима... Даже солнечный луч ничего не мог сделать, потому что ветер не подпускал его близко.

Сосулька помолчала, потом очень тихо добавила:

— Иногда я плакала, и тогда слезинки примерзали ко мне, и я делалась ещё нарядней...

Сосулька замолчала совсем, и мальчик почувствовал, как она тает у него в руках. Вдруг он услышал тихий-тихий шопот:

— Спасибо тебе за тепло твоих рук. Вспоминай меня, когда будешь плавать в реке, когда увидишь росинку, лёгкую белую тучку, тёплый летний дождь.

И уже ничего не было в руках у мальчика...

О. Иваненко

ЗИМНЯЯ ПИРУШКА

Заяц всё лето кормил хромую белку: озорной мальчишка перебил ей лапку. А когда белка поправилась, она простилась с зайцем и сказала:

— Спасибо тебе, зайчик, спасибо! Смотри, никаких запасов на зиму себе не делай. Летом ты меня кормил, зимой я тебя прокормлю.

Но с того дня заяц белки не видел. Последняя трава скрылась под снегом. И остались зайцу, чтобы поглодать, только голые веточки да кора. В непогоду он часто голодал. Тогда он вспоминал белку, и ему становилось веселее. «Стоит мне только её найти, а тогда заживём!»

И вот, наконец, заяц наткнулся на белку. Она сидела на сучке у своего дупла.

— Здравствуй, — крикнул заяц, — какое счастье, что я тебя нашёл! Ведь как раз сегодня я с утра ничего не ел.

— Ладно, ладно, поставлю для друга самовар, — сказала белка. — Вот только принёс бы ты мне берёзовых веток, я бы из них угольков нажгла.

— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

А белка-то хитрила. Ей стало жаль своих запасов. И она нарочно отослала зайца. «Когда-то он ещё найдёт берёзку, — думала белка, — я тем временем потихоньку перетащу все свои запасы в другое дупло и сделаю вид, будто меня куница съела».

Но не успела белка вдеть в иголку нитку, чтобы починить мешок под орехи, а заяц уж тут как тут.

— На, получай берёзовые ветки, хлопотунья!

— Быстро же ты обернулся, — сказала белка.

— Да ведь берёзу-то нетрудно найти, — сказал заяц, — с опушки видно, как березнячок белеется.

«Это верно», — подумала белка. И давай хитрить дальше:

— Угольки-то у меня будут, а разжечь-то мне их нечем. Принёс бы ты мне осиновых веток, я бы из них спички сделала.

— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

А белка думает: «Ну, осину-то ты зимою не скоро отыщешь».

Но не успела белка первую заплату на мешок положить, а заяц уж тут как тут.

— На, получай осиновые ветки, хлопотунья.

— Быстро же ты обернулся, — сказала белка.

— Да ведь осину-то нетрудно найти, — сказал заяц, — осинничек, как частокол, стоит. Осинки тоненькие, пряменькие, серо-зелёные, а кора у них горькая.

«Это верно», — подумала белка. И давай хитрить дальше:

— Самоварчик-то я поставлю, а как я на стол накрою? Ведь стола-то у меня нету. Принёс бы ты мне дубовых брёвнышек, напилила бы я досочки, сделала бы дубовый стол.

— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

А белка думает: «Ну, дуб-то ты зимою не скоро отыщешь».

Но не успела белка десяти орешков в мешок сложить, а заяц уж тут как тут.

— На, получай дубовые брёвнышки, хлопотунья.

— Быстро же ты обернулся, — сказала белка.

— Да ведь дуб-то нетрудно найти, — сказал заяц,— большой, толстый да корявый, а на веточках зимой, как флаги, висят засохшие листья.

«Это верно», — подумала белка. И давай хитрить дальше:

— Стол-то я сделаю, а пошоркать его нечем. Принес бы ты мне липовой мочалки.

— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

А белка думает: «Ну, липу-то ты зимою не скоро отыщешь!»

Но не успела белка мешок с орехами перевязать, а заяц тут как тут.

— На, получай липовую мочалку, хлопотунья.

— Быстро же ты обернулся, — сказала белка.

— Да ведь липу-то нетрудно найти, — сказал заяц, — у неё каждая ветка посередине прогнулась, будто на ней в этом месте сидели верхом медведи.

«Это верно», — подумала белка. И давай хитрить дальше:

— Пировать-то мы с тобою попируем, но какой же это пир без музыки? Принёс бы ты мне кленовых брёвнышек. Сделала бы я из них балалаечку.

— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

А белка думает: «Ну, клён-то ты зимою уж не скоро отыщешь!»

Но не успела первый мешок с орехами взвалить на плечи, а заяц тут как тут.

— На, получай кленовые брёвнышки, хлопотунья.

— Быстро же ты обернулся, — сказала белка.

— Да ведь клён-то нетрудно найти, — сказал заяц, — у него все веточки, все прутики сидят парочками, и каждая наперекрёст с другой.

— Только и загоняла же ты меня, хлопотунья! Ну, да ничего, уж для такого праздника стыдно не постараться. Да и лапы у меня большие, крепкие, не чета твоим. Я когда летом перевязывал тебе лапку, всё удивлялся, как такие лапочки могут выдержать твои прыжки?

Тут белка вспомнила, как заяц за нею ухаживал, как всё лето её кормил, и белке стало стыдно. Ей стало так стыдно, что она вся покраснела и из серенькой опять стала рыжей.

— Посиди немножко, зайчик, — сказала белка тихо и ласково, — я всё сейчас приготовлю.

И она быстро сделала из осины спички, нажгла берёзовых углей, растопила самовар, сделала дубовый стол, отшоркала его липовой мочалкой и наставила на него всякой всячины. Всего, всего наставила, как для большого пира.

А когда они с зайцем немножко подкрепились, белка наладила кленовую балалайку и заиграла. И тут у них с зайцем такое веселье пошло, что даже все ближние деревья в этот вечер жалели, что у них нет ног, чтобы потанцевать.

Н. Павлова

Народные приметы

Дым столбом — к морозу.
Если ночью был иней, днём снег не выпадет.
Кошка — в печурку, стужа — на двор.

Народные загадки

1. *Я как песчинка мал, а землю покрываю.*
2. *Скатерть бела, весь свет одела.*
3. *Кто мостик на реке мостит — без топора, без гвоздей, без клиньев и без досок?*
4. *Четыре брата вместе живут, пятый в отделе.*
5. *В лес идёт холсты стелит, из лесу идёт — перестеливает.*
6. *Стоит древо, у этого древа двенадцать отростков, у двенадцати отростков по четыре прута, у прута по шести кистей, седьмая золотая.*
7. *Не зверь, а воет.*
8. *Кручу, уручу, знать никого не хочу.*
9. *Летом гуляет, зимой отдыхает.*
10. *Чёрная корова весь свет поборола, а белая подняла.*

Народные пословицы и поговорки

Мороз не велик, да стоять не велит.
Спасибо, мороз, что снегу нанёс.
Береги нос в большой мороз!
Солнце — на лето, зима — на мороз!

Прибаутки

— *Медведя поймал.*
— *Тащи сюда!*
— *Да нейдёт.*
— *Так сам иди.*
— *Да не пускает.*
— *Собака, что лаешь?*
— *Волков пугаю.*
— *Собака, что хвост поджала?*
— *Волков боюсь!*

ГУЛЯЙ ДА ПРИСМАТРИВАЙСЯ!

1. Как по пню срубленного дерева узнать, сколько было этому дереву лет?
2. Отчего все кошки (домашняя, дикая, рысь) гораздо чистоплотнее собак (волков, лисиц)?
3. Почему зимой многие звери и птицы из лесной чащи жмутся к человеческому жилью?
4. Все ли грачи улетают от нас на зиму?
5. Куда на зиму исчезают летучие мыши?
6. Все ли зайцы белы зимой?
7. У каких птиц самки больше и сильнее самцов?
8. Почему тушка мёртвого клеста даже в тепле долго не разлагается?
9. Какой зверь спит всю зиму вниз головой?
10. Какая птица выводит птенцов в любое время года, даже зимой, среди снега?
11. Пользу или вред приносят человеку синицы зимой, когда все насекомые спят?
12. Пользу или вред приносит зимой человеку барсук?
13. Какая певчая птичка достаёт себе пищу, ныряя под лёд?
14. Где раньше начинает таять снег — в лесу или в городе, и почему?
15. С прилёта каких птиц считаем мы начало весны?

Разгадки

Весна

1. Солнце.
2. Сосулька.
3. Снег, ручьи.
4. Земля.
5. Птичье гнездо.
6. Комар.
7. Жук.
8. Комар.
9. Небо.
10. Солнце.

Лето

1. Звезды, Млечный путь.
2. Туча.
3. Радуга.
4. Красные грибы, подосиновики.
5. Рыба.
6. Лён.
7. Земляника.
8. Сноп.
9. Рак.
10. Муравьи, муравейник.
11. Огурец.
12. Мухи на потолке.

Осень

1. Ветер.
2. Тень.
3. Древесный лист.
4. Дождь.
5. Эхо.
6. Месяц.
7. Печка топится.
8. Дым из трубы.
9. Кочан капусты.
10. Лук.

Зима

1. Снег.
2. Снег.
3. Мороз — лёд.
4. Рукавички, варежки.
5. Следы лыж на снегу.
6. Год, месяцы, недели, дни недели
7. Ветер.
8. Метель.
9. Медведь.
10. Ночь и день.

Ответы

Гуляй да присматривайся!

Весна

1. Грязный, потому что он тёмный. Тёмные цвета поглощают больше солнечных лучей. (В чёрной шапке летом жарче всего.)
2. Летучие мыши появляются после вылета насекомых, которыми они питаются.
3. У клестов.
4. Сморчки и строчки.
5. Пахарь вырывает плугом из земли много червей, личинок жуков и других насекомых. Грачи подбирают их.
6. Воронье гнездо плоское, лотком, сорочье — круглое, с крышей.
7. Ласточки.
8. В рощах и садах, в дуплах.
9. Таскают шерсть для гнёзд и выклёвывают из кожи старых животных насекомых и их личинки.
10. Весной неожиданно разлившаяся вода часто заливает яйца и птенцов птиц, гнездящихся на земле.
11. Гады, потому что у них кровь холодная; в холод они замирают. А птицы, если они сыты, почти не боятся холода.
12. Передним концом.
13. У жука две пары крыльев. Верхняя — жёсткая, толстая и служит больше для защиты нижней пары — летательной.
14. Скворцы в клювах уносят из гнезда разбитые птенцами яйца и бросают скорлупки далеко от скворешен.
15. У кузнечика — орган слуха у него помещается не в голове, а в голенях передней пары ног.
16. Лягушечья икра свободно плавает в воде большими студенистыми комьями; у жабы каждая икринка помещается на студенистой ленточке, ленточки эти прикреплены к подводным травам.
17. Самец белой куропатки: весной во время тока он издаёт звук, похожий на собачий лай.
18. Весной: лето считается со времени отцветания сирени.

Лето

1. Колюшка.
2. Чайки, кулики, живущие по песочным берегам.
3. Под цвет песка и гальки.
4. Задние.
5. В гнезде касатки вход сверху, в гнезде воронка — сбоку.
6. Есть.

7. Зимородок.
8. Потому что птички убирают, «маскируют» свои гнёзда снаружи лишаями тех деревьев, на которых строят гнёзда.
9. Далеко не все. Многие (зяблики, щеглы, пеночки) выводят дважды, а некоторые (воробьи, овсянки) даже три раза в лето.
10. Есть. У нас на моховых болотах растёт росянка. Росянка ловит и съедает садящихся на её круглые клейки листочки комаров, мошек и других насекомых. В реках и озёрах растёт пузырчатка; она ловит забирающихся в её пузырьки водяных рачков, насекомых и рыбёшек.
11. Водяной паук.
12. Кукушки. Они подбрасывают яйца и отдают своих птенцов на выкорм другим птицам.
13. Вертиголовки (вертишейки).
14. У молодого грача нос чёрный, как у вороны, а у старого — грязно-белый.
15. Колюшка.
16. Ужалив, пчела умирает.
17. К солнцу, т. е. прямо на юг.
18. Летучие мыши. Расстояние в несколько десятков метров пролетает и летяга (полетуха) — живущая в наших лесах белка с кожистыми перепонками между лапками.
19. Летая, ласточки ловят мошек, комаров и других крылатых насекомых. В ясную погоду воздух сухой, и эти насекомые поднимаются высоко над землей. В сырую погоду воздух тяжёлый, полный влаги и не даёт им подниматься вверх.
20. Предчувствуя дождь, куры смазывают свои перья жиром из копчиковой железы. Эта железа помещается у них над хвостом.
21. Перед дождём муравьи прячутся в муравейник и закупоривают все входы в него.
22. Разных летучих насекомых — мух, подёнок, ручейников.
23. Медведь.
24. На грязи, тине, иле по берегам рек, озёр, прудов: сюда много слетается разных птиц, и все они оставляют ясные отпечатки ног.
25. Чёрный с красной «шапкой».

Осень

1. В гору. У зайца передние ноги коротки, задние длинны.
2. Поэтому заяц в гору бежит легко, а с горы летит кубарем через голову.
3. Белка. Она втаскивает грибы на деревья и насаживает на сучочки, а зимой в бескормицу отыскивает их и съедает.
4. Водяная крыса.
5. Закрывают все входы-выходы в муравейнике и собираются сами все в кучу.

6. У насекомого — 6 ног, у паука — 8 ног; значит, паук не насекомое.
7. В тину, ил, под мох; бывает, забираются даже в погреба.
8. В норах, по берегам рек и озёр.
9. Голод птицам страшней. Утки, лебеди, чайки, бывает, остаются у нас всю зиму, если им есть чем кормиться, т. е. если где-нибудь остаётся не покрытая льдом вода.
10. В садах, в рощах, на деревьях, куда с вечера собираются большими стаями.
11. Когда замёрзнут последние озёра, пруды и реки.
12. Осенью (и на всю зиму) дятлы присоединяются к стайкам синиц, пищух, поползней.
13. Неодинаковы. Днём при солнечном свете зрачки кошки маленькие, к ночи сильно расширяются.
14. У зайчихи. Поздние зайчата так и называются «листопадники».
15. Рябины, осины, клёна.

Зима

1. Возраст спиленного дерева узнают по количеству кругов его древесины.
2. Потому что кошки ловят добычу прыжком из засады. Они должны быть очень чистоплотны, чтобы от них не пахло, иначе те, за кем они охотятся, почуют их издали и не подойдут к засаде близко.
3. Потому что зимой около человеческого жилья им легче найти себе пищу.
4. Не все. Часть грачей остаётся зимовать у нас. Зимой на помойках, в рощах, на ночёвке обычно можно видеть одного или несколько грачей среди стаи ворон.
5. Летучие мыши зимой спят в дуплах, на чердаках и под крышей.
6. Белеют только беляки, русаки остаются серыми.
7. У хищных.
8. Клесты питаются семенами хвойных деревьев. Всё тело их пропитывается смолой. Смола сохраняет тело от тления.
9. Летучая мышь.
10. Клёст. Клесты выкармливают своих птенцов сосновыми и еловыми семечками.
11. Пользу: зимой синицы разыскивают в щёлочках и скважинах коры спрятавшихся насекомых, их яички и личинки и массами их поедают.
12. Ни пользы, ни вреда; зимой барсук спит.
13. Оляпка.
14. В городе, потому что снег в городе грязный.
15. С прилёта грачей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Примечание. Звёздочкой помечены рассказы, сказки и стихи, рекомендованные для рассказывания и чтения вслух детям.